

2

Acta Baltico-Slavica

8

*Archaeologia, Historia,
Etnographia
et Linguarum Scientia*

ACTA
BALTICO-SLAVICA

SOCIETAS SCIENTIARUM BIALOSTOCENSIS

ACTA
BALTICO-SLAVICA

EDITOR

Tadeusz Cieślak

VII

WARSZAWA 1973

BIAŁOSTOCKIE TOWARZYSTWO NAUKOWE

ACTA
BALTICO-SLAVICA

VIII

WARSZAWA 1973

D-70/5A

Rada Redakcyjna

W. Antoniewicz (Warszawa), T. Dzierżykray-Rogalski (Warszawa)
K. O. Fuik (Lund), H. Łowmiański (Poznań),
J. Otrębski (Poznań), J. Safarewicz (Kraków)

Redaktor: Tadeusz Cieślak

Sekretarz redakcji: Henryk Majecki

Okladkę projektował:

H. Białoskórski

126060

BIBLIOTEKA UNIWERSYTECKA
im. Jerzego Giereycia w Białymstoku

FUW0251261

Wydane z zasiłku
Prezydium Wojewódzkiej Rady Narodowej
w Białymstoku

Copyright
by Białostockie Towarzystwo Naukowe
Warszawa 1973

Printed in Poland

16425

SPIS TREŚCI

Содержание — Contents

J. Safarewicz (Kraków), Jan Otrębski (1889—1971)	7
H. Otrębska (Poznań), Bibliografia prac Jana Szczepana Otrębskiego od roku 1967	15

I. Studia i rozprawy — Articles

A. Эндзинас (Москва), Древнее производство железа на территории Литвы	21
В. Б. Вилинбахов (Ленинград), Славяне в Ливонии (Некоторые соображения о вендах Генриха Латвийского)	53
A. J. Хорошкевич (Ленинград), К истории издания и изучения литовской метрики	69
Я. Тиунелите (Вильнюс), Альберт Виок Коялович — хронист XVII в.	95
J. Kolbuszewski (Wrocław), S. F. Kolbuszewski (Poznań), Bemerkungen über das dichterische Schaffen von J. Rainis	109

II. Dyskusje — Discussions

З. Ю. Копыцкий (Минск), Новое решение одной старой проблемы . .	131
S. F. Kolbuszewski (Poznań), Nowe prace w badaniach nad pożyczkami fińskimi w językach bałtyckich	145

III. Materiały — Materials

В. Czeczuga, W. Kossacka (Białystok), Nasiona roślin uprawnych i chwastów z osady jaćwieskiej w Osowej, pow. Suwałki (III—V w.n.e.)	151
Г. В. Штыхов (Минск), „Крамольники берестьяне” (О древнем вече в Берестье)	167
A. Каупуж (Вильнюс), Из истории польской орфографии в Вильне в первой трети XIX века	171

IV. Recenzje — Reviews

Publikacje dotyczące Polski, Litwy i Białorusi z dziedziny historii, językoznawstwa i paleopatologii	185
--	-----

Jan Safarewicz

Kraków

JAN OTRĘBSKI (1889 — 1971)

Jan O t r ę b s k i, profesor Uniwersytetu Poznańskiego, zmarł w Poznaniu 25 kwietnia 1971 roku w osiemdziesiątym drugim roku życia. Z wydawnictwem „Acta Baltico-Slavica” był związany od pierwszego tomu (1964 rok); był członkiem Rady Redakcyjnej. Bo też istotnie zagadnienia bałto-słowiańskie stanowiły dziedzinę jego poszukiwań naukowych, w której osiągnął najwięcej trwałych zdobyczy.

Głównym przedmiotem badań, do których czuł się powołany, była gramatyka porównawcza języków indoeuropejskich. Szukał wyjaśnienia zjawisk, których dotąd innym uczonym nie udało się wytłumaczyć. W jednej z wcześniejszych prac przedstawił swoje poglądy na funkcję infiksu nosowego w morfologii praindoeuropejskiej¹, poruszając zagadnienia, które później w inny sposób, ale również w morfologicznym ujęciu badał Benveniste i inni uczeni. Jedną z najobszerniejszych jego rozpraw przed wybuchem ostatniej wojny były „Studia indoeuropeistyczne”, wydane w 1939 roku w języku niemieckim². A w przedmowie do 2. tomu „Gramatyki litewskiej”, w 1965 roku, zapowiadał jeszcze jedną większą pracę: „Badania etymologiczne nad językami indoeuropejskimi”³; rozprawa ta nie doczekała się dotąd publikacji. Jako indoeuropeista prowadził badania nad różnymi językami należącymi do tej rodziny: nad fonetyką historyczną staroindyjską⁴, nad językiem greckim⁵, hetyckim⁶; wiele prac poświę-

¹ Z badań nad infiksem nosowym w językach indoeuropejskich, Kraków 1929.

² Indogermanische Forschungen, Wilno 1939.

³ Por. Gramatyka języka litewskiego, t. 2, Warszawa 1965, s. VIII.

⁴ Le traitement des groupes du type *ss* en sanscrit, Wilno 1932, s. 67.

⁵ Lateinische und griechische Wortdeutungen, „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung” 1939, t. 66, s. 241—249. Tu: Griech. *ἀρουρα*; Griech. *εὐδω(να)εὐδω*.

⁶ Les traces de l'alternance indo-européenne *i* : *u* en hittite. „Archiv Orientalni”

cił językowi łacińskiemu, jego problemom fonetycznym, szczególnie w rozprawie habilitacyjnej, w której omawiał losy końcowego *-s* w tym języku⁷; także w artykule o łacińskich formach typu *āctus*⁸, o rozwoju grup *-oui-* i podobnych⁹. Parę rozpraw dotyczy łacińskiej morfologii (o łacińskim perfectum na *-vī*, *-uī*, o łac. *danunt*)¹⁰; sporo przyczynków poświęcił rozważaniom etymologicznym o poszczególnych wyrazach¹¹. Wreszcie napisał ujęcie całościowe fonetyki łacińskiej i słowotwórstwa w „Gramatyce historycznej języka łacińskiego”¹², której inne części opracował J. Safarewicz.

Ale dziedziną, której najwięcej poświęcił wysiłków, były zagadnienia słowiańskie, a zwłaszcza bałtyckie. Sławistą był z wykształcenia (praca dyplomowa — 1913 r. — dotyczyła gwar białoruskich ówczesnej guberni wileńskiej), polonistą z zamiłowania; do badań terenowych lituanistycznych zachęcały możliwości, jakie mu dawała katedra językoznawstwa w Wilnie. Toteż główne osiągnięcia prof. Otrębskiego dotyczą językoznawstwa litewskiego i na te prace zwrócimy tu szczególną uwagę.

Trzy dziedziny lituanistyki reprezentowane są w pracach prof. Otrębskiego: dialektologia, onomastyka i system gramatyczny, zwłaszcza słowotwórstwo. We wszystkich tych działach opierał się na materiałach, które samodzielnie zbierał.

Dziś dialektologia litewska jest już w znacznej mierze opracowana i to opracowana dobrze (brak jednak jeszcze dotąd atlasu gwarowego i porównawczego słownika gwarowego). Jest już w każdym razie syntetyczne ujęcie całości i zbiór tekstów gwarowych, doskonale zebranych i przedstawionych w jednolitej transkrypcji¹³. Mapę rozmieszczenia dia-

(Praga) 1950, t. 13, s. 366—372. Hethitisches. 1. *Hatti* und *Hattusa*-. 2. *lenk-* 'schwören'. 3. Adv. *tuva*, *duwan*. „Die Sprache” Wiedeń 1960, t. 6, s. 162—165.

⁷ Z dziejów języka łacińskiego (o zachowaniu się wygłosowego *-s* po samogłosce długiej), Wilno 1924, s. 116.

⁸ ● formach łacińskich typu *āctus*, „Prace Filologiczne” 1929, t. 14, s. 1—15.

⁹ Łacińskie grupy *-oui-* *-oue-* *-oue-* przed samogłoską. *Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski*, t. 1, Kraków 1927, s. 209—222.

¹⁰ O pochodzeniu łacińskiego perfectum na *-vī* i *-uī*, Wilno 1927, s. 34; L'origine des formes latines du type *danunt*, „Eos” 1930/31, t. 33, s. 325—330.

¹¹ Przyczynki etymologiczne. 1. Lac. *peior*, *messimus*; 2. Lac. *necerim*, „Prace Filologiczne” 1926, t. 10, s. 63—85; L'origine des adverbes *comminus* et *eminus*, „Eos” 1928, t. 31, s. 481—484. L'origine du latin *noverca*, „Eos” 1929, t. 32, s. 371—376. Latin *strādere*, „Księga Wergiliuszowa”, Wilno 1930, s. 52—56. Lateinische und griechische Wortdeutungen. 1. Lat. *plōrē* *-āre*. 2. Lat. *suspiciō*, „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung” 1939, t. 66, s. 241—249. Lat. *cervix* *-īcis*, „Lingua Posnaniensis” 1950, t. 2, s. 256.

¹² Gramatyka historyczna języka łacińskiego, cz. I, Warszawa 1937.

¹³ Z. Zinkevičius, Lietuvių dialektologija, Vilnius 1966 (75 map); Lietuvių kalbos tarmės. Chrestomatija, Vilnius 1970.

lektów mamy już od 1933 roku¹⁴. Ale w czasie, gdy prof. Otrębski rozpoczął badania lituanistyczne, znajomość gwar była zupełnie fragmentaryczna, a krańce wschodnie obszaru litewskiego prawie wcale nie opracowane. Toteż pracę swą musiał on zacząć od zgromadzenia materiałów opisowych, które zdobywał bezpośrednio w terenie, wybrawszy za główny punkt informacji okolice Twerecza, położonego w północno-wschodnim krańcu terenów litewskich. Po kilkuletniej pracy przygotował do druku dwie części monografii dialektu twereckiego, tj. gramatykę (1934) i opracowanie zapożyczeń słownikowych słowiańskich (1932). Obie prace wydała Polska Akademia Umiejętności¹⁵.

Obie części były wzorowe tak pod względem ścisłości informacji, jak też co do metody systematyzacji i przedstawienia materiałów. Spotkały się też z jak najlepszą oceną i od razu postawiły autora w rzędzie poważnych lituanistów. Do całości monografii dialektu twereckiego brakowało jeszcze tylko zbioru tekstów, który miał stanowić drugą część dzieła. Niestety, nie został on opublikowany.

Studia nad gwarą, różniącą się znacznie od języka literackiego, a wykazującą cechy wybitnie archaiczne, wskazywały autorowi problematykę, która się musiała nasunąć badaczowi języka litewskiego. Z jednej strony były to badania szczegółowe, zwłaszcza związane z osobnymi wyrazami, mianowicie badania etymologiczne; z drugiej zaś strony trzeba się było pokusić o przedstawienie całości gramatyki litewskiej, i to w ujęciu historycznym.

Badania etymologiczne stanowiły dziedzinę, do której często sięgał prof. Otrębski przy różnych sposobnościach, zwłaszcza jeśli chodzi o język polski. W zakresie lituanistyki te jego poszukiwania skierowały się szczególnie ku onomastyce i w tej dziedzinie doprowadziły do bardzo poważnych osiągnięć. Interesowały go przede wszystkim nazwy miejscowości i nazwy fizjograficzne, mianowicie nazwy rzek i jezior.

Poszukiwań tych nie mógł rozpocząć od razu, widział bowiem poważne braki w będących do dyspozycji materiałach. Ażeby objaśnić bowiem w sposób właściwy nazwę miejscowości albo nazwę wody, trzeba znać ją w tej postaci językowej, w jakiej powstała. Otóż nazwy z terenu Litwy w najstarszej epoce, z jakiej mamy informacje, były zapisywane nie w oryginalnej postaci litewskiej, lecz głównie w postaci ruskiej, wiadomo bowiem, że w Wielkim Księstwie Litewskim językiem urzędowym, językiem dworu był język ruski. Później zapanował język polski, a zapisy litewskie zaczynają się dopiero z końcem wieku XIX, a na szerszą skalę

¹⁴ A. Salys, *Kelios pastabas tarnių istorijai*, „Archivum Philologicum” (Kowno) 1933, t. 4, s. 21—34 + mapa dialektów.

¹⁵ *Wschodniolitewskie narzeczce twereckie*, cz. I: Gramatyka, Kraków 1934; cz. III: *Zapożyczenia słowiańskie*, Kraków 1932.

dopiero w XX wieku¹⁶. Również na mapach, czy to rosyjskich, czy niemieckich, jeszcze w XIX i na początku XX wieku figurują nazwy zesłowiańszczone: przeważnie polskie, w pewnej mierze rosyjskie. Ale nawet zarejestrowane nazwy urzędowe litewskie wymagają krytycznej oceny i niejednokrotnie korekty. Przedstawił to prof. Otrębski w ważnym dla metodologii badań referacie „O badaniach nad nazwami wodnymi i miejscowymi na obszarze Litwy”, wygłoszonym na I Międzynarodowej Slawistycznej Konferencji Onomastycznej w Krakowie w 1959 roku¹⁷. Wskazał tu, że informacje urzędowych spisów nie są pod tym względem źródłem wystarczającym i to z kilku względów. Przede wszystkim niektóre obiekty mają więcej niż jedną nazwę, podczas gdy spis uwzględnia z reguły tylko jedną. Tak np. miasto *Wilkomierz* ma litewską postać *Vilkamergė* albo *Vilkamergė*, ale także *Ukmergė*. Po wtóre, nazwa urzędowa może mieć postać niezgodną ze stosowaną w terenie. Na przykład miejscowość *Kiena* pod Wilnem, znana w tej polskiej postaci jako stacja kolejowa, ma ludową litewską nazwę *Kinė*, która się zgadza z rzeczownikiem pospolitym o tym brzmieniu, a o znaczeniu ‘zarosła wyspa na terenie bagiennym lub wodnistym’. Po trzecie, należy znać rzeczywisty typ fleksyjny nazwy, często chwiejny. Na przykład miejscowość *Trakiszkiki* na Suwalszczyźnie ma nazwę litewską w trojkiej postaci: *Trakiškiai*, *Trakiškės*, *Trakiškė*. Po czwarte, znaczenie ma także słowiański odpowiednik odnośnej nazwy litewskiej, zdarza się bowiem, że w postaci słowiańskiej przechowuje się starsza odmianka nazwy. Tak np. miejscowość *Giřkałnis* na Żmudzi nazywa się w dokumentach ruskich *Girtokoln* albo *Girtokoln*, co wskazuje na pierwotną litewską nazwę **Girtakalnis*.

Toteż systematyczne badania nad nazwami wodnymi i miejscowymi litewskimi rozpoczął prof. Otrębski dopiero wówczas, gdy się ukazał spis odnośnych nazw, sporządzony w sposób miarodajny. Mianowicie w 1948 roku wydano „Słownik ortograficzny litewski”¹⁸, który m.in. zawiera wielką liczbę nazw miejscowości i wód. Spis ten opracowany został przez litewskich językoznawców w sposób budzący zaufanie, mógł się więc stać podstawą badań naukowych.

Także w tym przypadku, podobnie jak w pracach dialektologicznych, przejawily się metodologiczne wartości badań prof. Otrębskiego. Nie zaczął on od etymologizowania, ale przede wszystkim od słowotwórczej analizy nazw, wyodrębniając przyrostki tworzące nazwy. Pozwoliło to

¹⁶ Por. pierwszy urzędowy spis miejscowości zamieszkałych ówczesnego państwa litewskiego: *Lietuvos apgyventos vietos*, Kowno 1923.

¹⁷ O badaniach nad nazwami wodnymi i miejscowościami na obszarze Litwy I Międzynarodowa Slawistyczna Konferencja Onomastyczna w Krakowie, 1959. Księga referatów, Kraków 1961, s. 49—58.

¹⁸ *Lietuvių kalbos rašybos žodynas*, Wilno 1948.

na właściwe oddzielenie podstawy derywacyjnej, stanowiącej zwykle człon jakiegoś wyrazu pospolitego. Wyniki takiej pracy analitycznej przedstawił prof. Otrębski w dwóch większych rozprawach opublikowanych w czasopiśmie „Lingua Posnaniensis” (1949 i 1950)¹⁹.

Nie cofał się jednak prof. Otrębski także przed próbami etymologii nazw geograficznych. Drukował je przeważnie w czasopiśmie „Beiträge zur Namenforschung” (w Heidelbergu), poczynając od 1958 roku. Zaproponował on m.in. następujące objaśnienie nazwy Litwy (lit. *Lietuva*)²⁰. Dzisiejsza nazwa litewska pochodzi z pewnością ze starszej postaci **Leituvā*, która jest podstawą ruskiego odpowiednika *Литва*. Litewska zaś formacja jest, zdaniem autora, przekształceniem rzeczownika o temacie na -ū-: **Leitū-s*; było to *collectivum* nazywające kraj nad rzeką **Leitā*. Tej zaś nazwy rzeki dopatruje się w nazwie miejscowości *Alytus* (pol. *Olita*) leżącej nad Niemnem. Stąd wniosek, że owa zrekonstruowana nazwa **Leitā* była w istocie dawniejszą nazwą Niemna, a wobec tego *Lietuva* to z pochodzenia 'kraj nad rzeką Niemen'. Widać z tego wywodu pomysłowość i logikę rozumowania autora. Inne studia etymologiczne prof. Otrębskiego dotyczą nazw rzek Wilia, Żejmiana, Hańcza i innych.

Ale główne dzieło lituanistyczne prof. Otrębskiego, dzieło syntetyzujące jego poglądy na cały zespół zjawisk tworzących historię tego języka, to jego „Gramatyka języka litewskiego”²¹. Z zamierzonych pięciu tomów zostały wykończone i zrealizowane w postaci drukowanej trzy pierwsze, które jednak już same stanowią zwartą całość. Tom 1. zawiera wiadomości wstępne i naukę o głoskach; tom 2. naukę o budowie wyrazów (słowotwórstwo); wreszcie tom 3. podaje naukę o formach (fleksję). Do całości brakuje więc jeszcze składni (podług pierwotnego planu — tom 4.); tom 5. miał zawierać indeksy.

„Gramatyka” jest w pewnej mierze przeznaczona do celów dydaktycznych. Ogółem biorąc jednak, jest to dzieło ściśle naukowe, mianowicie gramatyka historyczna, uwzględniająca po części także objaśnienia porównawcze z punktu widzenia indoeuropeistycznego. Wyrosłe na doktrynie szkoły młodogramatycznej (Otrębski był m.in. w Lipsku uczniem Burgmanna i Leskiena), ma mocne oparcie filologiczne i podaje objaśnie-

¹⁹ La formation des noms physiographiques en lithuanien, „Lingua Posnaniensis” 1949, t. 1, s. 199—243; La formation des noms de lieux en lithuanien, „Lingua Posnaniensis” 1950, t. 2, s. 4—43.

²⁰ Por. Gramatyka języka litewskiego, t. 1, Warszawa 1958, s. 2—7.

²¹ Gramatyka języka litewskiego, t. 1: Wiadomości wstępne. Nauka o głoskach, Warszawa 1966; t. 2. Nauka o budowie wyrazów, Warszawa 1965; t. 3: Nauka o formach, Warszawa 1956.

nia typu tradycyjnego, jakkolwiek szczegóły interpretacji pochodzą w całości od samego autora.

Zaletą gramatyki jest więc pewna i mocno udokumentowana warstwa materiałowa, zaczerpnięta częściowo z tekstów, częściowo z żywych gwar. Poza ujęciem elementów gramatycznych języka, dzieło zawiera w tomie 1. obszerny rozdział obejmujący wiadomości wstępne, które najogólniej trzeba by ująć jako historię i stan współczesny badań nad językiem litewskim. Od czasu ukazania się tego tomu (1958) minęło już lat kilkanaście i pewne luki, na które uskarżał się prof. Otrębski, zostały wypełnione, ale w wielu dziedzinach stan przedstawiony w „Gramatyce” nie różni się niemal wcale od stanu dzisiejszego.

W ostatnich latach pracował prof. Otrębski nad monograficznym opisem języka *D a u k s z y*, mianowicie jego przekładu „Postylli” Wujka²². Tekst ten, ważny dla historii języka litewskiego przede wszystkim ze względu na to, że ma oznaczoną akcentuację, ma jeszcze tę zaletę, że jest przekładem tekstu polskiego, nie nasuwa więc żadnych trudności w zrozumieniu. Jest to tekst bardzo obszerny i reprezentujący inny dialekt niż te, które dla epoki starolitewskiej poprzednio były wyyskiwane: prace *Be z z e n b e r g e r a*²³ opierały się prawie wyłącznie na materiałach pochodzących z Litwy pruskiej. Wielka więc szkoda, że opracowanie prof. Otrębskiego nie zostało w całości przygotowane do publikacji.

Oprócz prac lituanistycznych o charakterze filologicznym prof. Otrębski przedsięwziął także badania porównawcze bałto-słowiańskie z uwzględnieniem najstarszej epoki rozwojowej. W zagadnieniu od dawna dyskutowanym istnienia epoki wspólnoty językowej bałto-słowiańskiej zajął on stanowisko podobne do tego, które reprezentował *Jan R o z w a d o w s k i*: widział bardzo istotne i stare zgodności dwu grup językowych, bałtyckiej i słowiańskiej, stwierdzał jednak dość wczesne oddzielenie ich od siebie; tłumaczył to przejściem na język fiński ludności żyjącej na terenach granicznych dialektów bałtyckich i słowiańskich. Ten klin fiński, jak to nazywał²⁴, oddzielał przez czas dłuższy ludność bałtycką od słowiańskiej; dopiero po jego usunięciu miało nastąpić ponowne nawiązanie kontaktów ludności słowiańskiej z bałtycką, trwające do epoki historycznej.

Te kontakty bałto-słowiańskie odegrały, zdaniem prof. Otrębskiego, także ważną rolę w rozwoju języka polskiego, mianowicie poprzez wpływ spolszczonej ludności jadžwińskiej na terenach północnego Mazowsza. Jak wiadomo, Jadžwingowie byli jednym z tych ludów bałtyckich, które bez-

²² Por. wzmiankę o tym w przedmowie do tomu 2. Gramatyki, s. VII.

²³ A. Bezenberger, Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache auf Grund litauischer Texte des XVI und des XVII Jahrhunderts, Göttingen 1877.

²⁴ Por. Gramatyka języka litewskiego, t. 1, s. 50 i n.

pośrednio graniczyły z ludnością polską. Po okresie walk Polaków z Jadźwingami ten lud bałtycki znika całkowicie ze źródeł historycznych i uważano powszechnie, że został on w przeważnej części w walkach wytępiony. Podług hipotezy prof. Otrębskiego, którą przedstawił na Konferencji Onomastycznej w Krakowie w 1959 roku, a którą szerzej uzasadniał na I Konferencji Nauk Historycznych w Białymstoku w 1961 roku²⁵, plemię Jadźwingów nie wyginęło w wojnach, ale znaczna jego część dostała się pod panowanie polskie i tu uległa językowej polonizacji. Ci właśnie spolonizowani Jadźwingowie, jak zresztą częściowo także ich pobratymcy Prusowie, mieli wywrzeć duży wpływ na rozwój języka polskiego. Następujące właściwości polszczyzny przypisywał prof. Otrębski oddziaływaniu ludności pierwotnie bałtyckiej: 1) wyodrębnienie spółgłosek nosowych z dawnych samogłosek nosowych i zachowanie ich w postaci połączeń typu *an, am*; 2) unieruchomienie przycisku na zgłosce przedostatniej; 3) mazurzenie; 4) rozpowszechnienie nie udźwięczniającej fonetyki międzywyrazowej; 5) zrównanie samogłoski *y* z *i*; 6) zmiana połączenia *ra-* w *re-* na początku wyrazu; 7) palatalizacja spółgłosek wargowych; 8) traktowanie *w* po spółgłoskach bezdźwięcznych; 9) substytucja końcowego *-ch* przez *-k*. Wymienione tu zjawiska polskie wymagają właściwej analizy i oceny ze strony polonistów. Niemniej zasługuje na uwagę wskazanie ich zgodności z odpowiednimi zjawiskami sąsiednich języków bałtyckich.

Kontakty bałto-słowiańskie z epoki historycznej zostawiły ślady we wzajemnych zapożyczeniach słownikowych. W języku litewskim jest bardzo dużo wyrazów słowiańskich, przejętych częściowo z języka białoruskiego, częściowo z polskiego. Zagadnieniem tym zajmował się również prof. Otrębski, badając narzecze twereckie. Trzecia część jego monografii poświęcona jest właśnie zapożyczeniom słowiańskim. Warunki historyczne sprawiły, że znacznie mniej jest wyrazów litewskich, które się mogły dostać do języka białoruskiego i do polskiego. Wynikło to stąd, że aż do końca XIX wieku język litewski był niemal wyłącznie językiem ludu: kto przechodził z niego do warstwy inteligentkiej, przejmował albo język polski, albo (później) rosyjski. Jednak w polskim języku regionalnym na Wileńszczyźnie były w użyciu także niektóre wyrazy litewskie. Prof. Otrębski zebrał je i omówił w dwóch artykułach z 1931 i 1965 roku²⁶.

²⁵ J. Otrębski, O badaniach nad nazwami wodnymi i miejscowymi na obszarze Litwy, w: I Międzynarodowa Słowistyczna Konferencja Onomastyczna w Krakowie, 1959, Księga referatów, Kraków 1961, s. 57 i n.; Udział Jadźwingów w ukształtowaniu języka polskiego, „Acta Baltico-Slavica” 1964, t. I, s. 207—216.

²⁶ Lituanizmy słownikowe w dialekcie polskim na Wileńszczyźnie, „Język Polski” 1931, s. 79—85; Uwagi o polszczyźnie litewskiej, „Prace Filologiczne” 1965, t. 18, cz. 4, s. 299—302.

Pominiemy tu szczegółową analizę ściśle polonistycznych i slawistycznych prac prof. Otrębskiego. Powinny one być omówione w publikacjach tym kierunkom językoznawczym poświęconych²⁷. Wskażemy tylko, że i w tej dziedzinie zainteresowania uczonego skierowały się ku etymologii i onomastyce.

Badania językoznawcze prof. Otrębskiego były owocne i powszechnie cenione. W 1966 roku ukazała się, dla uczczenia wyników jego prac, księga zbiorowa, ofiarowana mu przez Białostockie Towarzystwo Naukowe jako III tom „Acta Baltico-Slavica”. Tom ten ma tytuł: „Baltica in honorem Iohannis Otrębski”.

Kończąc ten przegląd prac naukowych prof. Otrębskiego, trzeba wyrazić życzenie, by pozostałe, a nie wydane jeszcze rozprawy mogły się możliwie szybko ukazać w druku. Z rzeczy lituanistycznych dotyczy to przede wszystkim monografii o języku Daukszy. Ale i „Gramatykę języka litewskiego” należałoby uzupełnić tomem indeksów, które ułatwią korzystanie z tego tak wartościowego dzieła. Miejmy nadzieję, że oba te wydawnictwa zostaną w krótkim czasie zrealizowane.

²⁷ Bibliografię prac naukowych prof. Otrębskiego do 1966 roku, sporządzoną przez Helenę Otrębską, zamieścili „Acta Baltico-Slavica” 1966, t. III, s. 9—22, a uzupełnienie w niniejszym tomie.

BIBLIOGRAFIA PRAC
JANA SZCZEPANA OTRĘBSKIEGO
OD ROKU 1937

opracowała *Helena Otrębska*

Część I za lata 1910—1965 z wykazem skrótów ogłoszone w „Acta Baltico-Slavica” t. III, 1965, s. 9—22.

UZUPEŁNIENIE ZA LATA 1937—1966

1937

266. Prawda o elaboracie prof. K. Nitscha. „Prosto z mostu” nr 15—16, 28 marca/4 kwietnia 1937, s. 11.

1940

(GC — „Gazeta Codzienna”, Wilno)

267. Czy język litewski jest trudny? GC nr 39, 18 II 1940.
268. Jak się uczyć języków? GC nr 45, 25 II 1940.
269. Społeczeństwo wobec lingwisty. GC nr 51, 3 III 1940.
270. O wyrazach obcych. GC nr 65, 21 III 1940.
271. O języku międzynarodowym. GC nr 66, 23—25 III 1940.
272. Poczucie winy. GC nr 73, 3 IV 1940.
273. Co to jest paszkwil? GC nr 75, 5 IV 1940.
274. W sprawie ideału wychowania. GC nr 76, 6 IV 1940.
275. Dwadzieścia pięć lat temu. GC nr 77, 7 IV 1940.
276. Spór o nazwę. GC nr 87, 19 IV 1940.
277. Książka. GC nr 89, 21 IV 1940.
278. Wilno czy Vilnius? GC nr 91, 24 IV 1940.
279. Co to jest geniusz? GC nr 98, 2 V 1940.
280. Holenderskie Indie Wschodnie. GC nr 111, 19 V 1940.
281. Anglicy na Islandii. GC nr 111, 19 V 1940.
282. Anglicy. GC nr 118, 29 V 1940.
283. A co Irlandia? GC nr 135, 18 VI 1940.
284. Gramatyka języka litewskiego. GC nr 151, 7 VII 1940.
285. Lud, a chłop czy wiościanin? GC nr 179, 4 VIII 1940.
286. Dėl lietuvių kalbos rašybos reformos. „Vilniaus Balsas” nr 195(248), Wilno, 18 VIII 1940.

1958

287. Informacja. Dane językowe odnoszące się do zagadnienia Normanów w powsta-

niu państwa ruskiego. Streszczenie odczytu wygłoszonego 10 I 1958 na konferencji historyków w Poznaniu. J. Ochmański, „Kwartalnik Historyczny”, LXV, 2, Warszawa 1958, s. 625—626.

1966

288. Die lateinischen Demonstrativpronomina. „Die Sprache” XII, 1, Wiedeń 1966, s. 16—25.
289. Die ältesten germanischen Lehnwörter im Baltischen und Slavischen. „Die Sprache” XII, 1, Wiedeń 1966, s. 50—64.
290. Noch einmal über Rusš. „Die Welt der Slaven” XI, 1—2, Wiesbaden 1966, s. 220—223.
291. *Slověne*. BN Neue Folge I, 2, 1966, s. 175—178.
292. [Charakterystyka przekładów Balčikonisa — obszerny cytat]. D. Urbas, Apie J. Balčikonio vertimus. „Kalbotyra” XIV, Wilno 1966, s. 39.
293. Lit. *Zārasas*, pl. *Zarasai*. BN Neue Folge I, 3, 1966, s. 327—330.
294. *Oder, Obodriten*. *Studia linguistica slavica baltica* Canuto-Olafo-Falk sexagenario a collegis amicis discipulis oblata. Lund 1966, s. 203—207.

1967

295. Aksl. *knūiga*, poln. *księga*. „Die Welt der Slaven” XII, 1, Wiesbaden 1967, s. 74—76.
296. Z dziejów wyrazów polskich. 18. *prostowłosa, sproszny*. 19. Partykuła i przyszówek do. JP XLVII, 3, 1967, s. 173—182.
297. Russ. *usēnš* und lett. *Ūstīņš*. „Die Welt der Slaven” XII, 3, Wiesbaden 1967, s. 296—299.
298. Rec. Ernst Dickenmann: Studien zur Hydronymie des Save-Systems. B. I, II, Heidelberg 1966. „Die Welt der Slaven” XII, 3, Wiesbaden 1967, s. 327—333.
299. Einige slavische Wörter mit nicht erkanntem infigiertem Nasal. „Zeitschrift für slavische Philologie” XXXIII, 2, 1967, s. 313—321.
300. Die von dem indoeuropäischen Reflexivpronomen *se, *seye, *sye usw. abgeleiteten Verwandtschaftsnamen. Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie Julius Pokorny zum 80. Geburtstag gewidmet, Innsbruck 1967, s. 73—77.
301. Balt. *lēitā. „Baltistica” III, 2, Wilno 1967, s. 201—203.
302. Z dziejów wyrazów polskich. 20. *strupieszaty*; 21. *odniepadnienie*; 22. *mudzić, nudzić, marudzić, maruder*; 23. *tarapaty*; 24. *plużyć*. JP XLVII, Kraków 1967, s. 330—340.
303. Odpowiedź na ankietę „Językoznawcy”. „Językoznawca”. Studenckie ogólnopolskie pismo językoznawcze, 16—17, Lublin 1967, s. 13—15.
304. Jubileusz Józefa Balčikonisa w Wilnie. „Acta Baltico-Slavica” V, 1967, s. 466—469.
305. Beiträge zur indogermanischen Wortbildungslehre. „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung” 81, 3/4, 1967, s. 217—224.
306. Lat. *autumnus* und griech. *επιαυρόζ*. „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung” 81, 3/4, 1967, s. 225—232.
307. O Baitach i Słowianach. P XXIII, 8 (257), 1967, s. 507—509.

1968

308. Die Entstehung des bestimmten Adjektivs im Slavischen und Baltischen. „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung” 82, 1, 1968, s. 122—128.

309. Die deminutiven Verben im Slavischen. „Die Welt der Slaven“ XIII, 3, 1968, s. 246—250.
310. Svarbiausi liuanistikos uždaviniai. „Baltistica“ IV, 1, Wilno 1968, s. 121—124.
311. Lit. *Dzūkai*. BN Neue Folge III, 1, 1968, s. 40—41.
312. Poln. *Notec, Kiekrz*. BN Neue Folge III, 3, 1968, s. 253—255.
313. Russische Wortdeutungen. 1. *deněk*, 2. *očer*, 3. *ovrąg*, 4. *meždousobica, meždousobije*. „Die Welt der Slaven“ XIII, 1, 1968, s. 58—63.
314. Die Assimilation im Polnischen und Ostlitauischen. „Die Welt der Slaven“ XIII, 2, 1968, s. 156—161.
315. Rec. Chr. S. Stang. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo—Bergen-Tromsø-Universitetsforlaget 1966, s. V, 484 + 1. „Voprosy Jazykoznanija“, Moskwa 1968, 4, s. 135—140.
316. Aind. *puruṣah, pūmān* und Verwandtes. „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung“ 82, 2, 1968, s. 251—258.

1969

317. Badania etymologiczne nad słownictwem słowiańskim. „Prace Filologiczne“ XIX, Warszawa 1969, s. 197—204.
318. Z dziejów Prusów i Jadźwingów. P XXV, 6(279), 1969, s. 380—382.
319. Lie. *seinyri; gūogis; gōgai; guōgai*. „Baltistica“ V, 1969, s. 77—79.
320. Poln. *kobieta*. „Zeitschrift für slavische Philologie“ XXXIV, 2, 1969, s. 347—349.
321. Aksl. *nynešbūn* usw. „Zeitschrift für slavische Philologie“ XXXIV, 2, 1969, s. 350—353.
322. Aksl. *pěš* und Verwandtes. „Die Welt der Slaven“ XIV, 3, 1969, s. 312—314.

1970

323. Ze sporów o narodowość Kopernika. P XXVI, 3(288), 1970, s. 189—190.
324. Das expressive *ch* im Slavischen. „Die Welt der Slaven“ XV, 1, 1970, s. 51—60.
325. Lateinische Wortdeutungen. 1. *doleō* usw. 2. Lat. *fundus*, 3. *grūs* usw. 4. *gurgēs, guttur*. 5. *heri* usw. 6. *levis*. 7. *opīmus, pinguis, pinus*. 8. *prandium*. 9. *umbra*. „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung“ 84, 1, 1970, s. 81—93.
326. Die Sonderfälle der 2. slavischen Palatalisation. „Zeitschrift für slavische Philologie“ XXXV, 1, 1970, s. 63—76.
327. *Širvydas* oder *Sirvydas*? BN Neue Folge V, 3, 1970, s. 303—306.
328. Pol. *hulać, hultaj, guton* itd. JP L, 1970, s. 321—323.
329. Zum Rätsel nes Namens *ārya-*. BN Neue Folge V, 4 1970, s. 419—420.
330. Mikołaj Akielewicz (1829—1887) i jego „Gramatyka języka litewskiego“ (z fotografią i 3 fotokopiami). „Acta Baltico-Slavica“ VII, 1970, s. 7—22.
331. Lit. *šakė* und Verwandtes. Donum Balticum. To Professor Christian S. Stang on the occasion of his seventieth birthday 15 March 1970. Uppsala 1970, s. 361—364.
332. Lit. *Ukmergė*. „Baltistica“ VI, 2, 1970, s. 213—215.
333. *Kiekrz*. Cpinia prof. Otrębskiego. „Tydzień Polski“, Londyn, 13 VI 1970,

1971

334. Die Ortsnamen *Kowno, Grodno* und *Olita* in Litauen. BN Neue Folge VI, 2, 1971, s. 154—155.
335. Slav. *Svarog*. „Die Welt der Slaven“ XVI, 2, 1971, s. 151—154.

336. Beiträge zum slavischen etymologischen Wörterbuch. „Die Welt der Slaven“ XVI, 2, 1971, s. 186—192.
 337. Poln. *Gnieszno*. „Die Welt der Slaven“ XVI, 4, 1971, s. 333—335.

1972

338. O pochodzeniu słowa *olbrzym*. JP LII, 1, 1972, s. 10—13.

Prace w druku:

339. Der Flußname *Istros* und die Metathese von *i-* und *u-* Lauten. „Indogermanische Forschungen“ 76, 1971.
 340. Из области балтийского и славянского словообразования (слав. *tēzēsē*, лит. *tėnuo*, *tėnesis*). „Балто-славянский сборник“, Наука, Москва 1972.
 341. Zwei Beiträge zum indoeuropäischen etymologischen Wörterbuch. Anantapāram kila śabdaśāstram... Księga zbiorowa ku uczczeniu 70 rocznicy urodzin prof. dr. Eugeniusza Śluszkiewicza.
 342. Język Prusów i jego dzisiejsze relikty. Historia Warmii i Mazur. Praca zbiorowa pod redakcją Stanisława Szostakowskiego, Wrocław.
 343. Ze wspomnień o Stanisławie Michalskim. W materiałach do monografii o Stanisławie Michalskim.
 344. Nazwa miasta *Putusk*. Pułtusk. Studia i materiały z dziejów miasta i regionu. Mazowiecki Ośrodek Badań Naukowych, t. II (1972).
 345. *Gieble*. W materiałach do Księgi Pamiątkowej ku czci prof. St. Kolbuszewskiego.
 346. Einige slavische Wörter mit nicht erkanntem infigiertem Nasal (streszczenie). Linguistic Abstracts. Haga.

O NAUKOWEJ DZIAŁALNOŚCI
 JANA SZCZEPANA OTRĘBSKIEGO
 pisali:

14. Adam Łopałka. Plan rozwoju Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Kronika miasta Poznania XXIX, 2, 1961, s. 73.
 15. Jan Otrębski. Biographical Note. Baltica in honorem Iohannis Otrębski. „Acta Baltico-Slavica“ III, 1966, s. 7—8.
 16. L. Dambriūnas. Žymaus kaibininko sukaktis. „Lituanistikos Darbai“ I, Chicag 1966, s. 94—96.
 17. F. Hryniewicz. Z poznańskich pracowni naukowych. Pierwsza fundamentalna gramatyka języka litewskiego dziełem Połaka. „Głos Wielkopolski“ XXII, 1(6807), Poznań, 2/3 I 1966.
 18. Apie lietuvių kalbos kilmę. „Vienybė“ Brooklyn, 20 I 1966.
 19. Otrębski Jan Szczepan. Wielka Encyklopedia Powszechna PWN, t. 8, Warszawa 1966, s. 362.
 20. J. Antoniewicz. Jubileusz wielkiego lituanisty. „Problemy“ XXIII, 4(253), Warszawa 1967, s. 253.
 21. M. Skrobaitė. Lietuvių kalbos bičiuliai. Dvi lietuvių kalbos tyrinėtojų šventės. „Švyturys“ XIX, 12(444), Wilno 1967, s. 16.
 22. Otrębskis (Otrębski). Mažoji Lietuviškoji Tarybinė Enciklopedija. II, Vilnius 1968, s. 722.

23. E. Grinaveckienė. Išvaręs plačią vagą. „Gimtasis Kraštas“ 49(149), Wilno 4 XII 1969.
24. E. Grinaveckienė. Baltistui Janui Otremskiui 80 metų. Vilniaus Valstybinis Kapsuko Universitetas. „Lietuvių Kalbos Sekcijos Šasiuvinis“ 13, Wilno 1969, s. 19—23.
25. Prof. dr Jan Otrebski nie żyje. „Głos Wielkopolski“ 98(8451), Poznań 27 IV 1971.
26. Z. Zinkevičius. Mirė Prof. J. Otremskis. „Tiesa“ 97(8582), Wilno 27 IV 1971.
27. Zmarł prof. dr J. Otrebski. „Express Poznański“ XXV, 98, Poznań 27 IV 1971.
28. Mirė prof. Otremskis. „Gimtasis Kraštas“ 18(222), Wilno 29 IV 1971.
29. Z. Zinkevičius. Mirė Prof. J. Otremskis. „Tarybinis Studentas“ 15(755), Wilno 30 IV 1971.
30. Z. Zinkevičius. Su prof. J. Otremskiu atsisveikinant. „Literatūra ir Menas“ 18(1276), Wilno 1 V 1971, s. 15.
31. Z. Zinkevičius. Žymiausio lenkų lituanisto netekus. „Kultūros Barai“ 6(78), Wilno 1971, s. 65—66.
32. L. D. Mirė kalbininkas Otremskis. „Aidai“ 6, Brooklyn 1971, s. 276.
33. Miris Profesors Jans Otremskis. „Kārogs“ 7, Ryga 1971, s. 189.
34. Pr. Skardžius. Prof. J. Otrebskis. „Draugas“, Chicago 7 VIII 1971.
35. J. Safarewicz. Jan Otrebski (1889—1971). „Poradnik Językowy“ nr 10(294), 1971, s. 601—605.
36. E. Koschmieder. Jan Szczepan Otrebski. „Die Welt der Slaven“ XVI, 2, 1971, s. 201—22.
37. J. Safarewicz. Jan Szczepan Otrebski (1889—1971). „Onoma“ XVI, 1—2, Leuven 1971, s. 254—256.
38. E. Otremskienė. Jono Otremskio baltų kalbotyros raštų bibliografija. „Lituanistikos Darbai“ I, Chicago 1966, s. 96—103.
39. Bibliographie onomastique de Jean Otrebski par Héléne Otremskienė. „Onoma“ XVI, 1—2, Leuven 1971, s. 257—261.

А. Эндзинас

Москва

ДРЕВНЕЕ ПРОИЗВОДСТВО ЖЕЛЕЗА
НА ТЕРРИТОРИИ ЛИТВЫ

Более ста лет назад словацкий ученый П. Шафарик (1795—1861) пытался использовать данные разных дисциплин для создания истории материальной и духовной культуры славянских народов. В своей работе „Славянские древности”¹ он подверг научному анализу памятники письменности, данные археологических, лингвистических и этнографических исследований и обобщил полученный материал. Этот же метод комплексного изучения проблемы применил Л. Нидерле² и на узкой тематике — Д. Н. Анучин³.

После Великой Октябрьской социалистической революции советские этнографы стали применять обогащенный марксистско-ленинской методологией историко-этнографический комплексно-сравнительный метод П. Шафарика. В 1951 году вышла работа П. Кушнера (Кньшева) „Этнические территории и этнические границы” и „Этническое прошлое юго-восточной Прибалтики”, в которой для изучения этнических территорий он впервые применил комплексный историко-этнографическо-лингвистический метод, используя для решения задачи данные разных наук. Метод комплексного изучения проблемы может быть успешно использован для исследования ряда других во-

¹ P. J. Szafařík, *Starožitnosti slovansky*, Praha 1837.

² L. Niederle, *Slovansky starožitnosti, Život Slovanů*, Praha 1921.

³ Д. Анучин, *К вопросу о белорусской территории. Курс белоруссоведения*, Москва 1918—1920.

просов, а также для исследования исторического развития черной металлургии на территории Литовской республики. Лингвистические данные в согласовании с археологическими успешно применяются на практике в Советской Армении для установления мест, где в далеком прошлом восстанавливалось железо и изготавливались железные изделия.

Письменные источники древних времен как русские, так и немецкие, указывают на высокое качество железных изделий литовских кузнецов-железников⁴. Историк М. Довнар-Запольский в своей работе дает выписку из памятников XVI века: „В Литве необходимо увеличить разработку железной руды, потому что здесь и больше железа и оно лучшего качества, чем в других христианских королевствах. Выработанное железо идет на дворцовые нужды, а излишек на Речь Посполитую”⁵. На высокое качество изготавливаемых западными литовскими кузнецами железных изделий указывает и ряд других источников⁶ и историков⁷. Но эти данные характеризуют более поздние века.

Названия железа, орудий труда и оружия из металла в прусском словаре XII—XIII вв. свидетельствуют об их возникновении в более ранние времена⁸ и вместе с тем указывают на широкий ассортимент железных изделий и на широкое развитие черной металлургии в стране. На это указывает и качество найденных во время археологических исследований железных изделий, в которых установлена сварка перемежающихся слоев твердого металла с более пластичным мягким⁹, термическая обработка железа и стали, применение методов закалки и отпуска, цементации, что доказано в многочисленных исследованиях материала из Латвийской республики, но имеющего отношение и к тер-

⁴ Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399—1409, her. von E. Joachim, Königsberg 1896, s. 318; Codex epistolaris saeculi decimi quinti. II, Kraków 114.

⁵ М. Довнар-Запольский, Государственное хозяйство Великого Княжества Литовского при Ягеллонах, I, Киев 1901, стр. 305.

⁶ Генрик Латвийский, Хроника Ливоний; С. А. Аннинский, Москва—Ленинград 1938, IV, 4; Полное собрание русских летописей, Спб. 1908, стб. 840.

⁷ В. Пашуто, Хозяйство и техника средневековой Литвы, „Вопросы истории”, № 8, 1947, стр. 74—81.

⁸ С. Beckherrn, Bewaffnung und Ausrüstung der heidnisch-preussischen Krieger und einige Gegenstände des preussischen Heerwesens, Altpreussische Monatsschrift, XXXIII, 1—2, 1896, s. 359—392.

⁹ A. Endzinas ir L. Bilvinas, Damaskinis plienas Lietuvoje, „Mokslas ir gyvenimas”, 1965, Nr 2; А. Антейж, Наконечники копии из дамасской стали, Советская археология, I, 1959.

ритории Литовской республики, А. Антейна¹⁰, в работах И. Пяскового¹¹, И. Стонкуса¹² и в некоторых наших трудах.

Метод Шафарика-Кушнера и имеющийся материал навели на мысль — сопоставить данные лингвистического анализа с данными анализа археологических исследований и данными анализа ряда других наук, применяя для этого комплексный метод и используя для этого разработанную П. Кушнером теорию применения этого метода, расширив и приспособив его к исследованию развития черной металлургии на территории Литовской республики. Некоторые данные этого комплексного исследования мы использовали для нашей статьи. Ввиду того, что работы по исследованию развития черной металлургии на территории Литовской республики еще не закончены, многие проблемы не вполне еще освещены. В настоящей статье мы их не затрагиваем.

1. Анализ лингвистического материала, касающегося изготовления железа

Общепринято считать, что племена балтов познакомились с железом приблизительно в VII—V веках до нашей эры, причем западные племена — в VII¹³, а восточные — в V столетии до нашей эры¹⁴. Это подтверждено выводами литовского лингвиста К. Буги¹⁵. Им, по данным лингвистического анализа, установлено, что названия металлов: раута-железо, купари-медь, культа-золото заимствованы финскими племенами у германских племен 550—300 лет до нашей эры, когда они уже находились под влиянием северных германских племен (Скандинавии). В начале тысячелетия до нашей эры финские племена находились под влиянием племен балтов¹⁶. В том случае, если бы восточ-

¹⁰ A. Anteins, Dzēlzs un terauda izstrādājumi struktūras, ierīšības un izgatavošanas tehnoloģija senajā Latvijā (Līdz 13. Gs), Latv. PSR Zin. Ak. Vest. Inst. Archeoloģija un Etnografija zakstu krajums, II, Rīga 1960, p. 3—60.

¹¹ J. Piaskowski, Metaloznawcze badania przedmiotów żelaznych z Mieżyn i Sudaty (LSRR), Wiadomości archeologiczne, XXXI, 4, Warszawa 1966.

¹² J. Stonkus, Galežies dirbinių gamybos Lietuvoje V—VI amžiais technologija, I. TSR MAMd ser. A3(34), Vilnius 1970, p. 57—75; ..., Geležinių frankių gamybos technologija Lietuvoje IX—XI amžiais, MAMd, ser. A1(32), V., 1970, p. 113—123; ..., Kalaviju ir ietigalių gamybos technologija Lietuvoje IX—XIII amžiais, MAMd, ser. A2(33), V., 1970, p. 113—130.

¹³ C. Engel, Vorgeschichte der altpreussischen Stämme, I, Königsberg 1935.

¹⁴ История Латвийской ССР, АН Латв. ССР, I, Рига 1952, стр. 20.

¹⁵ K. Būga, Rinktiniai raštai, II, Vilnius 1959, p. 83.

¹⁶ Там же, 83—97.

ными балтами была усвоена культура железа еще во время соприкосновения их с финскими племенами, название железа у финнов сформировалось бы под влиянием названия его у балтов.

Жители на территории теперешней Литвы познакомились с железом приблизительно в VII—VI веках до нашей эры¹⁷. Период VIII—V веков до нашей эры соответствует в общем усвоению культуры железа в областях средней Европы и центральной России¹⁸, поэтому часто возникает мысль о взаимном усвоении культуры железа в этих районах. Но лингвистические данные создают другую картину и указывают на самостоятельное ознакомление племен балтов и древних славян с железом.

Железо имеет среди племен балтов и славян тождественно близкие формы¹⁹, например, литовское — geležis, gelžis, прусское — gelso, латвийское — dzelezs, dzelze, dzelzis. Из этих форм, по мнению лингвиста Е. Френкеля, происходит и древнеславянское название „железо”²⁰. Эти формы этимологически отличаются от названия железа соседних народов²¹, например, готское — eisarn, кельтское — isarno, финское — rauta, иранских племен — арен. Название железа племен балтов и славян, как видим, не сходно с названием железа иранских племен, а также с названием железа германских племен, с которыми в прошлом они общались. Эти данные создают впечатление, что название железа и тождественных ему форм образовалось среди балтов²², поэтому и ознакомление с железом, как металлом, должно было произойти на землях племен балтов. Такое мнение подтверждают данные археологических исследований, по которым в городищах Дукпитай (Зарасайского района), Петрацунай и Мошкеняй (Рокишского района), Великушки и Возгели (Зарасайского района) и др., которые относятся к VI—I векам до нашей эры, установлено употребление железных изделий. Железные шлаки найдены только в Великушках²³. Это доказывает, что железо в эти времена еще не изготовлялось повсеместно из местных руд, но оно уже употреблялось. И, наоборот, в городищах из периода с III века до нашей эры до II в. нашей эры

¹⁷ P. Kulikauskas, R. Kulikauskiene, A. Tautavičius, Lietuvos archeologijos bruožai, Vilnius 1961 (далее LAB); p. 113.

¹⁸ И. Третьяков, Восточнославянские племена, Москва 1953, 41.

¹⁹ O. Schrader, Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, Berlin—Leipzig 1923—1929, I, 236, II, 412, 414; K. Būga, Rinkiniai raštai, II, Vilnius 1959, p. 420, 681—682.

²⁰ E. Fraenkel, Litauisches Etymologisches Wörterbuch, Lief. 2, 104.

²¹ K. Būga, Rinkiniai raštai, II, Vilnius 1959, p. 83.

²² Там же, 83, 681.

²³ LAB, 113—139.

почти всюду находим железные шлаки²⁴, что доказывает о восстановлении железа из местных руд в это время.

По-видимому реальную основу имеет предположение академика С. Струмилина, что древнейшие изделия из железа относятся к той эпохе, когда материалом для них служили случайные находки метеоритного железа, ибо искусство ковать металлы, освоенное в эпоху бронзы, значительно опережало искусство выплавки железа из руд²⁵. Усвоениековки металла относится к тем временам, когда первичный человек ознакомился с золотом и медью. Это относится к эпохе энеолита²⁶.

Факт, что название железа сформировалось среди балтов, заставляет особенно внимательно отнестись к вышеуказанным словам академика С. Струмилина. С его предположением как бы связаны исследования А. Беценбергера, который установил, что в состав бронзы бронзовых изделий до нашей эры, найденных в Пруссии и западной части Литвы, входят железо, никель, а в некоторых имеется кобальт и следы другой примеси. Из исследованных А. Беценбергером 43 бронзовых изделий, найденных в Пруссии, из времен до нашей эры 41, т.е. 95,3%, имели примесь железа 0,1 до 1,2%/о, 35(81,4%/о) изделий имели примесь никеля с содержанием его от 0,1 до 3,0%/о, 4(9,3%/о) имели 0,3—0,4%/о кобальта, 7(16,3%/о) показали следы мышьяка, 8(18,6%/о) показали следы сурьмы. В одном из изделий вместе с 1,1%/о железа, 3%/о никеля, 0,4%/о кобальта имелось 18,4%/о сурьмы²⁷. Из 52 бронзовых изделий нашей эры, исследованных А. Беценбергером, 51, т.е. 98%/о, имели примесь железа до 2,1%/о, 16(30,7%/о) имели следы никеля (в трех было 0,2%/о никеля), 5(9,6%/о) имели следы сурьмы, 3(5,8%/о) следы мышьяка. Наличие кобальта не установлено²⁸. Этим данным близки данные опубликованные В. Нагевичем²⁸. Таким образом, в бронзовых изделиях нашей эры количество железа увеличивается в сравнении с наличием его в изделиях до нашей эры, а количество другой примеси уменьшается до наличия следов. Ничтожное количество другой примеси в виде следов в изделиях нашей

²⁴ ЛАБ, 113—139, 177—237.

²⁵ С. Ф. Струмилин, История черной металлургии в СССР, I, Москва 1954, 9.

²⁶ R. Pleiner, Stav metalografického výzkumu (Altpreussisches Schmiedehandwerk), Praha 1962, 257.

²⁷ A. Bezenberger, Analysen vorgeschichtliches Bronzen Ostpreussens, Koenigsberg 1904, Tabelle A.

²⁸ Там же, Т. В.

²⁹ V. Nagevičius, Mūsų pajūrio medžiaginė kultūra VIII—XIII amž., Senovė I, Kaunas 1935, p. 90—91; ..., Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum, Rigaе, 1913, p. 337—352.

эры могло попасть в состав бронзы при использовании утильного сырья или лома из времен до нашей эры. В общем эти вопросы еще требуют тщательного изучения. Но решая их, мы должны считаться с той возможностью, что с начала нашей эры могли также измениться поставщики нужного для выплавки бронзы сырья, менее засоренного указанными компонентами. Но довольно большой и неустойчивый процент никеля, кобальта, сурьмы, мышьяка в изделиях до нашей эры и особенно в некоторых из них как бы заставляет думать, что они не случайно попали в состав бронзы вместе с засорителями сырья.

В отличие от бронзовых изделий соседних стран, в исследованных А. Беценбергером изделиях не установлено наличие примеси серебра, что доказывает их местное изготовление. А на территории Литовской республики встречаются лишь бедные залежи бурого железняка и болотные руды³⁰, но почти не встречаются никель, кобальт, сурьма, мышьяк. Никель, кобальт, хром, правда встречаются изредка в попадающемся метеоритном железе космического происхождения и небольшим количеством в металлургическом железе земного происхождения. Это легирующие элементы. Мы не хотим этим утверждать, что эти компоненты, как легирующие, попали в состав бронзы этих изделий умышленно и для этого использовалось метеоритное железо³¹. Мы хотим только обратить внимание на эти еще невыясненные обстоятельства, которые заставляют внимательно относиться к вышеуказанным словам академика С. Струмина. Во всяком случае эти вопросы требуют выяснения и тщательного исследования, причем спектральным повторным анализом в некоторых железных изделиях первого тысячелетия было установлено нами наличие кремня, следы вольфрама, хрома, марганца³².

Исходя из того, что искусствоковки изделий из металла, не исключая и железа, опережает искусство выплавки его из железных руд, приходится эпоху усвоения иковки местного, позже и завозного железа, как металла, отделять от эпохи усвоения восстановительного процесса при добычании железа и выплавки его из местных руд³³. Эпохе усвоения железа иковки его среди балтов соответствуют при-

³⁰ A. Endzinas, Apie rūdos telkinis, naudotus geležiai gauti Lietuvoje, LTSR Aukšt. mokyklų Mokslo darbai „Geografija ir geologija“, VI, Vilnius 1968, p. 91—101 (далее GGR).

³¹ M. Kavackas, Žemaitkiemio meteoritas, kritęs 1933, I.2, V.D. Universiteto Mat.-Gamto's f-teto darbai, IX.5, 3, Kaunas 1935; ... Meteoritas kritęs Lietuvoje 1929, II.9, V.D. Univ. Mat.-Gamto, f-teto darbai, V. S.T., Kaunas 1930.

³² Анализы проводились в лаборатории Каунасского турбостроительного завода „Пергале“ в 1966 г. и повторно в лаборатории станкостроительного завода им. Ф. Дзержинского в Каунасе в 1968 году.

³³ GGR.

близительно VII—III века до нашей эры. С IV—III веков до нашей эры племена балтов усваивают восстановление железа из местных руд³⁴.

Ввиду того, что искусствоковки изделий из железа опережает искусство выплавки³⁵, создается гипотеза, что кузнецы-ремесленники, называемые литовцами *kalviai* от слова *kalti* — ковать, и куящие бронзовые изделия, стали ковать попавшееся в их руки железо. Отличные свойства этого металла должны были обратить особое внимание *kalvių* на него. Оно должно быть местным, иначе название его было бы заимствовано у народов-поставщиков железного сырья³⁶.

Известно, что происхождение названий мест зависит отчасти от занятия жителей³⁷. Ввиду этого топонимы, в особенности гидронимы, с корнем *kal-* являются старейшими формами из имеющих связь с выработкой изделий из металла и обозначают большей частью местность, где происходилаковка изделий и жили *kalviai* (кузнецы), напр., *kalviai*, *kalveliai*, *kalviškė*...

Археологические данные показывают, что первые жители на территории Литвы селились около водоемов³⁸. И производство железа концентрировалось также около водоемов. Вода нужна была им для промывки руд, для закалки изделий из железа и для других целей, связанных с выработкой железа, да и местами со дна озер, рек выгребались породы руд, поэтому воды местностей, где происходилаковка металла, получали часто соответствующие названия с корнем *kal-*, например, *Kalupis*, *Kaltekupis*. В окрестностях этих мест, часто на расстоянии нескольких километров, следует искать центрыковки изделий из железа периода VII—III вв. до нашей эры.

Нужна некоторая оговорка о том, что происхождение части этих топонимов может быть и более поздним, вторичным, происходящим от поселившегося в местности кузнеца (*kalvio*), и что некоторые из них с течением времени могли быть заменены другими или исчезли из памяти народа. К тому же названия некоторых мест, где обрабатывалось железо в древние времена, могли быть по разным причинам не связанными с выработкой железа, как это заметил М. Радван, автор книги „*Rudy, kuźnice i huty żelaza w Polsce*“³⁹.

³⁴ A. Endzinas, *Geležies gamybos raidos ir geografijos Lietuvoje klausimu*, Kauno Politechnikos instituto Vilniaus filialas ir Lietuvos TSR geografine draugija „*Geodezijos darbai*“, II; Vilnius 1964 (далее GGI), p. 179—180.

³⁵ С. Ф. Струмилин, *История черной металлургии в СССР*, I, Москва 1954, 9.

³⁶ GGI, 180.

³⁷ St. Tarvydas, *Lietuvos vietovardžiai*, Vilnius 1958, p. 37—41.

³⁸ LАБ, 5—6.

³⁹ Warszawa 1963.

На территории республики и местожительства западных литовцев в Пруссии удалось зарегистрировать вместе с гидронимами 120 топонимов, связанных с корнем *kal-*, приблизительно половина которых являются первичными. Интерес составляет то, что распределение их неравномерно. Концентрируются они в окрестностях северо-западной части Литовской республики, — это в Придаугавской зоне в окрестностях Дукштас-Аникщяй-Рокишкис, и западной части Литвы, — это в Приморско-Неманской низменности, называемой в немецкой литературе зоной Неманской или Клайпедской культуры⁴⁰. Это может обозначать, что именно в этих окрестностях происходилаковка металла еще в те далекие времена, когда племенами балтов еще не было усвоено искусство восстановления железа из железных руд.

В дальнейшем развитии среди *kalviai* (кальвяй-кузнецы), кующих как бронзовые, так и железные изделия, произошла производственная дифференциация. Выделились мастера, которые специализировались на изготовлении изделий из железа. Другие из них, посвятившиеся обработке меди с соответствующими компонентами для выплавления бронзы и изготовлению бронзовых изделий, стали как бы ювелирами и называются впредь варкаляй-кузнецы меди, вараняй-медники и подобными названиями. На территории западных литовцев, например, в окрестности *Kiautai* (Кяутай) — еще триста лет тому назад была мануфактура медных изделий, изготовители которых жили невдалеке в деревне Варкаляй⁴¹. Другие, усвоившие изготовление изделий из железа, стали впредь называться кальвяй-гележай (кузнецы-железники), а местожительства их Кальвяй или Гележунай. В окрестности тех же *Kiautai* восстанавливалось, а позже и плавилось железо и вырабатывались железные изделия, а кальвяй-гележай жили вблизи в деревне Гележунай⁴². Таким образом, в разных местах возникают центры изготовления бронзовых и центры изготовления железных изделий.

Соответствующие топонимы — гидронимы из гележис (железо) и варис (медь) должны были появиться уже после производственной дифференциации. Такие топонимы-гидронимы из гележис встречаются на всей территории республики и создают местами как бы гнезда, например, у Вильнюса, Аникщяй, Куршенай и в других местностях.

⁴⁰ C. Engel, Die Kultur des Memellandes in vorgeschichtlicher Zeit, Memel 1931, 67.

⁴¹ A. Endzinas, Tolminkiemio parapija XVIII amžiuje. Lietuvos TSR Mokslų Akademijs, Lietuvių kalbos ir literatūros institutas „Literatūra ir kalba“ VII, Vilnius 1965, 150—153.

⁴² Там же, 153.

В окрестности Растиненай имеются четыре местожительства с такими названиями. Мест с названием из гележис на территории республики мы насчитали 50⁴³. Их могло быть и больше, но часть их с течением времени могли быть переименованы или забыты.

К этому времени нужно отнести появление белорусского слова ковать, ковка, ковкий, коваль, ковальда и литовское kavolis. Термин коваль мы находим в Статуте Великого княжества Литовского 1529⁴⁴, 1566 и 1588 гг. Появляются соответствующие топонимы, которых насчитываем 16⁴⁵.

Возрастающая потребность железных орудий труда заставила искать способа восстановления железа из местных руд. Этим как бы начинается второй этап развития культуры железа в Литве. Начальное восстановление, в народном разговоре — варка, железа из местных болотных и других руд происходит в кострах, ямах, в очагах на открытых местах, пригорках, на берегу речных изгибов, около озер, рек, где создавалась естественная тяга, например, в Лаворишках на берегах Вильни, Балкасодис на берегу Немунаса, Галаляй на берегу озера, Аукштадварис на берегу озера. Это соответствует приблизительно III—I векам до нашей эры⁴⁶.

В конце этого периода под воздействием сформировавшихся соответствующих навыков и накопившегося опыта в процессе восстановления железа и выработке железных изделий между kalviai — geležiai (кузнецы железа) происходит дальнейшее распределение труда. Кальвяй — гележай были не в состоянии объять все работы, связанные со сбором руды, промывкой и просушкой ее, обжигом ее, выжигом древесного угля, с восстановительным процессом железа, ковкой или формовкой полученного железа, изготовления разных железных изделий, имеющих спрос у местного населения. Каждая создаваемая отрасль имеет свои особенности, требует умения, навыков, поэтому происходит дальнейшее распределение специализированного труда. Производство в дальнейшем делится на подготовку руд и древесного угля для так называемой „варки железа” на местах залежи руды и древесины, где это было возможно, и самого восстановительного процесса,ковки добытого железа⁴⁷. Восстановление и ковка железа переносится в городища или производится у подножия их, напр., в Аукштадварис⁴⁸ или

⁴³ GGI, 185.

⁴⁴ Раздел II, О головщины, о навязки ремесных людей.

⁴⁵ Lietuvos argyventos vietos, Kaunas 1925.

⁴⁶ GGI, 192—195.

⁴⁷ GGI, 1953.

⁴⁸ Короткий отчет археологических исследований. I.VII.1960—22.X.1960 В. Даугудиса от 10.XI.1960 г. в Институте истории, секции по археологии.

Паплинии⁴⁹, Лаваришках⁵⁰, Неменчине⁵¹. На многих местах у подножия городищ создаются как бы ремесленные центры изготовления железа и железных орудий, напр., в Неменчине⁵², Паплинии⁵³, Лаваришках⁵⁴ и в других местах. Таким образом, начинается формирование новых групп специальностей, вроде *anglininkai*, выжигающих в лесу древесный уголь, *rūdninkai*, *rūdkasiai*, выкапывающих и подготавливающих руду. Подготовка руд связана с обжигом ее. Железные руды содержат часто примеси, выделяющие при прокаливании удушливые газы. Таким образом, плавка таких руд в закрытых помещениях без предварительного обжига едва ли была возможна⁵⁵. Обжиг производился за пределами селений. В связи с этим практика обжига руд, весьма целесообразная и в других отношениях, получила широкое применение с незапамятных времен. *Kalviai-geležiai* выполняют теперь только основную работу восстановления иковки, выделки разных требуемых изделий. Это связано с применением для подъема температуры разных видов дутья: в начале естественного, используя для этого возвышенности, незаросшие берега рек, изгибы их, усиливая ток воздуха щитами, направляющими сооружениями из камней, пользуясь для этого тростниковыми трубками, шкурами животных, впоследствии ручными мехами и, наконец, водяными устройствами. Возникают в это время новые топонимы-гидронимы, связанные с отдельными видами производства. Места выжига угля и местожительства выжигающих его называются *Anglininkai*, *Angliadegiai* (угольники⁵⁶); обозначающие места залежи руд, места добычи и обработки их, местожительства добывающих руду рудников получают название с корнем *rūd-*, *gaud-*. Последних насчитано на территории республики 208⁵⁷. Они разбросаны по всей республике. Во многих местах они встречаются вместе с топонимами другого происхождения, но связанными с производством железа, и составляют как бы небольшие производственные центры, напр., в треугольнике стока рек Швентой и Нериса, в окрестности Куршенай,

⁴⁹ Отчет археологических исследований в Паплинии сотрудниками Тельшайского музея Валаткаса, в Тельшайском музее.

⁵⁰ Данными разведочной экспедиции в августе 1965 г.

⁵¹ P. Kulikauskas, *Nemenčinės piliakalnis, Iš lietuvių kultūros istorijos*, II, Vilnius 1959.

⁵² Там же.

⁵³ A. Endzinas, *Paplinio metalurgai*, „Mokslas ir gyvenimas“, 1965, Nr 7.

⁵⁴ A. Endzinas, *Geležies gavyba Lavoriškių apylinkėje*, „Mokslas ir technika“, 1967, Nr 2.

⁵⁵ С. Ф. Струмилин, *История черной металлургии в СССР*, I, Москва 1954, 13.

⁵⁶ S t. Tarvydas., p. 37—41.

⁵⁷ GGI, 198.

Аникщай⁵³. Такие центры находились и в Пруссии, напр., в окрестностях Кяутай.

Применение кузнечных мехов и других способов дутья, введение в процессе восстановления железа дополнительных приемов усовершенствования восстановительного процесса или подготовки сырья, как-то: промывки, сушки дробления руд, накопление и достаточного для изготовления железа количества сухого сырья, ковка и формовка полученного железа, приемы закала, сварки и другие приемы обработки железа, заставили перенести восстановительный процесс железа в защищенные от ненастья места. Это происходит в последнем столетии до нашей эры и в первых веках нашей эры и установлено при археологических раскопках в Аукштадварисе, в Паплинии. Мы предполагаем, что с этим большей частью связаны окрестности, название мест которых происходят от корня būd-. Их пока насчитано 187⁵⁴. Они концентрируются в южно-западной и центральной части республики и на территории северной Польши. Они составляют единую полосу и указывают на этническое единство населения. По историческим данным, часть топонимов, происходящих от корня būd-, в юго-западной части республики имеют более позднее происхождение. Относительно возникновения этих топонимов в научной литературе имеются кое-какие расхождения. Указывается, что эти топонимы происходят от бывших в этих местностях шалашей лесороботников, к которым причислялось и рудников, и бортников⁵⁵. Но имеются в виду только топонимы встречающиеся в юго-западной части республики. Автору удалось установить такое же количество их в средней части республики и столько же в северо-восточной части Пруссии. Кроме того, шалаша вряд ли смогли создать основу возникновению соответствующего названия местности. Чтобы укоренилось название, это должны были быть более массивные, устойчивые, перекрытые дерном и глиной оштукатуренные постройки или землянки, употреблявшиеся в течение продолжительного времени, и только в отдельных случаях это могли быть и шалаши бортников и разных видов лесороботников.

Концентрация отдельных видов топонимов-гидронимов, связанных с производством железа в отдельных областях республики, создала условия распределению территории республики на отдельные территориальные области, в основном на восемь территориальных групп и девятую группу северо-восточной части Пруссии, на которой

⁵³ GGI, 194.

⁵⁴ GGI, 194.

⁵⁵ Z. I v i n s k i s, Lietuvosūko istorija, Lietuvos TSR CVB, rankr. sk.

А. Беценбергером установлено местожительства племен западных литовцев⁶¹.

Таким образом, анализ лингвистического материала показал концентрацию производства железа и создал возможность проследить возникновение и освоение культуры железа и к тому же создать основу для периодизации развития технологии производственного процесса; этот же анализ дает основание утверждать, что на территории

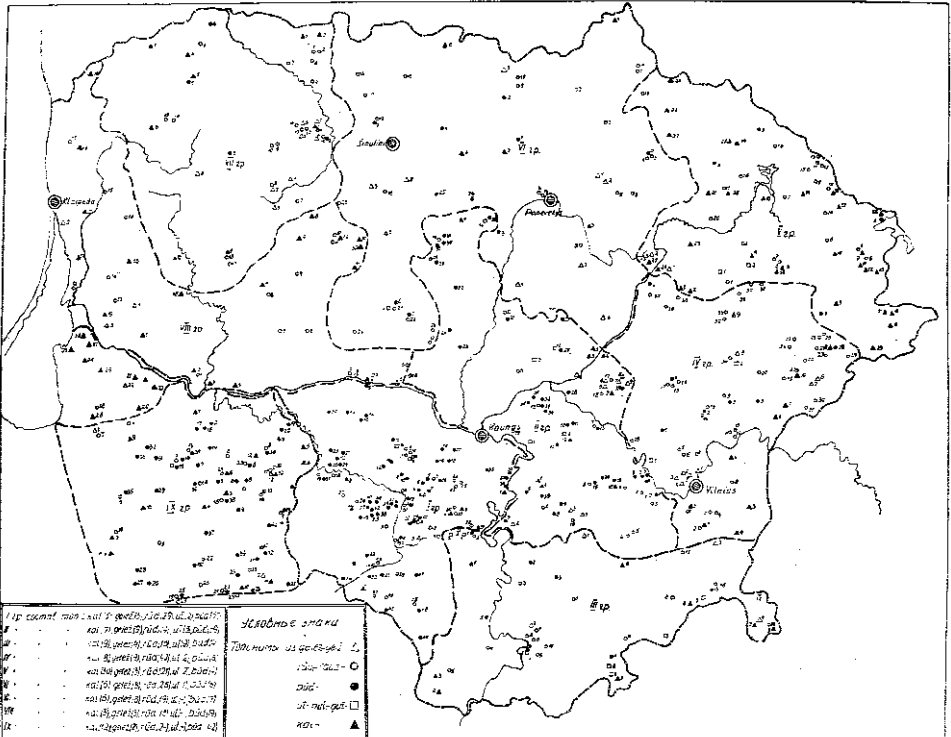

Рис. 1. Схема концентрации топонимов с корнями kal-, rūd-, būd-, ut-, gelež- на территории Литовской ССР, как бы связанных с выработкой железа.

Литвы были ремесленные центры по производству железа. В дальнейшем происходит дифференциация между изготовителями железного сырья и кузнецами, изготавливающими из этого сырья железные изделия.

Сделанные выводы и предложения не являются конечными. Выводы должны быть обоснованы исследованиями на более широком до-

⁶¹ A. Bezenberger, Die littauisch-preussische Grenze, Altpreussische Monatsschrift, XIX, 1882.

полнительном материале. Они должны быть обоснованы расширенным археологическим материалом и обобщены данными более широко проведенных лабораторных анализов.

2. Анализ археологического материала, касающегося изготовления железа

Приблизительно в III—II веках до нашей эры культура железа внедряется посредством восстановления его из местных руд. Этот этап происходит вначале, то есть приблизительно в III—I в. до нашей эры, в первобытных, но постепенно развивающихся формах на открытом воздухе, за пределами селения, на берегах рек, на холмах, в ямах, кострах, очагах, а в следующем этапе, приблизительно с начала нашей эры в связи с усвоением приемов дутья и предварительного обжига руды, в закрытых от ненастья помещениях или попросту в печных горшках, тиглях.

Во время восстановительного процесса на поверхности плавки выделяются шлаки, да и при обжиге и ковке еще горячей восстановленной губчатой массы-крицы отделяются шлаки, выделяются шлаковые брызги, которые, как никому ненужные отходы, выбрасываются. Если география в археологических раскопках найденных криц и выкованных изделий является широкой, то шлаки, как отбросы, остаются вблизи мест восстановления иковки железа. При интенсивной выработке железа они концентрируются буграми в несколько десятков кубометров, напр., в Лаворишках на левом берегу р. Вильни. Само собою ясно, что нахождение в местности, в городище или у его подножия древних железных шлаков дает основание утверждать, что в этих местах восстанавливалось и вырабатывалось железо. Но при этом нужно иметь в виду, что происхождение шлаков в некоторых местах может быть более поздним, вроде фабричных или кузнечных отходов. Примером этого может быть Тильже (теперь Советск). В западной и северной части этого города нередко встречаются куски шлака. Через эту часть города течет Smalupis (Смольная речка), название которой связано с осмолением хвойных пород при выжиге древесного угля. Около этой реки концентрировались три окрестности с корнем kal-, обозначающие старейшие места обработки железа и местожительства кузнецов: Kalkapis, Kaltekis и Kalviai, которое упоминается в хрониках 1352 года⁶². Эти окрестности со временем были включены в территорию города. Уполномоченный Прусского повелителя Нос-

⁶² J. Коппе, Geschichte des Landkreises Tilsit, Tilsit 1918, s. 146.

тич пишет в своем докладе 1578 года⁶³, что в окрестности много железной руды и поэтому на реке Smalure он приказал построить запруду и установить плавильную печь. Эти данные указывают, что в этой окрестности восстанавливалось железо, но в XVIII—XIX веках в Тильже были построены несколько фабрик сельскохозяйственных орудий и машин, а в XX веке в окрестности Smalure построен крематориум, которые распространили в окрестности фабричные и кузнечные шлаковые отходы и теперь выделить из массы древние железные шлаки возможно только при тщательном исследовании их и при помощи химического анализа. Это указывает, что к этому вопросу нужно подходить с большой осторожностью⁶⁴.

Восстановление железа начинается при температуре 400°, а при 900°C масса плавки превращается в тестовидную массу. Чем ниже температура восстановительного процесса, тем хуже происходит выделение шлаков из железной руды и тем больше железа остается в шлаковых отходах. Чем выше температура восстановительного процесса, тем меньше железа остается в шлаковых отходах, тем меньше шлака остается в железе и оно качественнее. Это указывает на то, что чем примитивнее условия плавки железа, тем больше процент железа в шлаках. Температура плавки зависит от применения способов дутья и в особенности применения кузнечных мехов. Таким образом, применение кузнечных мехов составляет какую-то грань в развитии изготовления железа. Это обстоятельство наводит на мысль, что процент железа в найденных во время археологических раскопок шлаках должен указать, относятся ли шлаки к времени до применения кузнечных мехов и применения естественного притока воздуха, или происходил восстановительный процесс с применением искусственного дутья. Применение дутьевых приемов развивается постепенно, таким образом и процент железа в шлаках постепенно понижается. Но метод анализа шлаковых отходов и установления грани отдельных периодов в связи с количеством железа в шлаках еще недостаточно разработан, ввиду того, что шлаки восстановительного процесса и обработки криц разновидности и их содержание разное. Меньше железа в выдавленных из криц шлаковых брызгах. Они более легкие⁶⁵, не реагируют на воздействии магнита и не поддаются нормальному спектральному анализу.

⁶³ K. Lohmeyer, *Kaspars von Nostitz Haushaltungsbuch des Feuerstenthums Preussen 1578*, Leipzig 1893.

⁶⁴ A. Endzinas, *Geležies gavybos geografijos klausimu Lietuvoje, Lietuvos TSR geografinė draugija „Geografinis metraštis“*, IX. Vilnius 1968, p. 147—166 (далее GGG).

⁶⁵ Б. Колчин также указывает, что местами шлак очень легкого веса, напр. Старая Рязань, Черная металлургия, 27.

Больше железа в шлаковых осколках отколотых при прокалывании криц. И, интересно, что часто с поверхности наружной стороны в крупных кусках шлака содержание железа меньше, чем с внутренней стороны, в которой оно часто достигает половины содержания. Поэтому данные химического анализа куска шлака с разных сторон могут быть разными. За шлак часто принимают куски обожженной необработанной руды и куски сильно обожженной глиняной обмазки сыродутной печи.

В научной археологической литературе указывается, что шлаковые отходы находятся почти в каждом городище⁶⁶. Возможно, что это так. Автору при тщательном просмотре материала удалось в границах Литовской республики установить 145, имеющих историческое значение.

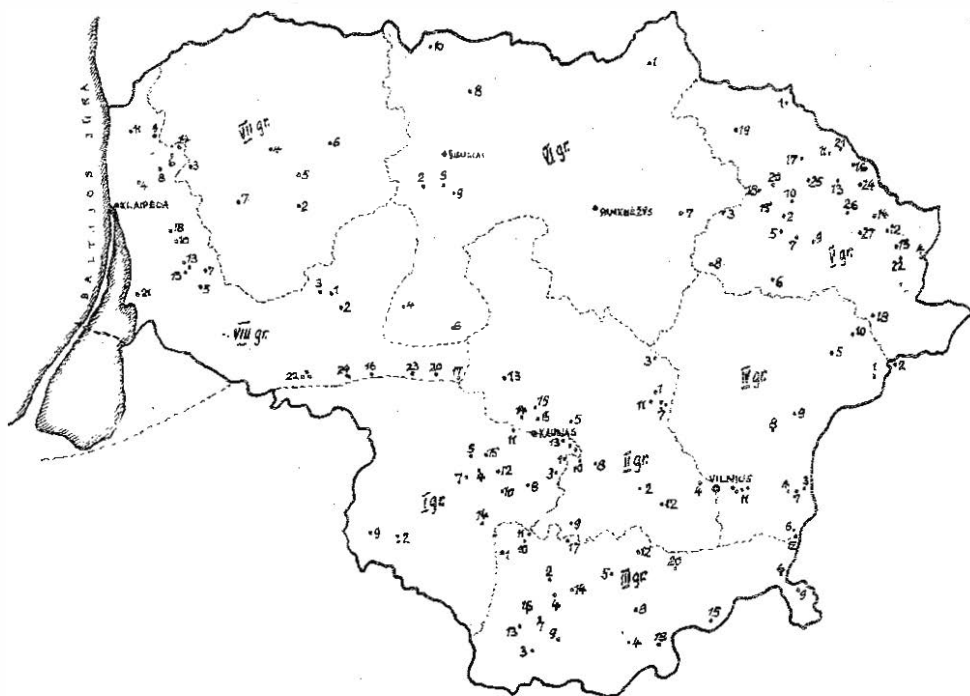

Рис. 2. Находки древних железных шлаков в Литовской ССР.

ние, мест, где фактически были найдены куски шлака, свидетельствующие о древнем изготовлении железа. Составлен соответствующий список этих мест с распределением их по территориальным группам, установленным в предыдущей части этой статьи.

⁶⁶ P. Kulikauskas, *Iš metalų panaudojimo Lietuvoje istorijos, Iš lietuvių kultūros istorijos*, II. Vilnius 1939, p. 3—20.

Места нахождения шлака, оставшегося как след древнего изготовления железа, разбросаны по всей республике, но особенной концентрации их отличаются те районы, в которых мы на основании концентрации гидронимов и вообще топонимов с корнями *ka-* и другими данными установили древнейшие местаковки и выделки железа. Это группа V — северо-восточная часть республики и группа VIII — Приморско-Неманская низменность⁶⁷. Таким образом археологические данные подтверждают материалы лингвистического анализа и применение комплексно-сравнительного метода исследования достигает своей цели.

Местами по установленному списку найдены одиночные куски шлака, между тем как в других местах его много⁶⁸. Причина может быть в том, что эти места не подвергались археологическому исследованию или там железо выплавлялось из ожженной руды, которая дает на много меньше шлаковых отходов, и по другим причинам. Кроме того, особенное накопление железных шлаков встречается там, где восстанавливалось железо в более примитивных условиях, на открытых местах, в кострах, ямах.

Химический анализ шлаков показывает, что шлаковые куски разных расцветок. Установлено, что в светлых кусках всегда больше железа, чем в темных⁶⁹. Расцветка кусков шлака из Никелы и Иомантай металлически серая. Но есть куски более темные, синие, красноватого оттенка и совсем черного. Это как бы доказывает, что в этих местах изготовлялось железо разных сортов и процесс изготовления железа длился не одно столетие. В ряде случаев это можно приписать и случайности. Но все эти вопросы еще недостаточно исследованы.

Несмотря на то, что пока нет конкретных данных определить время выработки железа из шлаков, установить как бы эталоны разным векам, большинство местонахождений шлака можно датировать на основании данных исторических мест окрестности, на основании археологических данных вместе со шлаком найденных изделий и черепков и по другим данным. Часть мест нахождения шлака совпадает с местонахождением могильников. А. Тауравиčius установил⁷⁰, что в Капитонишках железо выплавлялось еще перед тем, как там был устроен могильник. К таким местам нужно отнести около двадцати других мест, как-то Никелай, Иомантай, Диржяй и др. Это создает

⁶⁷ GGG.

⁶⁸ GGG.

⁶⁹ Химический анализ кусков шлака производится в лаборатории турбизготовительного завода „Пергале“ в Каунасе в 1965—1966 гг.

⁷⁰ А. Tautavičius, Kapitoniškiu pilkapis, LTSR, MAMd., ser. A Nr 1, 1957, 93—108.

Таблица выработки железа по археологическим данным

	I гр.	II гр.	III гр.	IV гр.	V гр.	VI гр.	VII гр.	VIII гр.	Всего
	юго-зап. часть Литвы	средняя часть Литвы	южная часть Литвы	юго-вос-точная часть Литвы	сев.-восточ. часть Литвы	сев. часть Литвы	сев.-зап. часть Литвы	При-морско-Неманская низмен.	
IV—I ст. д. н. э.	1	4	1	1	2	—	1	7	17
I—IV ст. н. э.	4	7	8	5	16	—	3	13	56
V—VIII ст. н. э.	4	8	11	4	7	3	3	14	54
IX—XII ст. н. э.	2	6	—	3	1	3	1	10	26
XIII—XV ст. н. э.	1	1	1	7	2	1	1	3	17
XVI—XVIII ст.	6	1	6	9	2	1	—	4	29
Неустановл.	5	8	4	4	9	5	1	6	42
Всего:	23	35	31	33	39	13	10	57	241

условие приблизительно определить время изготовления в этих местах железа. В других местах вместе с шлаком найдены фрагменты черепков, по которым можно установить время изготовления железа, относящегося к середине, а может быть и к первой половине первого тысячелетия. Достоверность такой датировки ориентировочная. Согласно с этой датировкой составлена таблица мест, где найдены шлаки. Она показывает, что основная часть мест восстановления железа относится к времени от начала нашей эры до VIII столетия, это 110 мест, к IV—I столетию до нашей эры 17, к IX—XII ст. нашей эры — 26, к XIII—XV — 17, к XVI—XVIII — 29 и неустановлены 42 места. По находкам шлака основное производство железа до нашей эры и в первых веках нашей эры происходит в II, V и VIII группах, в первой половине первого тысячелетия в V, VIII, III и II группах, во второй половине первого тысячелетия в V—VIII группах, во втором тысячелетии в III, VIII, II и V группах. С начала IX в. замечаем уменьшение количества мест изготовления железа. Одновременно с этим снижается поставка сырьевого железа и интенсивность изготовления железных изделий в стране. Причины этого в VIII группе — Приморско-Неманской низменности и IX группе — Пруссии расходятся с причинами на остальных частях территории, то есть групп I—VII. Если причину в VIII и IX группах нужно искать в развитии связи этой области с другими странами,

в особенности со скандинавскими, откуда вместе с походами викингов и их предпринимательскими похождениями в Прибалтику поступало более дешевое и качественное железо (ввиду того, что оно было менее хрупкое и легче поддавалось ковке), то на территории I—VII групп причину снижения изготовления железа нужно искать в разложении общинного строя и закладке феодального общества, в междоусобных распрях, в нападении со стороны славянских племен. Особое значение имеет переход от разлагающегося первобытно-общинного строя к формированию классового феодального общества, ввиду того, что именно этот период имеет большое влияние на развитие железного века⁷¹.

В XIII—XV веках интенсивность изготовления железа в VIII и IX группах еще более снижается, ввиду захвата большей части этих земель хищническим немецким орденом и запрещения аборигенам заниматься ремеслами, в то же время запрещал ввоз железа и оружия из других стран. Это продолжается до второго Мелнского договора. После заключения этого договора опять начинают развиваться торговые связи VIII и IX территориальных групп со скандинавскими странами, основным поставщиком железа. Это основная причина того, что в этих группах производство железа не развивается. На остальной территории производство железа опять становится все более интенсивным вплоть до второй половины XIX века, развития железнодорожного сообщения⁷².

3. Анализ геологического материала, касающегося изготовления железа

Древнейшие находки железных шлаков на территории Литовской республики и анализ соответствующего лингвистического материала свидетельствуют о том, что население пользовалось в основном железом собственного изготовления, а не привозным из других стран. Это как бы указывает на то, что на местах имеются соответствующие источники сырья в виде железных болотных руд, что калвий-геляжий имели соответствующий опыт и навыки для проведения процесса восстановления железа из местных руд.

Геологическими исследованиями установлено, что на территории республики имеются разные виды залежей железных руд, большей

⁷¹ GGG.

⁷² По данным С. Кудринского (Литовцы, Вильно 1905, стр. 56) в конце XIX в., добыванием железной руды занимаются в Ковенской губ. 69 мужчин и 5 женщин, Виленской губ. — 107 м. и 2 ж., Сувальской губ. — 41 м. и 2 ж.

частью болотной руды. Они встречаются повсеместно и являются по своему объему и количеству железа в них весьма бедными. В настоящее время восстановление железа из местных руд в экономическом смысле является невыгодным, но в условиях жизни древних времен это было непременно.

На территории республики встречаются небольшие гнезда пирита и пиритовых конкреций, небольшие залежки сидерита, магнетита, гематита, глауконитовых и других руд, но основной железной рудой является болотная руда в виде дерновой, луговой, озерной и другой породы. Сидеритовые залежки находятся главным образом по берегам реки Венты около Куршенай, Папиле и других мест. Другие виды железных руд находятся больше всего в западной и южной части Литовской республики. Болотная руда концентрируется в основном на площади, отведенной группами V, VIII и I. Она встречается, напр., около Жемайчу Науместис залежами от 10 до 30 сантиметров толщиной. Несколько меньше болотной руды на площади II, III и IV групп. Меньше всего ее установлено на территории VI и VII групп⁷³, где, согласно пока что имеющимся лингвистическим и археологическим данным, изготовление железа было в общем меньше всего развито.

Профессор Ю. Видмантас применил несложный метод установления железа в торфяниках и болотах по цвету золы при сжигании торфа⁷⁴. Такой анализ является предварительным, но в разведывательских целях весьма удобным. Согласно этому методу оставшаяся после сгорания торфа желтая зола имеет меньше всего железа, зола зеленоватого оттенка имеет уже несколько больше железной примеси, а зола красноватых оттенков имеет уже значительное количество железа. В последней концентрируется гематитовая руда Fe_2O_3 и окись алюминия Al_2O_3 . Применив этот метод, проф. Видмантас установил, что в торфянике Эжереляй II, вблизи Казлу-Руда в юго-западной части Литвы, золу желтого оттенка с 2,75% железа дает торф, имеющий 0,05% железа, зеленоватую золу с 15,65% железа дает торф, имеющий 0,42% железа, и золу красного оттенка с содержанием 32,78% железа дает торф, имеющий 0,81% железа. Распределение торфа неодинаковое. Ближе ко дну концентрируется торф, дающий золу зеленого оттенка, выше желтого и красного, образуя отдельные участки. Этому соответствует и выход от 7,65% до 11,9%. Но в других торфяниках и процент, и выход золы на много больше и процент железа в торфе также больше, местами достигает до 11—12%. Болотная руда встре-

⁷³ GGR.

⁷⁴ J. Vidmantas, Kazlų Rūdos komplekso durpių masių tyrimas. Kauno universiteto Technikos f-teto darbai, I, Kaunas 1949.

чается больше всего в низинных и несколько меньше в переходных торфяниках. В верховных болотах железа весьма мало.

Указанный метод разрешает без особого труда предварительно на местах установить по цвету золы торфа количество болотной руды в торфяниках. Применяя этот метод, нам удалось при разведывательных исследованиях установить, что такие источники болотной руды встречаются чаще всего в районах, которые нами отмечены группами V, VIII и I. Эти, хотя и предварительные, данные соответствуют схеме, которую мы получили при анализе лингвистического материала и подтвердили анализом археологического материала. На площади V группы встречается также руда на дне озер, а VIII группы на песчаных берегах рек, в особенности Немунаса около Советска, Галсдонай, Гелгаудишкис и на Неринге⁷⁵.

Возникает вопрос, использовалась ли эта встречающаяся на территории Литовской республики железная руда, в особенности болотная руда, для изготовления железа? находка железных плаков и сыродутных горнов с естественным и искусственным дутьем, орудия производства железа на территории республики подтверждает, что эта руда использовалась для изготовления железа и железных изделий. Исторические письменные памятники это также подтверждают, относительно отдельных местностей или широких окрестностей, например, Казлу-Руда и др.⁷⁶

Предвидится сделать химический и другого вида анализы в окрестностях, имеющих руды, сопоставить данные этого анализа с анализом на местах или в близости найденного железного шлака и железных изделий. В случае соответствия содержания соответствующих компонентов это может окончательно доказать изготовление железа в этих местах и установить эталон железных изделий отдельных местностей и по отдельным векам. В случае расхождения данных анализа, это будет доказательством, что изделие является завозным из других мест или заграничным. Это поможет отчасти установить торговые пути и связи древних времен жителей территории Литовской республики с другими странами. Много может дать исследование самого технологического процесса изготовления железа и выковки железных изделий.

⁷⁵ GGR.

⁷⁶ A. Endzinas, Geležies iš pelkių rūdos gamyba Lietuvoje XVI—XIX a., „Mokslas ir technika“ 1971 Nr 6.

4. По некоторым вопросам технологии добывания железа

Возросшая потребность местных жителей в орудиях труда, изготовленных из железа, заставила кальвий-кузнецов искать способы увеличения количества готового железа, необходимого для изготовления этих изделий. Это требовалось ввиду того, что натуральное железо, какого бы оно происхождения ни было, встречается на территории Литовской республики весьма редко, а завоз его из других стран в условиях древних времен был весьма затруднительным и ограниченным. Да и кальвий-кузнецы, имеющие большой тысячелетний опыт и навыки не только в ковке, но и в основном в плавлении изделий из заливной выплавленной бронзы (это доказывает найденный клад из бронзовых палочек в Миешайчкэй, около Кельме⁷⁷, и в других местах), из утиля бронзовых изделий (клад, найденный в Саргенай, около Каунаса, в могиле № 154⁷⁸; клад, найденный в Литаусдорфе, в бывшем уезде Фишхаузен⁷⁹), из выплавленной на местах из цветных металлов бронзы⁸⁰ (это доказывают находки палочек олова в Апуоле⁸¹ и слитков меди в Литаусдорфе⁸²), должны были искать способа добывания железа путем плавления его из руд. Это было естественно. Но для добычи железа путем восстановления его из руд требовалось прежде всего установить, из какой руды и каким образом можно добыть железо. Решить этот вопрос было весьма трудно. Надо предполагать, что возможность добывания железа из бурого железняка или другой породы была открыта случайно. Возможность восстановления железа при более низкой температуре была открыта, вероятно, во время попытки плавления железа из руд.

А. Беценбергер высказывает в своих трудах предположение, что бронзовые изделия западных литовцев состояли до нашей эры в основном из сплава меди, свинца и олова, а с начала нашей эры — из сплава меди, свинца, олова и цинка⁸³. Кроме того, он предполагал, что для выплавки бронзы и изготовления бронзовых изделий в первых столетиях нашей эры кальвий-кузнецы западных литовцев

⁷⁷ LAB, 107.

⁷⁸ Там же, 505.

⁷⁹ W. Gaerte, *Urgeschichte Ostpreussens*, Königsberg 1929, 89.

⁸⁰ LAB, 110.

⁸¹ V. Naševičius, *Mūsų pajūrio medžiaginė kultūra VIII—XIII amž., Senovė*, I, Kaunas 1935, 119.

⁸² W. Gaerte, *Urgeschichte Ostpreussens*, Königsberg 1929, 89.

⁸³ A. Bezenberger, *Analysen vorgeschichtlicher Bronzen Ostpreussens*, Königsberg 1904, XVI.

употребляли, главным образом, римские бронзовые монеты⁸⁴. Таким образом калвяй-кузнецы при плавлении изделий из бронзы должны были превышать температуру плавления сплава бронзы — 900°C и сплава латуни — 855—900°C, а при плавлении бронзы из цветных металлов — температуру плавления олова — 232°C, свинца — 327°C, цинка — 419°C и меди — 1083°C. Из этого вытекает, что мастерами племен балтов плавления бронзы еще во втором и первом тысячелетии до нашей эры достигалась температура, превышающая температуру плавления сплава бронзы — 900°C и температуру плавления меди — 1083°C. Еще трудно установить, достигалась ли эта температура при использовании естественного притока воздуха или путем искусственного дутья. Скорее всего это происходило еще без применения искусственного дутья.

Применив свой опыт плавления бронзы и меди, в рамках достигаемой температуры нагрева, к изготовлению железа из местных руд калвяй-кузнецы, при внимательном наблюдении за процессом плавления, должны были выработать способ восстановления железа при сравнительно низкой температуре. Произошло ли это намеренно или случайно, не имеет для нас значения.

Сущность восстановления железа, как уже указано в предыдущих главах, заключается в том, что под влиянием нагрева до 450—500°C окислы железа (железная руда) начинают терять свой кислород, и начинается восстановление железа. При 900°C масса плавки превращается в тестовидную массу, и восстанавливаются из руды твердые зерна железа⁸⁵. По мере выгорания угля, при температуре 1300—1400°, твердые зерна железа, частично свариваясь, опускаются на дно костра, ямы, печи и образуют рыхлую губчатую массу — железную крицу⁸⁶. Эта масса сварившихся комьев мягкого железа-крицы с порами и относительно крупными пустотами, залитыми расплавленным, а затем затвердевшим шлаком, образовавшимся из пустой породы руды, золы и других примесей, требует еще напряженной обработки⁸⁷. Шлак выдавливался посредством обжатия, как это доказывает собранный в Советском Союзе этнографический материал⁸⁸, а также выдавливался и откалывался ударами молотка. И только в результате длитель-

⁸⁴ Там же, XVIII—XX.

⁸⁵ M. Radwan, Rudy, kuźnice i huty żelaza w Polsce. Warszawa 1963, ss. 63—67.

⁸⁶ Б. Колчин, Черная металлургия и металлообработка в древней Руси, Москва 1953, 25.

⁸⁷ Б. Рыбаков, Ремесло древней Руси, Москва 1948, 123—124.

⁸⁸ В. Яковлев, Развитие способов производства сварочного железа в России, Москва 1960.

нойковки и нагрева получалось ковкое, сварочное, высокого качества железо. Надобность отдельных приемов выявилась на практике в процессе добывания железа посредством наблюдения, попыток, накопления опыта.

Но восстановление — это еще не плавление железа, так как оно еще не превращается в жидкую массу. Поднять температуру плавки на несколько десятков градусов выше тысячи тяжелее, чем на сто градусов начальной температуры. Но мастера, имеющие опыт в деле выплавления бронзы, должны были обратить внимание на происхождение в массе плавки изменения, и использовать их для добывания железа при помощи дополнительнойковки полученной крицы.

Оксиды железа плавятся без каких-либо затруднений при температуре Fe_2O — 1377° ; Fe_2O_3 — 1565°C ; Fe_3O_4 — 1527°C . Но вышеуказанные данные и температура плавления меди в сочетании с тысячелетним опытом в деле плавления показывают, что переход калвяй-кузнецов от плавления бронзы к восстановлению железа не был таким трудным и сложным, как это себе представляют некоторые из археологов. Температура плавления некоторых видов железа, напр., чугуна белый, почти совпадает с температурой плавления меди. Сырьевую базу для добывания железа на территории Литовской республики⁸⁹, Латвии⁹⁰, северо-западной части Украины⁹¹, Пруссии (теперь Калининградская область)⁹², составляла в основном болотная руда, которая по своим технологическим качествам принадлежит к наиболее легко восстанавливаемым породам, и, как оксиды железа, являются наиболее подходящим сырьем для примитивной металлургии⁹³.

Все усложняющаяся подготовка „железа земли” (железной руды)⁹⁴, древесный уголь, как обязательный компонент железной руды при восстановительном процессе, восстановление и плавление железа, продолжительнаяковка с неоднократным нагревом и сама техника изготовления железных изделий посредствомковки, не литья, требуют немалого опыта в этом деле, своеобразных навыков, производственной

⁸⁹ GGR.

⁹⁰ O. Melis, *Limonita atradnes Latvija. Geografiskie rakstir*, VI, Riga 1938.

⁹¹ Ю. Анисимов, *Нарис історії використання на вивчення родовищ залізних руд на Україні до 1861 р., Нариси в історії природознавства і техніки*, Випуск XI, Київ 1970, 83—97.

⁹² K. Lokmeyer, *Kaspars von Nostitz Haushaltungsbuch des Fürstenthums Preussen*, 1578, Leipzig 1839.

⁹³ Б. Колчин, *Техника обработки металла в древней Руси*, Москва 1953, 33—39.

⁹⁴ Так называлась вначале железная руда на землях племени балтов. Это название и теперь еще держится в некоторых частях Литовской ССР.

сноровки. Они резко отличаются от специфики выплавки бронзы или латуни, от технических приемов изготовления бронзовых изделий. Эта специфика требовала производственной дифференциации, распределения калывай-кузнецов на изготовителей бронзовых изделий, в большинстве украшений, и изготовителей железных изделий, в большинстве орудий труда. В связи с этим одни калывай-кузнецы превращаются в ювелиров, изготавливающих бронзовые изделия разнообразных и удивительно кропотливых форм, с тончайшими узорами и тщательной отделкой⁹⁵. Они, вернее, еще раньше, до усвоения культуры железа, являлись ювелирами. Но тогда они рядом с украшениями изготавливали разнообразные орудия труда из бронзы. Другая часть калывай-кузнецов превращается в калывай-железников. Их направление другое. Они изготавливают в основном орудия труда, оружие, которое должно было отличаться своей массивностью, твердостью, упругостью, удобными и прочными для употребления формами. Развилась и укоренилась эта культура железа в эпоху с начала III столетия до нашей эры до конца второго столетия нашей эры. Производственная дифференциация должна была произойти приблизительно в последних трех столетиях до нашей эры. Нужно предполагать, что и после этой дифференциации калывай-ювелиры не отказывались от изготовления мелких железных изделий из готового железа или включали фрагменты железа в изготавливаемые из бронзы изделия, например, в Саргенай во время раскопок найдена бронзовая свиточная булавка (*vitinis smeigtukas*) с железной иглой из второго столетия нашей эры⁹⁶. Подобная булавка найдена во время раскопок в Петрашунай с инвентарем пятого столетия⁹⁷. Найдены и другие изделия, изготовленные из бронзы в сочетании с фрагментами из железа. Но они разнообразны и встречаются довольно редко. Реже, чем бронзовые, встречаются изделия из железа, изготовленные для разнообразия в сочетании с серебром, эмалью. Встречаются также железные изделия, изготовленные в сочетании с фрагментами из бронзы, серебра или золота, украшенные или покрытые бронзой⁹⁸. Их изготовили калывай-железники, стараясь этим создать более сложную композицию рисунка украшения или изделия из железа или стремясь этим придать изделию из железа особенный блеск, практически защитить их от коррозии. И эти изделия встречаются довольно редко.

Б. Рыбаков, имея в виду бронзовые изделия с фрагментами из

⁹⁵ Liaudies menas.

⁹⁶ Каунасский исторический музей.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Наконечник копья покрытый бронзой, в Укмергском краеведческом музее.

железа, указывает⁹⁸, что такие изделия, где сочетаются два разных металла, требующих различной техники обработки — кузнечнойковки, даже закалки, и литья по восковой модели, объединены единством замысла и выполнения. Такое производственное единство возможно лишь тогда, когда иковка железа и литье бронзы сосредоточены в руках одного мастера, или по крайней мере, в пределах одной мастерской. С этим согласиться нельзя. Уж слишком мало бронзовых изделий с фрагментами из железа по сравнению с количеством бронзовых или железных изделий того времени. Да и указанное совмещение отдельных производственных деталей, при сложности технологии изготовления железа, немыслимо. Мы думаем, что эти изделия указывают не на сосредоточенность в одних руках литья бронзы иковки железа¹⁰⁰, а в попытке варкаляй-медников (кузнецов меди), посредством сочетания двух металлов в изделии, найти новый путь, новые формы, композиционные решения, стремясь к разнообразию, к большему эффекту. Весьма возможно, что эти сочетания двух металлов в изделии вызваны практическими, неоправдавшимися, ввиду немногочисленности таких изделий и в несложности этих сочетаний, решениями или попросту нехваткой однородного металла. Но в этих случаях варкаляй-медники использовали имеющиеся у них небольшие кусочки железа.

Вопрос, занимались ли женщины на территории Литовской республики литьем украшений, для которого они пользовались горном кузницы, как это установлено Б. Рыбаковым в некоторых местах Советского Союза¹⁰¹, еще не изучен. Данных для такого утверждения в Литве пока нет.

Необходимым условием для восстановления железа является постоянный приток воздуха. Приток воздуха устанавливается посредством использования естественных условий или искусственного дутья. В начале усвоения восстановительного процесса восстановление или попросту „варка” железа производилась на возвышенных открытых местах, где естественный приток воздуха сильнее. Он мог быть усилен направляющими щитами или специальными сооружениями из камней. Этот способ для изготовления железа в кострах, ямах использовался в случае надобности до XX века. По нашим данным, некоторые жители окрестности Юры (около Казлу-Руды), в случае надобности, производили „варку” железа из руды, поднятой из берегов протекающей недалеко речушки Руда, в открытых кострах на возвышенных местах еще в начале XX века. Такие же сведения имеем из окрестности Кап-

⁹⁸ Б. Рыбаков, Ремесло, 94.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же, 92.

чаместиса. Для восстановления железа также использовались оголенные изгибы берегов рек или озер, где тяга всегда сильнее. Это мы видим в Лаворишках на левом берегу Вильни (Вилейки), в окрестностях Вильнюса и других местах.

Для обжига руды не требовалось большого притока воздуха, поэтому надо предполагать, что обжиг руды происходил на месте добычи после просушки и проветривания поднятой железной руды. С усилением феодального строя „варка” железа иковка железных изделий переносятся в пилякальнис (городище) или непосредственно около него. Ввиду большой ценности орудий труда и оружия из железа и других металлов, феодалы стараются „забрать в свои руки” кальвай-кузнецов и варкаляй-медников и создать у себя как бы ремесленные центры добывания железа и изготовления изделий из железа¹⁰². Такие металлургические центры концентрируются в отдельных кварталах, которые местами отгораживаются от других частей „предместья” пилякальниса каменной стеной. Это установлено, например, в Неменичине¹⁰³. Такие центры находятся с наветренной стороны. В окрестностях, где живут западные литовцы, ближе к Балтийскому морю, концентрацию шлаковых отходов восстановления железа чаще всего находим на западной стороне пилякальниса. Ввиду того, что доминирующее направление ветровой тяги меняется в окрестностях в зависимости от их натуральных условий, следы „варки” железа мы находим больше всего с той стороны городища, откуда дуют постоянные ветры. В крупном металлургическом центре Лаворишках, например, фрагменты плавильной печи обнаружены на юго-восточной стороне пилякальниса, и в ней не установлены следы искусственного дутья¹⁰⁴.

С перехода на искусственное дутье и переноса плавильного процесса в закрытые помещения, вопрос использования натурального притока воздуха потерял значение. Но искусственное дутье происходило вначале вручную и требовало во время „варки” большого напряжения, поэтому натуральный приток воздуха в какой-то степени еще долго должен был помогать искусственному дутью. С течением времени древние металлурги, вследствие использования искусственного дутья, перестали обращать внимание на доминирующее направление ветра при устройстве плавильной печи, и отверстие, для выемки готовой продукции и для вставления сопла, делалось с той стороны, с которой было более удобно.

¹⁰² GGI.

¹⁰³ P. Kulikauskas, Nemėnėtinės piliakalnis, Iš lietuvių kultūros istorijos, I, Vilnius 1958, p. 20—48.

¹⁰⁴ Отчет об археологических разведках в Лаворишках 1965, VIII. 23—30.

С применением искусственного дутья создавалась возможность применять более сильный и постоянный приток воздуха в восстанавливаемую массу, представилась возможность устанавливать нужный для восстановления железа режим, необходимый для более высокой температуры. Это должно было оказать влияние на выход продукции, а вместе с тем и на процент железа в шлаковых отходах, который должен был значительно снизиться. В этих условиях можно было перейти с восстановления железа на плавление его.

При низкой температуре процесс оплакования происходил ранее процесса восстановления железа, что давало большие потери железа, поступающего в шлаковые отходы. В этом процессе в шлаковые отходы переходили кремний, марганец и другие окислы. В результате зерна железа в крицах состояли из более чистого железа. Фосфор большей частью также попадал в шлак. Болотная руда содержит очень мало сернистых соединений, поэтому в кричном железе их почти не бывало. При восстановлении железа в металл переходили часть окисла титана, никеля, хрома, вольфрама, молибдена, небольшое количество которых часто концентрируется вместе с окислами основного металла в болотных и луговых рудах¹⁰⁵. Они не ухудшали качество добываемого железа, но эти компоненты в изделиях и соответственно в руде являются главными свидетелями о местном производстве изделия¹⁰⁶.

При высокой температуре процесс восстановления железа опережал процесс оплакования, поэтому в шлаковых отходах оставалось меньше железа, но в железо попадало больше нежелательных окислов. Железо получалось менее чистым и оно было более низкого качества¹⁰⁷.

Применение кузнечных мехов и других способов искусственной подачи воздуха при плавлении железа является какой-то гранью как в развитии технологического процесса, так и количества выхода и качества продукции, в количестве и составе шлаковых отходов. Эта грань еще не установлена и недостаточно изучена. Она не могла быть резко выраженной ввиду того, что и эффективность искусственного дутья выказалась не сразу. Дутьевые методы и приспособления для искусственного дутья также пережили свою эволюцию. Указанная грань выражается на практике, начиная с направления выходного отверстия железоплавильной печи с наветренной стороны, выхода из „буды”¹⁰⁸, где плавилось железо, и кончая процентом железа в шлаковых отхо-

¹⁰⁵ В. Колчин, Черная металлургия и металлообработка в древней Руси, Москва 1953, 36.

¹⁰⁶ Там же, 46—47.

¹⁰⁷ Там же, 36—37.

¹⁰⁸ Мы считаем, что „варка” железа происходила в закрытых помещениях, называемых „Буда”.

дах и некоторых компонентах в железе и изделиях из него. При глубоко изучении этих вопросов мы должны иметь в руках какие-то данные, имеющие значение для определения времени изготовления железных изделий и установления места их изготовления.

Нужно заметить, что исследователи черной металлургии уделяют особое внимание процессу восстановления железа и технологическим методам выработки железных изделий. Некоторые из них особенно увлеклись так называемыми ими изделиями дамасцированной стали. Но по этим вопросам имеется еще много разногласий и не все вопросы еще решены.

С течением времени древние металлурги на территории Литовской ССР перешли к более продуктивному восстановлению железа в сыродутных печах с естественным притоком воздуха или с использованием искусственного дутья¹⁰⁹. По Б. Колчину, технология сыродутного добывания железа в мировой технике была везде почти однотипна и она различалась в основном лишь своей производительностью, т.е. объемом печи и весом готовой продукции¹¹⁰. Сыродутными мы считаем, по характеристике Б. Рыбакова¹¹¹, старый способ плавления железа с нагнетанием „сырого“ неподогретого воздуха. Сыродутная печь — это небольшой из глины или каменных плит сделанный очаг обычно цилиндрической или грушевидной формы с отверстием сверху для загрузки печи и выхода газов.

На территории Литовской ССР археологическими исследованиями пока установлено несколько типов и размеров железоплавильных печей. Их форму реконструировать полностью пока не удалось.

Л. Кшивицкий нашел фрагменты сыродутной печи в шлякальнице (городище) Мошкенай, Рокишском районе¹¹², но никаких данных о ее размерах и формах нам не удалось найти. Дальнейшими археологическими исследованиями была установлена сыродутная печь в виде углубления в земле и в форме довольно правильного дуба в Петрашунском шлякальнице, Рокишском районе¹¹³. Судя по форме, такая плавильная печь должна была иметь с наружной стороны укреп-

¹⁰⁹ Особенно выделяются замечательные работы Б. Колчина, Р. Плейнера, И. Пясковского, М. Радвана, которые создают основу для исследования технологии археологических памятников металлургии.

¹¹⁰ Б. Колчин, Техника обработки металла в древней Руси, Москва 1953, 25.

¹¹¹ Б. Рыбаков, Ремесло, 126.

¹¹² P. Kulikauskas, Iš metalo panaudojimo Lietuvoje istorijos, Iš lietuvių kultūros ist., II, Vilnius 1959, p. 13.

¹¹³ А. Н. Лауданский, К. М. Паликарпович, Да гісторыі жалезнай прамысловасці на Беларусі на даных археалогіі, „Савецкая Краіна” Менск 1932, 3(19), 55—64.

ление стенок печи из камней или планок. Три стены и дно этой сыродутной печи были зарыты в земле. Найденный при этих исследованиях инвентарь принадлежит IV—VI вв. нашей эры.

Во время археологического исследования пилякальниса и его окрестности в Неменчине были найдены следы добывания железа из находящейся на местах болотной луговой руды. Во время раскопок пилякальниса в Неменчине в 1952—1954 гг. с наветренной стороны были найдены фрагменты двух железо-восстанавливающих печей. Их расположение указывает на применение естественного притока воздуха. Одна из этих сыродутных печей сохранилась лучше и по ней видно, что это была небольшая, — 60 см в поперечнике снаружи и внутри шахты около 30 см — овальной формы сыродутная печь. Дно и стены сложены из глины. Стены сохранившегося фрагмента имели 3—4 см толщины, сильно перегоревшей, почти красного цвета глины. Основа также выложена из глины. Поблизости много шлаковых отходов¹¹⁴. Высоту и подную форму этих печей не удалось установить.

При исследовании пилякальниса в Аукштадварисе в 1960 г. в древней насыпи в глубине 2,5 м были найдены остатки сыродутной печи. Она была выложена из глины, овальной формы, снаружи — 1,2 м в поперечнике, шахта — 30 см в поперечнике. Основу печи составлял камень 20 × 35 × 50 см плоскостью кверху, потрескавшийся от огня. Высота нижней части печи была в середине 65 см. Печь находилась в крытом помещении и в ней, да и вокруг, было много шлака. По нашим данным, она похожа на печь, найденную в Асотисе Латвийской республики, и в Григоровке на Украине¹¹⁵.

В 1961 году сотрудники краеведческого музея в Тельшай, делая раскопки древнего поселения и пилякальниса Паплини, около Жаренай, Тельшайского района, на глубине 60 см откопали довольно хорошо сохранившуюся сыродутную печь. Печь выложена из глины с внутренней футровкой из мелкого гравия, овальной формы, 28 см в поперечнике шахты. Стенки печи 10—12 см толщины, высота сохранившейся части — 38 см. Отверстие для выемки крыши несколько вытянуто и выложено небольшими плоскими камнями. Перед печью — выем. Время построения этой печи установлено по в том же культурном слое найденной кольцевидной булавке. Это первая половина первого тысячелетия нашей эры¹¹⁶. Полную высоту и формы печи не уда-

¹¹⁴ P. Kulikauskas, Nemenčines piliakalnis. Iš lietuvių kultūros ist., I, Vilnius 1938, p. 33.

¹¹⁵ V. Daugudis, Trumpa 1960. XI. 10 ataskaita. Ist. institutas.

¹¹⁶ Отчет археологических раскопок 1962 г., произведенных сотрудником Тельшайского краеведческого музея Валаткасом.

лось установить. Хорошо сохранившаяся нижняя часть печи реконструирована и экспонируется в краеведческом Тельшайском музее.

В 1962 году в Паплинии были обнаружены еще три сыродутных печи, но меньших размеров. Сложены они также из чистой глины, цилиндрической формы. Шахта в поперечнике 18 см. Печи располо-

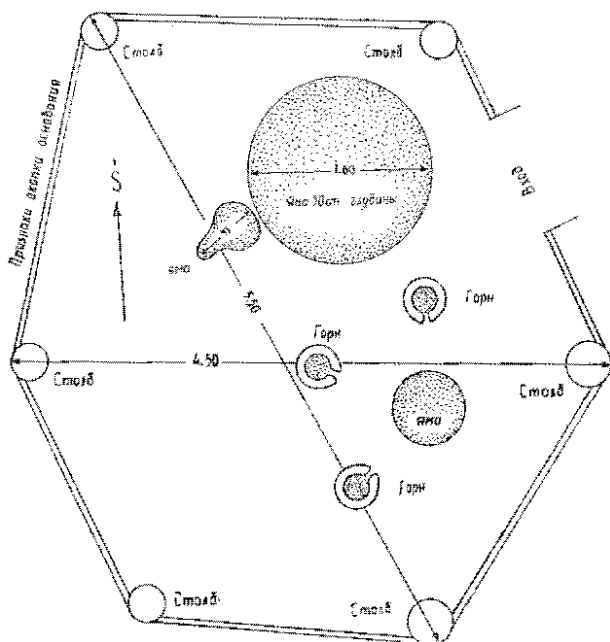

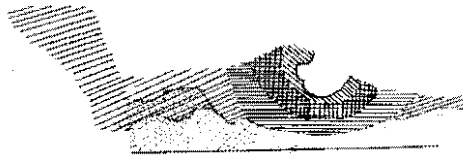
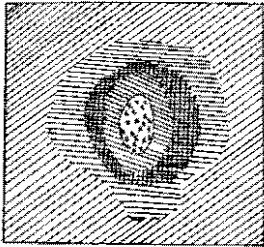
Рис. 3. Расположение трех горнов, найденных в 1962 г. у пилякальниса Паплинии, Тельшайского р.

жены полукругом с отверстиями, направленными к расположенной в центре круглой яме, в которой должен был находиться кузнечный мех, обслуживающий все три печи. Сердцевидными мехами одного направления невозможно нагнетать воздух в трех направлениях. Судя по круглой форме ямы и по расположению печей, это должен быть круглый мех, нагнетающий воздух вниз в сопла, идущие в трех направлениях. Скорее всего это были две шкуры крупных животных, помещенные одна над другой и соединенные между собой клапаном. Наверху планка, которой поднимаются меха набирая воздух в верхнюю часть; планка, опускаясь, сдавливает мехи и гонит воздух в нижнюю часть; нагнетаемый воздух попадает через сопла в сыродутную печь.

Печи находились в крытом помещении, стены которого между шестью столбами, были вплетены из сучьев и обмазаны глиной.

Фрагменты этой обмазки также найдены. По размещению столбов можно судить, что крыша была плоской. Внутри хижины по другой стороне установлены еще две ямы: круглая большая яма диаметром в 1,60 м и 50 см глубины и рядом небольшая продолговатая 32 × 55 см

LAVARIŠKĖS, VILNIAUS RAJ.
BALTŲJŲ KURČIŲ TARPINIŲ KROVINĖLĖ
PR. PLYVAINIŲ PAPĖDULĖ, 1965

●●●● KAMINIS ŠAKIAI
 ■■■■ KUČOSATULAIČS
 ■■■■ A POKROVIMAS
 ■■■■ POKROVIO PAVIRŠIUS
 ■■■■ PILIA ŽEMĖ
 ■■■■ PILIA ŽEMĖ SU STENOMIS
 ■■■■ ŽEMĖS
 M. 1:20

Рис. 4. Железоплавильный горн, найденный в 1965 г. в Ливаришках, Вильнюсского р.

и 12 см глубины. Предполагаем, что это были выемки для кузнеца и обрубка наковальни. Кузнец должен был спуститься в выем, чтобы при ковке кричного железа взмахом руки не задеть молотом потолок¹¹⁷.

Во время разведывательных раскопок 1965 года в Лаворишках Вильнюсского района, была также установлена сыродутная печь овальной формы. Находилась она на юго-восточной стороне пилякальниса и была сложена из глины. Размер основы печи снаружи — 1,2 × 1,3 м из хорошо прожженной глины. Толщина стен — 10—12 см, размер самой печи — 40 × 46 см, а шахты — 20 × 28 см. Печь плохо сохранилась, поэтому установить форму и высоту ее не было возможности. Судя по найденным в печи и вокруг нее черепкам, она относится к середине первого тысячелетия нашей эры¹¹⁸.

Остатки сыродутных печей на территории Литовской ССР дошли до нас в таком состоянии, что трудно полностью восстановить высоту и форму их, но кое-какое представление о их системе они все-таки

¹¹⁷ A. Endzinas, Paplinio metalurgai, „Mokslas ir gyvenimas“, 1965. Nr 7.

¹¹⁸ Отчет об археологических разведках в Лаворишках в 1965. VIII. 23—31.

дают. Почти во всех печах установлены внутренние размеры полезной площади шахты. Они не превышают своей активной площадью 30 см. Отверстие найденных соплов имеют около 25 мм диаметра.

По данным исследований сыродутных печей с естественным притоком воздуха Ж. Садзо¹¹⁹, восстановление железа из руды в невысоком горне, вырытом на склоне холма, показали неполное восстановление железа. При входном отверстии для притока воздуха, размером 15 × 15 см, независимо от силы ветра, активная зона напротив входа воздуха была очень невелика. Пламя не проходило дальше, чем на 30 см во внутреннее пространство горна и древесный уголь, расположенный далее, чем на 30 см от входа, не разгорался. В активной зоне температура достигала 1200°C и выше. Восстановление железа не происходило, так как руда, находящаяся над активной зоной, из-за быстрого опускания загрузки, не успевала нагреться. Только уменьшив входное отверстие для воздуха до 32 мм было достигнуто замедление спуска загрузки. Но активная зона не превышала 32 см. При порывах ветра и в период затишья между порывами руда не восстанавливалась и спускалась на дно. Максимальное восстановление не превышало 30%. Крица имела разнородный состав. Сравнивая данные активной зоны горна, установленные Ж. Садзо, с нашими данными, видим, что калвяй-гележай (кузнецы железа) знали и держались размеров активной зоны горна с естественным нагнетанием воздуха и диаметр соплов соответствовал Ж. Садзо установленным лучшим показателям. Этого они могли достичь накопленным в течение длительного времени опытом и приобретенными навыками.

Во время археологических исследований на территории Литовской республики, кроме сыродутных железовосстанавливающих печей, найдено немало разного инвентаря, использовавшегося при „варке” железа или вообще восстановления металла — тигели, ковшики, формы плавления, соплы, кузнечный инвентарь, крицы и др. Это также указывает на то, что на территории Литовской республики изготовлялось железо из местной руды. Из восстановленного выкованного железа и выплавленной стали изготовлялись высокого качества орудия труда и оружие. На изготовление украшений железо почти не употреблялось.

¹¹⁹ J. Sadzot, Les débuts de la fabrication du fer, „Industrie”, 1956, Nr 9, An. 10, 564—576.

В. Б. Вилинбахов

Ленинград

СЛАВЯНЕ В ЛИВОНИИ
(НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О ВЕНДАХ ГЕНРИХА ЛАТВИЙСКОГО)

В настоящее время можно считать окончательно установленным, что в эпоху разложения родо-племенного уклада и в раннефеодальный период в бассейне Балтийского моря большую активность, наряду со скандинавами, проявляли балтийские славяне¹. Прошло то время, когда все иноплеменные влияния на различные народы, жившие на южном и восточном берегах Балтики, обязательно приписывались только скандинавам, колонизаторская и культуртрегерская роль которых сильно преувеличивалась². Балтийские славяне хорошо знали не только южное побережье Балтийского моря, но также и северные области Восточной Европы. Можно, вероятно, с достаточной уверенностью говорить о том, что они оказали громадное влияние на социально-экономические процессы, происходившие в Новгородской земле³.

Вся напряженная и оживленная деятельность „морских народов” на Балтийском море, скорее всего, была вызвана внешними причинами,

¹ В. В. Похлебкин, В. Б. Вилинбахов, Несколько слов по поводу гипотезы проф. А. Стендер-Петерсена, „Kuml”, Копенгаген 1960, стр. 132—133; В. Б. Вилинбахов, Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена, „Скандинавский сборник”, вып. VI, Таллин 1963, стр. 324—335; W. Kowaleńko, Najdawniejsze związki Prastłowian z Bałtykiem, „Przegląd Zachodni”, 1951, nr 1—2, s. 17; G. Labuda, Vidivarier Jordanesa, „Slavia Occidentalis”, t. XIX, 1948, s. 79; E. Hornborg, Kampen om Ostर्सijon, Stockholm 1945, s. 41; H. Falk, Alt-nordische Seewesen, Wörter und Sachen, t. IV, Heidelberg 1912, s. 88—89, 94, 104.

² H. Łowmiański, Zagadnienie roli Normanów w genezie państw słowiańskich, Warszawa 1957.

³ В. Б. Вилинбахов, Балтийские славяне и Русь, „Slavia Occidentalis”, т. XXII, Познань 1962, стр. 253—277.

а именно — обширным торговым обменом между странами Балтийского бассейна и Арабским Востоком. Начиная примерно с VII в., важнейшее место в европейской торговле занимает Балтийско-Волжский водный путь, по которому непрерывным потоком шло на восток европейское сырье в обмен на арабское серебро и драгоценные товары⁴. Основными балтийскими центрами, осуществлявшими эти операции, как известно, были скандинавская Бирка и балтийскославянский Волин. Совершенно естественно, что тысячекилометровый путь от этих городов до Ладожского озера требовал наличия на берегах Балтийского моря опорных пунктов, где мореходы имели бы возможность делать остановки, укрываться от штормов, ремонтировать суда и т.п. Как это обычно бывает, подобные опорные пункты должны были быстро обрастать населением. Вслед за купцами-воинами всегда следовали колонисты. Торговый путь вызывал известную передвижку населения⁵.

Такие опорные пункты должны были находиться на протяжении всего как южного, так и северного побережья Балтийского моря, от устья Вислы до Финского залива. Достаточно хорошо известны, лежавшие в землях пруссов и курунов, укрепленные славяно-скандинавские торговые фактории Трусо⁶, Вискиуетен, Норкиттен, Апуоле и Гробин⁷. Несколько хуже обстоит дело с известиями о подобных центрах в землях ливов и эстов⁸.

Через земли латышских племен также проходил важный водный торговый путь по р. Западная Двина, соединявший Балтику со впу-

⁴ В. В. Вилинбахов, Балтийско-Волжский путь, „Сов. Археология”, 1963, № 3, стр. 126—135; П. Г. Любомиров, Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. Ученые записки Саратовского ун-та, т. I, вып. 3, 1923; В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л. 1927; А. А. Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени, СПб. 1919; С. В. Бернштейн-Коган, Путь из варяг в греки, „Вопросы географии”, вып. 20, 1950; А. Л. Монгайт, Рязанская земля, М. 1961; М. Н. Бережков, О торговле Руси с Ганзой до конца XV в., СПб. 1879; T. Arne, Le Suede et l'Orient, Uppsala 1914; R. Jakimowicz, O pochodzeniu ozdób srebrnych, „Wiadomości Archeologiczne”, t. XII, 1933.

⁵ О доминирующей роли балтийских славян в торговле с Ливонией еще в прошлом веке писал Гревинг (Ueber heidnische Gräter Russisch-Lithauens, s. 185—188, 190).

⁶ M. Ebert, Truso, „Schriften d. Königsberger Gelehrten Gesellschaft”, 1926, t. III; В. Ehrlich, Der preussischen-wikingische Handelplatz Truso, „Lohventus primis historicorum balticorum Rigae”, Riga 1938, s. 139.

⁷ E. Sturms, Schwedische kolonien in Lietland, „Fornvännen”, 1949, s. 209—211, 217.

⁸ Вероятно в Эстонии существовали небольшие колонии балтийских славян (Ю. Грусман, Русские элементы в Эстляндии в XIII—XV вв., Временник Эстляндской губернии, кн. I, Ревель 1894, стр. 76 и сл.).

тренними районами Восточной Европы и верховьями Волги и Днепра. В течение многих столетий этим путем пользовались разноплеменные кущы, связывавшие север Европы с восточными и южными странами⁹.

О том, что Прибалтика находилась в сфере балтийско-волжской торговли говорят клады арабского серебра и изделий из него, обнаруженные вдоль всего побережья Финского и Рижского заливов. До сего времени на территории Прибалтийских республик СССР обнаружено более ста кладов различной ценности¹⁰. Большая часть, находящихся в кладах, арабских монет происходит из городов Средней Азии (Бухары, Самарканда) и в своем большинстве относится к IX—X вв.

О том, что Прибалтика находилась в сфере балтийско-волжской убедительно свидетельствуют данные топонимики. В Куронии имеется река Vindaja (Vendava, Vindau) — река вендов (по-латвийски — „Wente”, у ливов — „Vänta”, в актах „Winda”, „Vende”, „Wenda”, „Venda”). В ее устье в XIII в. немцами был построен замок „Ventespils” (замок вендов)¹¹. В Ляанемаа (Эстонское Поморье) восточнее о-вов Сааремаа и Хиимумаа, в Роталийском округе в XIII—XIV вв. встречалось много деревень с названиями „Венекюля”, „Венедени” и т.п.¹²

Известия о вендах в Ливонии сохранила до нас хроника Генриха Латвийского, написанная в XIII в. Следует отметить, что первоначальный текст хроники неизвестен. Древнейший список хроники, обнаруженный в 1862 г. в библиотеке Замойских (Варшава), относится к концу XIII или к началу XIV века. Нет никакой уверенности в том, что он полностью идентичен первоначальному¹³. Хроника Генриха — единственный письменный источник, сообщающий о ливонских вендах. Наряду с летгалами, хронист относится к вендам более благожелательно, чем к другим прибалтийским племенам, что, вероятно, вызвано тем, что они быстрее других стали военными союзниками Ордена.

Впервые немцы столкнулись с ливонскими вендами в 1206 г.¹⁴ Тогда

⁹ Н. А. Моога, Die Eisenzeit in Zettland bis etwa 500 N. Ch. Bd II, Tartu 1938, s. 646—648; P. Johansen, Die Estlandliste der Liber Census Danie, Kopenhagen—Reval 1933, s. 236.

¹⁰ А. М. Tallgren, Zur Archäologie Eestis, Bd II, Tartu 1925, s. 138; Г. В. Федоров, Классификация литовских слитков и монет, КСИИМК, вып. 29, 1949, стр. 114—115.

¹¹ Ю. Трусман, Введение христианства в Лифляндии, Спб. 1884, стр. 16—18.

¹² В. В. Мавродин, Русское мореходство на Балтийском море в XIII—XVI вв. Ученые записки ЛГУ, № 205, серия Истории наук, № 24, 1956, ст. 168.

¹³ Я. Я. Зутис, Очерки по историографии Латвии, ч. I, Рига 1949, стр. 7.

¹⁴ Весьма вероятно, что первое знакомство немцев с Прибалтикой произошло через балтийских славян, ставших к этому времени их подданными. Недаром

немецкий миссионер „пришел к вендам. Венды в то время были бедны и жалки: прогнанные с Винды, реки в Куронии, они жили сначала на Древней (местное русское название „Старая гора“ — В. В.) горе, у которой ныне построен город Рига, но оттуда были опять изгнаны Курами; многие были убиты, а остальные бежали к лэттам, жили там вместе с ними и очень обрадовались приходу священника”¹⁵. В дальнейшем упоминания о вендах неоднократно встречаются на страницах хроники¹⁶.

Таким образом в начале XIII в. венды жили на месте нынешнего Арраша, где позже было главное местопребывание рыцарей-меченосцев до построения ими замка Венден. Суммируя данные Генриха Латвийского можно установить, что сначала венды занимали область „Wenda” у устья р. Венты в Куронии. Отсюда часть их, под натиском куров, переселилась на берега Западной Двины, недалеко от ее устья. В 1218 г. здесь у них существовало свое укрепленное городище за р. Койвой. Затем ливы потеснили их еще дальше и венды поселились на берегу р. Аа. „Gauja”, „Koiwa”, „Kuiwa” jögi¹⁷.

Остатки вендов существовали в Куронии вплоть до XIII века под именем „вентеников”. Они говорили на особом латышском наречии и отличались от прочих латышей одеждой, обычаями, домашним бытом и т.п.¹⁸

В XIX в., когда балтийским славянам в историографии уделялось большее внимание, чем в последующие годы, почти все исследователи видели в „вендах” Генриха Латвийского славян. Исключение составлял, пожалуй, один Шёгрэн, который в отчете о своем путешествии 1847 г. причислил вендов к куроанам. Позднее к нему присоединились Видеман¹⁹ и Рихтер, который писал: „Между тем венды, веро-

балтийские славяне принимали непосредственное участие в крестоносном походе в эти земли. Генрих Латвийский рассказывает, что в 1219 г. в составе войска датского короля, напавшего на эстов, были „славы” со своим князем Выпшеславом. Этот князь был сыном Яромара (Яромира — В. В.), княжевшего на о-ве Руине (Рюгене) и бывшего вассалом датского короля (См. Генрих Латвийский, Хроника Ливонии, М. 1938, стр. 357).

¹⁵ Генрих Латвийский, указ соч., стр. 106.

¹⁶ Там же, стр. 128, 134, 193, 219, 245.

¹⁷ Ф. В. Баллод, Некоторые материалы по истории латышского племени с IX по XIII ст., Зап. Московского Археологического института, т. IX, 1911, стр. 33—34.

¹⁸ Ф. Святой, Дополнения к статье, что значит в Нестеровой летописи выражение „пюидоша из немец” или несколько слов о Барижской Руси, Ревель 1845, стр. 47.

¹⁹ А. Bielenstein, Die Grenzen des lettischen Volksstammes, Riga 1892, s. 336 и сл.

ятно тождественные с венедами, вторглись на западный берег нынешней Курляндии и расселились до Виндавы, полосе земли, обитатели которой и теперь еще отличаются по языку, одежде и некоторым обычаям от своих восточных соседей. Что это племя было родственно с латышским, можно заключить из того, что, по словам Генриха Латышского, часть их, прогнанная курами из окрестностей Виндавы, поселилась между латышами и основала Венден²⁰. Однако они оставались в меньшинстве до тех пор, пока в 1889 г. известный латвийский этнограф А. в г у с т Б и л е н ш т е й н не напечатал статью под заглавием „Какой народ имеет исторический приоритет на берегах Рижского залива и на востоке Курляндии — индоевропейские латыши или монгольские финны”, в которой он высказался за то, что ливонские венды являются латышским племенем, получившим свое название от р. Венды (Виндавы), на берегах которой они жили. В 1892 г. А. Биленштейн повторил свои утверждения, что „никаких следов славян в Курляндии нет”²¹. Эта точка зрения латвийского этнографа встретила всеобщую поддержку на десятом археологическом съезде в Риге (1896 г.) и с этого времени фактически господствует в исторической литературе²².

Однако, в действительности, дело обстоит не так просто, как представлял Биленштейн. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что сам Генрих Латышский четко отличает „вендов” от „леттов”. Упомянув иногда эти племена рядом²³, он никогда не дает ни малейшего намека на то, что, „венды” и „летты” одно и то же. Заслуживает внимания и то, что „вендским” называют город Цесис (бывш. Венден) только те народы, которые и русских называют „вендами”, т.е. часть ливов и эсты. Напротив, латыши называют этот город совсем иным именем — Цесис, что у русских XIII в. звучало — Кесь.

Топонимы, производные от племенного названия „венды”, весьма широко распространены на территории Прибалтики. На р. Венте име-

²⁰ Р и х т е р, Прибалтийский край и его население до прибытия немцев, Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. I, Рига 1876, стр. 11, срвн. стр. 20. См. также: Richter, Ostseeprovinzen, Bd I, s. 36; Sitzungsb. d.g. est. G., 1881, s. 151 (время переселения вендов IX—XI вв.).

²¹ А. Bielenstein, Указ. соч., стр. 359.

²² См., например: В. Р. Пури н, Топонимика и транскрипция географических названий Латвийской ССР, Изв. АН СССР, серия географическая, 1956, № 5, стр. 109; Миккола считает, что племенное название „венды” произошло от собственно финского „vente” (Revue des études slaves, Paris 1921, s. 1, p. 203); М. Ф а с м е р также отрицает связь этого племенного названия с именем балтийских славян — „венедов” (М. Ф а с м е р, Этимологический словарь русского языка, т. I, М. 1965, стр. 290).

²³ Г е н р и х Л а т в и й с к и й, указ. соч., стр. 245.

ются: селение „Wensau” (Piltene), которое в 1230 г. называлось „Venetis”; селение „Terwende”, в 1230 г. называвшиеся „Terewenden”. Весь район по р. Венте в XIII в. именовался — „Winda”²⁴. Близ моря, в старой провинции эстов „Buck”, в приходе Дурбен, есть селение „Wendo” („Wenno”)²⁵. В Торейде, на правом берегу р. Койвы, имелось селение „Vendeculla”. В соседней с ливами Жемайтии насчитывается не менее 15 топонимов, явно происшедших от племенного имени вендов и р. Венты: Вентвидойти, Венцинишке и т.д. К юго-востоку от Вендена есть село „Wipau”²⁶.

Имеются основания говорить о том, что само название р. Венты (Виндава) в Куронии, при устье которой расположен основанный в 1343 г. город Вентспильс (Виндава), также связано с именем „вендов”, т.е. балтийских славян²⁷. Местные предания и саги часто вспоминают о прежнем „вендском” населении этого края. Когда в 1368 г. в Курляндии была найдена костяная фигурка фантастической птицы, местные жители увидели в ней „бога времени” курляндских вендов²⁸. Весьма характерно, что большинство притоков р. Венты звучит по-славянски: *Собол, Луша, Жижма, Шеркиня, Вардава*²⁹.

В 1893 г. Н. Н. Харузин, подводя итог топонимическим исследованиям о „вендах”, писал: „Писатели XIII в. еще упоминают о целом ряде местностей в западной части современной Курляндской губернии, где жили балтийские славяне. Они называют следующие местности: Винда, Бихафеланк (Bihavelanc), Виндава, Довзаре, Заггара, Цеклис, Пильзатен и Мекгове; из городищ балтийских славян упоминаются следующие: Кретен, Ампиллен, Мутеке, Грёзен, Амботен, Гробин, Ассеботен, Кульдика и Вентспильс”³⁰. Этот перечень служит достаточным доказательством, что балтийские славяне были многочисленны

²⁴ A. Bielenstein, указ. соч., стр. 421, 426, 432, 441, 447, 456.

²⁵ Там же, стр. 338.

²⁶ Там же, стр. 340.

²⁷ Некоторые этимологи связывают это название со славянским словом „внште” — „больше”, русское „вяче — в Вячеслав”. Первоначальное значение — „Большая река”, срнн. — „Великая”. (См. Вецценбергер, *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, begründet von A. Kuhn, Berlin, t. XLIV, s. 289; K. Mühlenbach, *Lettisch-deutsches Wörterbuch*, ..., Riga 1932, Bd. IV, s. 537; М. Фасмер, там же, стр. 316). Это в какой-то степени говорит о том, что происхождение данного названия уходит в область древнейшего славянского влияния на балтийские племена (Латвии).

²⁸ *Sitzungsberichte der Kurländische Gesellschaft für Literatur und Kunst*, статья Watson, 1868, s. 38—39.

²⁹ ААН, ф. 849, оп. I, № 383, л. 343, 447 (Д. К. Зеленин).

³⁰ Richter, *Geschichte der Ostseeprovinzen*, t. I, s. 47.

в этих местах и после ухода части их дальше на север... Еще более важным является расположение их поселений: Гробин и Венден (Гольдингенского уезда) лежат недалеко от моря и вероятно служили местом для остановки судов, шедших вдоль берега. Город Виндава, лежащий у устья реки Виндавы, и поселение балтийских славян подле места современной Риги являются как бы ключами к выходу в море из этих двух, наиболее важных, видных торговых путей. Древние укрепления Грѣзена и Гольдинген, находящиеся довольно далеко вверх по течению реки Виндавы, служили для обеспечения всего течения реки в руках колонизаторов. То же значение имел и город Венден, обеспечивающий господство над течением Лифляндской Аа. Скучные сведения, которые мы имеем о поселении в местном крае балтийских славян, достаточны однако для доказательства того, что целью колонизаторов было стремление иметь в своей власти наиболее важные торговые пути... Едва ли можно сомневаться, что в их руках преимущественно находилась торговля с туземцами и что они главным образом были распространителями западных изделий среди древнего населения края... При подробном изучении названий местностей балтийских губерний, быть может, будут найдены еще местности, названия которых в состоянии быть объяснено только из славянского языка. Мы ограничимся указанием, что недалеко от Буртнекского озера и реки Салиса находится местечко Бреславль, имя которого следует признать несомненно славянским³¹.

Проблема балто-славянских языковых отношений одна из основных в славистике и индоевропейском языкознании вообще — в той или иной форме существует в науке с самого начала сравнительно-исторического языкознания.

Сложность основного вопроса дискуссии о характере взаимоотношений балтийских и славянских языков — образуют ли они генетическое или же конвергентное единство — не представляет собой специфически балтославянского свойства, а является отражением теоретических трудностей языкознания вообще, в котором разграничение случаев из начального и приобретенного языкового родства не относится к числу решенных задач. „Изначальное тождество“, которое устанавливает сравнительная грамматика, является не более чем некоторым состоянием конвергентного развития³².

³¹ Н. Н. Харузин, Обзор доисторической археологии в Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губерниях по трудам местных исследователей. „Временник Эстляндской губернии“, т. I, 1893, Труды Эстляндского губ.-статистического комитета, т. IX, 1894, стр. 229—231.

³² R. Jakobson, Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues; его же, сборник „Selected writings, I, Phonological studies“, S-Gravenhage 1962, p. 236.

Близость балтийских и славянских языков, выделяющая их среди других групп индоевропейской языковой семьи, должна быть изучена в ее ареальном выражении. Именно в ареалах заключается специфичность отдельных балто-славянских явлений. Одни из этих ареалов оказываются ареалами новых явлений, которые представляют собой примеры действительно параллельного развития балтийских и славянских языков, другие же, будучи древними, могут быть использованы для воссоздания балто-славянской языковой палиографии³³.

В свете этих положений необходимо отметить ранние языковые явления со стороны славян на ливов. Уже давно внимание многих ученых обращало на себя широкое распространение в латышских говорах отвердения звука „Г”, свойственное западным славянам. Только длительное пребывание в Ливонии и Куронии балтийских славян может объяснить наличие в диалектах западнофинских языков древних славянских слов, вопрос о которых остается спорным и не решенным. Миккола³⁴ и Калима³⁵ склонны объяснять эти заимствования из русского языка, но А. А. Шахматов не находил возможным выводить их из русского языка и относил эти заимствования к „пра-славянским”. Речь идет о словах, соответствующих русским — *кудель*, *судить*, *уда*, *короста*, *колоша* (штанина), *полотно*, *борода*, *толокна*, *веретина*, *воробей*, т.е. славянские слова с носовыми гласными и полногласием. „Носовые звуки исчезли еще в эпоху общерусского единства, а поэтому западнофинские слова (с таким звуком) ...должны быть возведены к общеславянскому праязыку” — писал Шахматов в 1911 г.³⁶ И далее продолжал „Полногласие — явление общерусское... В виду этого я возвожу к общеславянскому языку древние славянские слова без полногласия в западнофинских языках, слова, которые Миккола выводил из русского”³⁷.

Характерным представляется то, что большая часть торговой терминологии в латышском языке заимствована от славян (торг — *tirgus*; цена — *sepa*; купец — *kurcis*; берковец — *birkaivs*; пуд — *puds*; безмен — *bezmens* и др.). Это неопровержимо свидетельствует о том, что латышские племена были введены в круг оживленного торгового обмена через посредство славянских купцов.

³³ А. П. Непокупный, Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений, Киев 1964, стр. 161—162.

³⁴ *Berührngen zwischen den Westfinnischen und slawischen Sprachen*; t. I, Helsingfors 1894.

³⁵ *Zeitschrift für slavische Philologie*, VI, No 1/2, Berlin 1929, стр. 154 и сл.

³⁶ А. А. Шахматов, К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях, Изв. Акад. Наук, 1911, стр. 809.

³⁷ Там же, стр. 808.

Современные финнологи склонны, в основном, связывать эти заимствования с древнерусским языком. Однако следует вспомнить, что древнерусский язык не был единым. В нем существовали местные диалекты, часто довольно резко отличавшиеся друг от друга. При этом языки северной группы восточных славян (новгородских словен и кривичей) очень многими исследователями связываются с западнославянскими, в том числе и балтийскославянскими языками³⁸.

К. Вилкунa, обстоятельно изучивший вопрос о взаимных отношениях между прибайтийскофинскими и славянскими племенами, решительно выступает за то, что славянские заимствования проникли в прибалтийскофинские языки из двух областей. С одной стороны, ранние западнославянские заимствования, вошедшие по преимуществу в ливский и эстонский языки. С другой, более поздние восточнославянские заимствования, встречающиеся главным образом в восточных диалектах финского и эстонского языков³⁹.

В языке балтийских славян не было полногласия и сохранились древние носовые гласные. Уже в мекленбургских грамотах 1174 г. мы встречаем носовые гласные в балто-славянских словах: „*rant*” — путь, „*glambicke*” — глубокий. В более поздних грамотах: „*sumb*” — зуб, „*munka*” — мука, „*rant*” — пять и т.д.⁴⁰ На почве балто-славянского языка могут найти объяснение и такие западнофинские заимствования, как „*mygel*” — мыло, „*vigl*”, „*viglas*” — вилы.

Следует вспомнить, что память о венедах сохранилась в языках финских народов, которые этим именем по сей день называют русских и Россию⁴¹. Финское — „*Venelainen*” (русский), „*Veneman*”, „*Venaja*” — (Русь); эстонское — „*Venelane*” (русский), „*Vennema*”, „*Vene* (Русь).

³⁸ Д. К. Зеленин, О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода, Доклады и сообщения ин-та языкознания, 1954, № 6, стр. 76; П. Я. Черных, К вопросу о происхождении имени „Варяг”, Уч. зап. Ярославского пер. ин-та, вып. IV, русское языкознание, 1944, стр. 76; К. О. Малокровский, Критические исследования о происхождении Великого Новгорода, Временник московского общества истории и древностей, т. XII, стр. 21; П. Лавровский, О языке северных русских летописей, Спб. 1852, стр. 131; А. Селищев, Соканье и шоканье в славянских языках, „*Slavia*”, № 4, Rocz. X, стр. 719; Н. М. Петровский, О новгородских „словенах”, Изв. ОРЯС. т. XXV, 1922, стр. 383.

³⁹ K. Vilku na, När Östersjöfinnarne till Baltikum? „*Folk-Liv.*” 1948—1949, Stockholm 1949, s. 15—43.

⁴⁰ Бурмейстер, О языке, живших некогда в Мекленбургии Ободритских Вендов, Тр. Имп. Российской Академии, ч. IV, 1841, стр. 22—31.

⁴¹ X. A. Moora, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних в свете данных археологии, „Вопросы этнической истории эстонского народа”, Таллин 1956, стр. 104.

карельское — „Veneä” (Русь)⁴². У жителей о-ва Эзелъ в названии русских („Wened’”), равно как и у эстов юго-восточного наречия („Wend”, „Wendlana”) и у южных финнов („Wenät’”) сохранился коренный звук „d” который в позднее время вышел⁴³.

На имени венеда — венеты отразилось наименование древнего народа венетов, соседствовавшего с италийскими племенами и не имевшего ничего общего со славянскими племенами вендов-виндов⁴⁴. Поэтому форму венд-винд-, винт- применительно к славянам следует считать более древней, а форму венеда-, венет-, более поздней, возникшей в результате контаминации исходной формы венд- с именем неславянского народа венедов под пером латинистов⁴⁵.

Таким образом у западного прибалтийско-финского населения сохранилась наиболее архаическая форма „Wend”, что свидетельствует о существовании вендской колонии где-то рядом с ними, поскольку в других родственных им наречиях это имя выступает в форме значительно более далекой от первоначальной. Бецке, в свое время, ставил вопрос, когда появилось в западнофинских языках имя русских „Wenne”, „Wene” и отвечал: тогда, когда еще звучало „Weneda” вместо позднейшего „wenne”; „rimeda”, „rimeta” вместо позднейшего „rimla” и „rimle” т.е. более тысячи лет тому назад⁴⁶. Е. Сетеба также полагает, что встреча финнов со славянским языком и проникновение последнего к финнам не могло произойти ранее VII—VIII вв.⁴⁷

А. А. Шахматов на основании тождества финских имен для русских и древних славян делал вывод, что русские сами себя не называли венедами, следовательно финны впервые познакомились со славянами до встречи с новгородцами и кривичами⁴⁸. Характерно при

⁴² Тождество „vene” и „wenden” абсолютно доказано, см. М. Веcke, Sitzungsberichte der gelehrten Estonische Gesellschaft, Dorpat 1875, s. 34—40.

⁴³ Ю. Трусман, О происхождении карел (курон), „Живая Старина” 1893, вып. 1, стр. 80.

⁴⁴ G. Kossina, Zur älteren Bronzezeit Mitteleuropas III, „Mannus”, Bd. IV, 1912, s. 287—294; Н. Krahe, Germanisch und Illyrisch Germanen und Indogermanen”, Festsch. f. H. Hirt, Bd. II, Heidelberg 1936, s. 571; A. Brückner, Starożytności słowiańskie, „Zud”, t. XXIV, 1925, s. 83.

⁴⁵ H. Hirt, Die Indogermanen — ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur, Strassburg 1905, Bd. I, s. 127, 152; T. Lehr-Splawinski, O pierwotnych Wenetach, „Inter arma”, Zbiór prac ofiarowanych K. Nitschowi, Kraków 1946, s. 23; J. Otrębski, Słowianie. Rozwiązanie odwiecznej zagadki ich nazw, Poznań 1947, s. 124.

⁴⁶ М. Веcke, указ. соч., стр. 39.

⁴⁷ В сборнике „Suomen Suku”, Хельсинги 1926, стр. 161, цитируем по Селищеву, Сборник ОРЯС, 1929, т. II, стр. 307.

⁴⁸ А. А. Шахматов, К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских этношениях, Изв. Акад. Наук, 1911, стр. 809.

этом то, что ливы, видимо, лучше финнов знакомые с вендами, называли русских другим именем, происходившим от племенного названия кривичей „Krevi”, древние — „Kreivi”. Известный латвийский языковед И. М. Эндзелин доказывает, что это имя перенято латышскими от русских в то время, когда славянский дифтонг „ei” еще не изменился в монофтонг ⁴⁹.

Среди населения современной Латвии встречается антропологический тип, называемый западнобалтийским (характеризуется ярко выраженными европоидными особенностями в сочетании с такими признаками, как высокий рост, крупные размеры тела, большие абсолютные величины горизонтальных диаметров головы, значительное развитие надбровья, сравнительно наклонный лоб, преобладание светлых глаз и умеренно светлых волос). Этот тип локализуется в западных районах Латвии, в Курземе (встречается он и в других прибрежных районах Прибалтики, в Эстонии и Литве). Некоторые аналогии этому типу можно проследить на южных берегах Балтийского моря, в северной Польше (в частности, у Кашубов в низовьях Вислы), в Германии, на Ютландском полуострове, в южной Швеции, а также в Финляндии, главным образом в ее югозападных районах и на Аландских островах ⁵⁰. Правда, Н. Н. Чебоксаров полагает, что западнобалтийский антропологический тип был характерен для балтийских народов еще со времен верхнего палеолита и только позднее стал исчезать, по мере воздействия со стороны других антропологических типов ⁵¹. Однако, возникает вопрос, с чем связано то, что западнобалтийский тип, в основном, концентрируется в районах прилегающих и тесно связанных с Балтийским морем, не распространяясь в глубь материка? Подобное размещение данного антропологического типа, в том числе и на территории Латвии, наводит на мысль, что дело заключается не в каких-то древних корнях, а связано с этническими процессами более позднего периода, имевшими непосредственное отношение к племенным передвижениям на Балтике. Недаром тот же Н. Н. Чебоксаров допускает взаимодействие куршей и ливов в районе Вентспиля (Виндава) со славянами ⁵².

⁴⁹ И. М. Эндзелин, Латышские заимствования из славянских языков, „Живая Старина”, т. IX, 1899, № 3, стр. 286.

⁵⁰ Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы этнической истории советской Прибалтики в свете новых антропологических и этнографических данных, Сборник „Материалы балтийской этнографо-антропологической экспедиции”, Труды Института этнографии, т. XXIII, М. 1954, стр. 5—7.

⁵¹ Там же, стр. 8.

⁵² Н. Н. Чебоксаров, Вопросы этногенеза народов советской Прибалтики в свете данных этнографии и антропологии, Краткие сообщения Института этнографии, т. XII, М.—Л., 1950, стр. 22.

Археологически территория Латвии до сего времени исследована еще далеководостаточно, а многие уже добытые материалы, к сожалению, плохо изучены. В силу этого, пожалуй, сейчас почти невозможно привести какие-либо неоспоримые данные, свидетельствующие о наличии на этой территории славянских памятников. Можно только обратить внимание на некоторые любопытные детали.

Уже давно Х. А. Моора обращал внимание на плоские каменные могильники Северной Прибалтики, состоящие из множества одиночных захоронений, расположенных рядом и вытянутых в длину до сотни метров. По его мнению они „представляют известную параллель к длинным курганам кривичей и солкам новгородских славян“⁵³.

Встречаются в Прибалтике и курганы различной величины, насыпанные из песка. Эстонцы называют их „Wanne-Käpat“ а латыши „Krive-Karpe“ (русские могилы). Похоронный обряд — либо сожжение, либо погребение. Последнее преимущественно в низких курганах. В погребениях находят монеты Этельреда и Канута, а также немецкие XI в. Особенно много таких погребений в районе р. Виндавы и дальше до Нейхаузена, а также в Куронии (р-ны Кремона, Энгельхардехофа, Штаббена). Некоторые из таких курганов с трупосожжением обложены у своего основания камнями⁵⁴. Некоторые исследователи, например Гревинг, полагают, что могильники около Виндавы, Хазау, Капсетона вблизи Липаи и у Гробина, скорее всего, принадлежат балтийским славянам-вендам⁵⁵.

В VIII—IX вв. в Прибалтике широкое распространение получают шейные гривны, неоднократно встречаемые в погребениях. Их появление, вероятно всего, следует связывать с непосредственным славянским влиянием⁵⁶.

Городище Кентескалнс, лежащее несколько восточнее г. Огре, давно привлекало внимание археологов⁵⁷. Проведенные здесь раскопки обнаружили укрепленный замок, снабженный чрезвычайно мощной оборо-

⁵³ H. A. Moora, Aus grabungen ältereisenzeitlichen Hügelgräber im Kreise Ekahpils (Piemineklu valdes materialu krajumi, Arhαιολογιјas raksti I Sejums, treša dala, Riga 1926); его же, Ein Hügelgräber der römischen Eisenzeit in Pie. Kreis segava, Congress secundus archeologorum balticorum, Rigae 1939, p. 437—465.

⁵⁴ Н. Харузин, указ. соч., стр. 142—143.

⁵⁵ Über heidnische Gräber R. Zithauens, s. 137—139.

⁵⁶ Х. А. Моора, Возникновение классового общества в Прибалтике, „Советская Археология“, т. XV, 1953, стр. 112.

⁵⁷ L. Löwis of Menar, Über zwei heidnische Burgberge im Üxküllschen Kirschsplelle. Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertums Kunde des Ostseeprovinzen Russland a. d. Jahre, 1907. Riga 1908, s. 79.

нительной системой, состоящей из нескольких рядов, валов, что является исключением для латышских городищ.

Ф. Балодис, классифицируя латышские городища, выделяет среди них: 1) городища на холмах, со срезанными склонами, не имевшими оборонительных сооружений; 2) городища со ступенчатыми спусками и террасами; 3) городища с кольцевым валом; 4) городища, находящиеся в конце или середине гряды холмов и отделенные от них одним или несколькими неглубокими рвами⁵⁸. Примерно такие же, сравнительно слабо укрепленные, городища отмечаются и на соседних с Латвией территориях: Западная Мазовия⁵⁹, центральная Литва⁶⁰, Эстония⁶¹, Западная Белоруссия⁶². Исключение составляют некоторые городища: Грачевка, Великолукское, Русское II, Кумачево и др.⁶³, расположенные вблизи морского побережья, там где размещался скандинаво-славянский спорный пункт Трусо.

Некоторые латышские городища начиная с IX—X вв. получили сравнительно мощные валы: Талси, в землях куршей; Мегусотне, центр земгалов; Даугмале, вблизи Риги; Ерсике, на северном берегу среднего течения Двины. Но ни одно из них не имело такой развитой системы оборонительных сооружений, как Кентескалнс⁶⁴.

В валах Кентескалнса были обнаружены деревянные конструкции, подобные оборонительным сооружениям многих городищ восточных и западных славян. Хорошо известны валы подобной конструкции во многих городищах Польши. Такие сооружения пришли на смену частоколам между VI и VIII вв. и получили почти сразу чрезвычайно широкое распространение среди различных западнославянских племен⁶⁵.

⁵⁸ F. Balodis, Die lettische Burgberge, s. 270—294.

⁵⁹ J. Antoniewicz, Z zagadnień ochrony zabytków wczesnośredniowiecznego budownictwa obronnego na Warmii i Mazurach, „Sprawozdanie Państwowego Muzeum Archeologicznego 1950, t. III, z. 3—4, s. 51—77.

⁶⁰ Л. О. Крживицкий, Жмудские пилкальнисы, Изв. Археолог. комиссии, вып. 29, 1909, стр. 82—129.

⁶¹ A. M. Talgren, Zur Archäologie Estnis, Bd. II, Dorpat 1925, s. 160—163.

⁶² Я. В. Станкевич, Археологическая разведка в Великолукской области, КС ИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 85—86; е е же, Исследования памятников I тысячелетия н. э. в верховьях Западной Двины за 1940—51 гг., КС ИИМК, вып. LII, 1953, стр. 66.

⁶³ Ф. Д. Гуревич, Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э. МИА, № 76, 1960, стр. 360—361; H. Crome, Führer zu den Frühgeschichtlichen Bürgwälle Samlands, „Prussia“, 1940, Bd. XXXIV, стр. 32, 55.

⁶⁴ X. A. Мора, Возникновение классового общества в Прибалтике, „Советская Археология“ т. XVII, 1953, стр. 121.

⁶⁵ W. Hensel, Budownictwo obronne za czasów pierwszych Piastów, сб. „Początki państwa polskiego“, t. I, Poznań 1962, s. 164—172; K. Żurowski, Wczesnośredniowieczny wał obronny w Gnieźnie, „Dawna Kultura“, 1954, nr 4, s. 161;

А. Л. Монгайт полагает, что такая система комбинированных земляных и деревянных укреплений была наиболее распространена среди славян и может служить одним из признаков этнической принадлежности⁶⁶. Оборонительные сооружения Кентескалнса датируются VIII в.⁶⁷ Верхняя хронологическая граница последнего периода заселения городища приходится на конец VIII или начало IX в. В последующее время оно было покинуто⁶⁸.

Рядом с городищем, южнее его, расположено довольно значительное селище, датируемое VI—VIII/IX вв. За время своего существования селище три-четыре раза погибало от пожаров. Первоначально основным жилым сооружением здесь были полуземлянки небольшого размера. В верхнем горизонте происходит изменение характера жилых сооружений. Появляются наземные деревянные срубы несколько большого размера. Вещественный материал свидетельствует о разнице в жизни обитателей селища и городища⁶⁹. Последние жили несколько зажиточнее, чем обитатели селища. Даже запасы пищи были различными. Обитатели городища в большом количестве потребляли дичь, вдвое больше свинины. Имущественная дифференциация обитателей селища и городища отражена также и в соотношении найденных бронзовых и железных предметов украшения. Украшений, изготовленных из более дорогой импортной бронзы, в селище встречается гораздо меньше, чем в городище. Даже браслеты и фибулы, обычно изготавливавшиеся из бронзы, у обитателей селища были железные.

Среди керамики городища встречаются красивые, хорошо отделанные небольшие сосуды с лощеной поверхностью. Такая посуда, в частности, известна в нижних горизонтах Старо-Ладожского городища⁷⁰, связь которого с балтийскими славянами весьма вероятна⁷¹. На тер-

К. Żurkowski, Konstrukcje obronne wczesnośredniowiecznego Gniezna, „Archeologia Polski”, t. I, Warszawa—Wrocław 1957, s. 188, и сл. А. Grabski, Polska sztuka wojenna w okresie wczesnofeudalnym, Warszawa 1959, s. 75—76.

⁶⁶ А. Л. Монгайт, Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани, КС ИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 37.

⁶⁷ А. Я. Стубавс, Раскопки городища Кентескалнс в 1954—1956 гг., „Вопросы этнической истории народов Прибалтики”, М. 1959, стр. 194.

⁶⁸ Там же, стр. 196.

⁶⁹ Разложение родо-племенного строя на территории Латвии, судя по всем данным, начинается на рубеже VII—VIII вв. (См. В. В. Дорощенко, Латышские племена в первом тысячелетии нашей эры, „Вопросы истории”, 1952, № 9, стр. 122—130.

⁷⁰ Я. В. Станкевич, Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги, „Советская Археология”, т. XIV, 1950, стр. 194—195.

⁷¹ В. В. Вилинбахов, Существующие теории и проблема происхождения Старой Ладоги, „Тезисы докладов научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии”, Тарту 1963, стр. 18—20.

ритории Латвии такая керамика встречается редко. По мнению Х. А. Моора лощеная посуда привозилась в Прибалтику из славянских земель в низовьях Вислы⁷².

Этническая принадлежность обитателей Кентескалнса точно не установлена, поскольку число обнаруженных материалов не позволяет пока сделать это. Нет также погребений, которые было бы можно связать с этим поселением. Однако, имеющийся материал позволяет говорить о том, что здесь существовала культура значительно отличавшаяся от обычных латгальских, земгальских и ливско-эстонских памятников⁷³.

Характер самого памятника дает право предположить, что городище было возведено в ливских землях какими-то иноплеменными пришельцами, которыми, скорее всего, были веныды, стремившиеся закрепить за собой опорные пункты на торговых магистралях, в числе которых был путь по Западной Двине. В пользу этого соображения, в известной степени, свидетельствует тип оборонительных сооружений Кентескалнса, керамика и некоторые другие находки.

Все вышеизложенное в целом, с нашей точки зрения, может быть убедительным аргументом в пользу предположения, что вопрос об этнической принадлежности вендов Генриха Латвийского не может считаться окончательно решенным и что существует достаточно много данных, которые могут служить доказательством в пользу предположения об их славянском происхождении.

⁷² Н. А. Моора, *Die Eisenzeit in Lettland*, Bd. II, Tartu 1938, ss. 559—561; W. G a e r t e, *Urgeschichte Ostpreussens*, Königsberg 1929, Abb. 123; K. T a c k e n - b e r g, *Die Wandalen in Niederschlesien*. *Vorgeschichte Forschungen...* herausgegeben von M. Ebert, Bd. I, Heft 2, Berlin 1925.

⁷³ А. Я. Стубавс, *указ. соч.*, стр. 211.

А. Л. Хорошкевич

Ленинград

К ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКИ¹

Среди многочисленных собраний документов по истории Великого княжества Литовского Литовская метрика — государственный архив этого государства — занимает особое место. В нем отложился весьма разнообразный по форме и содержанию материал, характеризующий социально-экономическое, политическое и отчасти культурное развитие собственно литовских, белорусских и украинских земель, входивших в состав княжества, а также прибалтийских, находившихся в пределах этого государства во второй половине XVI—XVII вв. Важные сведения содержит метрика и относительно внешнеполитических сношений Великого княжества Литовского с Русским государством и других сопредельных с ним стран.

Нет ни одного вопроса по истории Литвы, Белоруссии, Украины и Западной России, в особенности западнорусских земель XV—XVII вв., которые можно было бы решить без Литовской метрики. Ее материалы использованы во всех работах по истории Великого княжества Литовского, принадлежащих перу как буржуазных русских (М. К. Любавского, И. И. Лаппо, И. А. Малиновского и др.²), литовских и немецких (З. Ивинскиса, К. Авижониса³), так

¹ Автор приносит глубокую благодарность Н. Н. Улащику за его многочисленные и ценные указания и доброе внимание.

² Обзор русской дореволюционной литературы см. В. И. Пичета. Разработка истории литовско-белорусского права XV—XVI вв. в историографии. Белоруссия и Литва XV—XVI вв. М. 1961, стр. 413—455.

³ Z. Ivinskis, Geschichte des Bauernstandes in Litauen. Von den ältesten Zeiten bis zum Anfang des 16. Jahrhunderts Berlin 1933; K. Avizonis, Die Entstehung und Entwicklung des Adels im 13. und 14. Jahrhundert bis zur Litauisch-polnischen Union 1385, Berlin 1932.

и современных литовских, польских и русских историков (Ю. Юргиниса, Е. Охманьского и др.⁴, Д. Л. Похилевича, В. И. Пичета⁵).

К сожалению, в последнее пятидесятилетие большая часть зарубежных историков ограничивалась немногочисленными опубликованными материалами метрики, которые касаются по преимуществу XIV — начала XVI вв. Поэтому зарубежные ученые и сосредоточивают свое внимание на древнейших периодах истории Великого княжества Литовского. Кроме того, еще со времен Т. Нарбутта принято считать, что Литовское государство существовало только до 1569 г. Впрочем воссоздание истории даже этого времени не может претендовать на полноту до тех пор, пока не выявлены и не опубликованы древнейшие грамоты Витовта, Казимира и Сигизмунда.

Преращение публикации метрики стало большим препятствием на пути плодотворного изучения истории литовского, русского, белорусского, украинского феодализма.

Цель настоящей статьи — подвести итоги проделанной в течение XVIII — начале XX вв. работ по систематизации и описанию метрики и публикации ее материалов⁶, с тем, чтобы наметить возможные пути дальнейшего издания входящих в нее материалов. Планы издания

⁴ Обзор литовской литературы 1954—1959 гг. см.: M. Jučas, Naujasi Lenkijos Liaudies Respublikos istoriku darbai apie Lietuvos Džidziaja Kunigaistyste „Lietuvos TSR Akademijos Mokslo Darbai“, Ser. A, Nr 2, Vilnius 1959, s. 77—90; J. Ochmański, *Historycy polscy o dziejach Litwy*, „Czerwony sztandar“, Nr 75, Vilnius 1960; его же, *Lietuva lenku Historiku veikaluose*, „Literatura ir menas“, nr 14, Vilnius 1960;

Обзор польской литературы за те же годы см.: J. Ochmański, *Problematyka badań dziejów Litwy feudalnej we współczesnej historiografii litewskiej (1954—1959)*, „Kwartalnik historyczny” 1960, z. 4, s. 1165—1180; J. Ochmański, *Historia Litwy*, Wrocław, Warszawa, Kraków 1967.

⁵ В. И. Пичета, *Белоруссия и Литва XV—XVI вв.* М. 1961; его же, *Аграрная реформа Сигизмунда Августа в Литовско-Русском государстве*, М. 1957; Д. Л. Похилевич, *Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI в.*, Львов 1957; его же, *Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVII—XVIII вв.*, Вильнюс 1966.

⁶ Во многих работах была дана характеристика изданий метрики: J. Adamus, *Wydawnictwa źródłowe do historii Litwy*, „Pamiętnik VI Powszechnego Zjazdu historyków polskich w Wilnie”, t. I, Lwów 1935, s. 439—449; M. Kośman, *Sredniowieczna dyplomatyka litewska*, „Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza. Historia, 7, Poznań 1967, s. 181; J. Jakubowski, *Archiwum państwowe Wielkiego Księstwa Litewskiego i jego łosy*, „Archeion”, t. IX, Warszawa 1931, s. 1—9. Есть и рукописные работы на эту тему: A. Guliński, *Historia Metryki Koronnej i Litewskiej*, WAP, Kraków, rkps Nr 378; T. Mensel, *Archiwum ogólne krajowe w Warszawie 1808—1813*; известна по ст. Т. Менцеля: *Księga pamiętkowa 150-lecia głównego archiwum akt dawnych w Warszawie*, Warszawa 1958, s. 52.

метрики обсуждались неоднократно⁷; и мнение таких специалистов, которые имели большой опыт публикации метрики должно учитываться и при возобновлении работы над ней. Первоначально метрика находилась в Троках, в начале XVI в. она была переведена в Вильнюс. В конце XVI — начале XVII вв. были составлены книги-копии, сверенные с подлинными и заменившие их в текущей работе. Книги-копии были снабжены реестрами содержания, вынесенными в начало каждой книги.

Во второй половине XVII в. подлинные книги в большинстве своем погибли. Книги же копии сохранились до нашего времени.

Метрика около 1765 г. была переведена в Варшаву. Ко времени ее кратковременного пребывания в Варшаве относится первая попытка упорядочения архива. В 1786 г. копии были заново переплетены под руководством Адама Нарушевича. Переплетению книг предшествовала некоторая их разборка. Однако во вновь составленные Нарушевичем сборники зачастую ошибочно включались фрагменты самых различных книг. Так произошло, например, с книгой позже получившей название третьей книги Судных дел, включившей в себя отдельный сборник листов и тетради времени Александра I и Сигизмунда I, сплетенных без какой-либо правильной последовательности⁸.

Документы во вновь составленных и расположенных в определенном порядке книгах были перенумерованы. А. Нарушевич снабдил копии метрики заголовками⁹. В 1773 г. 65 древнейших книг метрики были заново скопированы латинскими буквами, текст их был перенесен неточно. Эти копии впоследствии, в отличие от самой метрики, хранились в Варшаве. Здесь же находятся и несколько книг метрики 1775—1792 гг.¹⁰

⁷ И. И. Лаппо, Об издании Литовской метрики, „Летопись занятий Археологической комиссии за 1906 г. (далее ЛЗАК), вып. 19, Спб. 1908, Извлечение из протокола за 1906 г. стр. 20—41; Д. И. Довгялло, Литовская метрика. „Працы першага з'езду даследчыкаў беларускай архэалогіі і архэаграфіі, 17—18 студзеня 1926 году“, 1926, стр. 53—59.

⁸ Н. Г. Бережков, Литовская метрика как исторический источник, М.—Л. 1947, стр. 29, 31.

⁹ История раннего периода существования метрики особенно подробно освещена И. Даниловичем: Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственство короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 год), М. 1843, стр. 393 и далее. Некоторые сведения содержит и статья М. Ломянской: M. Łomiańska, Dokumenty do historii kamienic przeznaczonych na chowanie metryki W.X.L. (1588—1712), „Ateneum wileńskie“, t. VII, 1930, z. 1—2, s. 293—311.

¹⁰ Fr. Radziszewski, Wiadomość historyczno-statystyczna o znakomitszych bibliotekach i archiwach publicznych i prywatnych w Królestwie Polskiem, Galicji,

Условно называемый „варшавский период” ознаменовался первыми публикациями метрики. Целый ряд древнейших подлинных грамот, хранившихся отдельно, а не занесенных в книги, был издан М. Догелем в его знаменитом „Codex diplomaticus”¹¹. Те грамоты метрики, которые относились к Ливонии за XIII — середины XVIII вв. были изданы в V томе его собрания документов. В других томах, оставшихся неизданными и хранившихся позднее в Виленском университете, Догелем были подобраны и документы и истории России и Польши. В начале XIX в. материалы Догеля были переданы в Публичную библиотеку, откуда в 30-е годы и поступили в Археографическую комиссию¹².

После третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. Коронная (государственный архив Королевства Польского) и Литовская метрики были переданы в Петербург, где они хранились в III Департаменте Сената, кроме посольских книг и дел о сношениях Польши с иностранными державами, переданных в Коллегию иностранных дел наряду с делами политической истории Литвы до 1774 г., и текущими делами по 1797 г. Две последние группы документов в 1828 г. поступили в Московский архив коллегии иностранных дел¹³. Часть документов оказалась в Публичной библиотеке¹⁴. Коронная же метрика почти полностью была отдана в 1799 г. Прусскому правительству, под властью которого находилась часть Польши с Варшавой. В 1807 г. Коронная метрика поступила в Варшаву¹⁵. В 1803 г. для разбора дел метрики в III Депар-

W. Ks. Poznańskiem i zachodnich guberniach Państwa Rosyjskiego, Kraków 1875, s. 104. Некоторые старинные описи Литовской метрики находятся в Польше: Summariusz ksiąg Metryki Wielkiego Księstwa Litewskiego в 16 томах изготовлен в Варшаве в 1760 г. (канцлерские книги в тт. 15—27 и подканцлерские — 28—30). Другая такая же опись 1747—51 гг. была в библиотеке Главного штаба в Петербурге, но возвращена в Варшаву. Оба эти суммария связаны с ревизией метрики, произведенной Яном Храповицким в 1747 г.: см. Wł. Semkowicz, Przewodnik po zbiorze rękopisów wilanowskich, Warszawa 1961 s. 44—46; Описан: St. Ptaszucki, Summariusz i inwentarze Metryki Litewskiej, „Archeion” t. VIII, 1930, s. 31. О дальнейшей судьбе книг метрики в Варшаве см. Straty kulturalne Warszawy, pod red. Wł. Tomkiewicza, t. I, Warszawa 1948, s. 105—106.

¹¹ M. Dogiel, Codex Diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae, t. V, Wilno 1759; о нем см.: S. Kętrzyński, Zarys nauki o dokumencie polskim wieków średnich, t. I, Warszawa 1934, s. 6.

¹² В. С. Иконников, Опыты русской историографии, т. I, ч. I, Киев 1891, стр. 223; „Протоколы заседаний Археографической комиссии 1835—1840”, вып. 1, Спб. 1885, стр. 500—503; там же, 1841—1849, вып. 2, Спб. 1886, стр. 121.

¹³ В. С. Иконников, Указ. соч., т. I, стр. 391, 494.

¹⁴ St. Ptaszucki, Cesarska biblioteka Publiczna i Metryka Litewska w Petersburgu, „Przegląd Literacki i Artystyczny”, Kraków 1884, Nr 4—5 или отд. оттиск, Kraków 1884.

¹⁵ О судьбе этой части метрики в начале XIX в. см. Т. Менсел, Указ. соч., стр. 3—58.

таменте Сената была учреждена особая экспедиция — „Метрика присоединенных провинций“, во главе которой был назначен С. Козелло. Однако упорядочение материалов метрики началось только через 10 лет после перевозки ее в Петербург, хотя различные указания в этом направлении были сделаны раньше. Уже в 1798 г. было составлено „Расписание дел метрики польской и литовской, до внутреннего правления надлежащих, назначенных по Высочайшему его императорского величества указу от 1 мая 1798 г. к доставлению в Правительствующий сенат“.

Эта экспедиция или комиссия составила реестр (в двух томах) первых сорока книг, получивших впоследствии название книг записей. В этот реестр были вкратце переписаны заголовки документов. Комиссия 1803 г. подготовила условия для деятельности следующей комиссии 1835 г., продолжившей упорядочение архива.

Все книги метрики были разделены на несколько отделов, названия которых и само деление дожило до нашего времени. Это:

I — книги записей, содержащие различные пожалования, судные грамоты и т.д.;

II — книги судебных дел;

III — книги публичных дел, содержащие также пожалования, описи войск, постановления сеймов и т.п.;

IV — книги переписей;

V — книги вышисей и другие отделы, из которых представляет интерес отдел VIII — инвентари.

Особо были выделены новые книги, собранные из связок в 1835 г., содержащие древние акты, дела новейшего производства, относящиеся ко второй половине XVIII в., а также межевые карты.

В результате деятельности обеих комиссий были составлены генеральная опись книгам записей литовских в 8 тт., генеральная опись книгам судебных дел в 7 тт., а также опись книгам актов, хранящихся в „Метрике присоединенных провинций“ и „Опись подлинным актам, родословным межевым картам“ (последние две описи принадлежали комиссии 1835 г.¹⁶

На материалы Литовской метрики обратил внимание Н. П. Румянцев. К. И. Буссе, его секретарь, составил в Варшаве в 1821—22 гг. выбор достопримечательнейших актов о сношении Рос-

¹⁶ Центральный Государственный Архив Древних Актов (далее ЦГАДА), ф. 389, описи. О деятельности этих комиссий см. подробное введение к „Описанию документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции“, т. 21, СПб. 1915, составленных Н. Г. Бережковым и С. К. Шамбинаго, стр. XIV—XV.

сии с Литвой за 1393—1506 гг. и о внутренней истории Великого княжества Литовского (в двух частях)¹⁷.

Отдельные акты метрики, по-видимому, подлинники, находившиеся не в книгах, а в связках, были известны ряду петербургских ученых¹⁸. Создавались и описи метрик¹⁹.

Одновременно с упорядочением и описанием архива в Петербурге возобновилась публикация его материалов. И. Григорович в свой сборник древнейших белорусских грамот (1824 г.) поместил жалованную подтвердительную т.н. свиток Ярославля великого князя Александра Смоленскому архиепископу Иосифу 1499 г. и акт 1589 г. по копии, снятой в XVIII в. из документов Литовской метрики²⁰. Пять документов (среди них судебник Казимира, договор Казимира с Новгородом 1440 г., псковско-литовские посольские дела второй половины XV в.) были сообщены М. К. Цеймером и М. А. Оболенским Н. А. Полевому и помещены в „Русской вивлиофике“²¹.

Одновременно с этим в 1836 г. началась публикация документов метрики по ее варшавской копии. П. А. Муханов извлек из варшавской копии некоторые древнейшие документы — договорные великого князя московского Василия Васильевича, а также Новгорода и Пскова с Казимиром середины XV в., другие дипломатические документы, целый ряд жалованных Казимира и Александра светским и духовным феодалам (из 4, 5 и 6 книг записей)²².

К сожалению, знаменитый литовский историк Т. Нарбутт не мог

¹⁷ Письма гр. Н. П. Румянцева и В. Н. Верха, 1817—1822 г. „Примечания Е. Замысловского“, ЛЗАК, 1872—75, вып. VI, Спб. 1877, отд. II, стр. 159; См. также: О заслугах Румянцева, оказанных отечественной истории, „Журнал Министерства Народного Просвещения (далее ЖМНП)“, 1846, ч. XLIX, № 1, стр. 40. Описание Румянцева музея А. Х. Востокова, стр. 127—138. Переписка митрополита киевского Евгения с гр. Н. П. Румянцевым и с некоторыми другими современниками, Воронеж 1868, стр. 40. Переписка государственного канцлера Н. П. Румянцева с московскими учеными, „Чтение МОИДР“, 1882, ч. I, стр. 181, 222.

¹⁸ Так в бумагах Ф. А. Круга обнаружена копия договорной грамоты Василия Дмитриевича с великим князем Витовтом. Архив АН СССР, ЛЮ, ф. 88, оп. I, № 193. В фондах Археографической комиссии среди бумаг И. И. Григоровича находятся еще две копии грамот Витовта смольнянам, переписанные той же рукой. Архив ЛОИИ, ф. 276, оп. I, № 57.

¹⁹ См. перечень книг Коронной и Литовской метрик, принадлежащий В. А. Майевскому. ГВЛ, ф. 255, карт. 15, № 16.

²⁰ И. И. Григорович, Белорусский архив древних грамот, М. 1824, №№ 3, 24.

²¹ Н. А. Полевой, Русская вивлиофика, М. 1833, стр. 91—110.

²² П. А. Муханов, Сборник, М. 1836, №№ 2—9, 12, 14, 20, 21, 22, 24, 25, 26 и др.; см. также приложение, стр. XXVI—XXVIII.

использовать материалы метрики. Он переиздал лишь несколько документов вслед за П. А. Мухановым²³.

В 40-е гг. XIX в. были изданы две посольские книги. В 1838 г. в I т. „Сборника“ Оболенского была издана „Книга посольская Великого княжества Литовского 1506 г.“ (содержащая по преимуществу материал о дипломатических сношениях с крымским ханом Менгли-Гиреем и казанским Магмет-Эмином. Здесь же содержатся некоторые сведения о сношениях с ливанским магистром фон Плеттенбергом относительно союза Великого княжества Литовского против Руси; документы посольства Ленарта июля 1506 г. и ответ Плеттенберга)²⁴.

В 1843 г. М. А. Оболенским и И. А. Даниловичем была издана посольская книга за 1565—1572 гг. Эта книга, некогда входившая в состав метрики, потом оказалась вне этого архива и в 1839 г. была передана А. Ф. Малиновским в Московское общество истории и древностей российских. По поручению этого общества она и была издана²⁵.

Этими публикациями 30—40-х гг. XIX в. завершилось введение в научный оборот посольских книг XVI в., находившихся в Литовской метрике. Остальные посольские книги так и остались неизданными целиком.

К 30-м гг. относится появление первых печатных описаний частей метрики. Некоторые книги записей по варшавской копии описал П. А. Муханов²⁶, а в 1943 г. в упомянутом выше издании было дано более или менее полное описание метрики, не только Литовской, но и Коронной. Особенно подробно издатели остановились на наличии посольских книг в составе метрики²⁷.

В 30—40-е гг. XIX в. материалами метрики заинтересовалась и Археографическая комиссия. Ее интерес к метрике не остался бесплодным. И. Григорович — крупнейший знаток белорусских памятников письменности — при подготовке 5-томного издания „Актов, относящихся к истории Западной России“, включил много материалов метрики, в том числе и те, которые были собраны Догелем. В разборке

²³ Т. Narbutt, Dzieje narodu litewskiego, Wilno 1840, t. VIII Догелем Ивана III с Александром 1494 и 1503 гг. Dodatek IV, VI, s. 13—19, 32—38.

²⁴ М. А. Оболенский, Сборник, т. I, Спб. 1838.

²⁵ М. А. Оболенский, Н. А. Данилович, Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 год) М. 1843.

²⁶ П. А. Муханов, Сборник, Спб. 1836, Приложение, стр. XXVI—XXVIII.

²⁷ М. А. Оболенский, Н. А. Данилович. Указ соч., стр. 393 и далее.

²⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России, тт. 1—5. Спб. 1846—1853, т. I (1340—1506), 1846, т. II (1506—1541), 1848, т. III (1544—1587), 1848, т. IV (1586—1632), 1851, т. V (1633—1699).

бумаг последнего принимали участие А. Х. Востоков²⁹ и И. Онацевич³⁰. И. И. Григорович сам последовательно просматривал книги метрики³¹. Наряду с этим в „Акты Западной России” (далее АЗР) вошли документы, собранные И. И. Григоровичем для второго, оставшегося неизданным тома „Белорусского архива древних актов”³² и документы из архива униатских митрополитов, местных учреждений³³ — губернских, уездных и церковных архивов³⁴, многие из которых впоследствии погибли.

В первый том АЗР было помещено 123 документа, во второй том этой публикации — 141 документ. Третий том включил 86 документов, четвертый — 55 документов.

Наконец, в V томе находится всего 6 документов.

Волею или менее точно И. Григорович указывал и местонахождение того или иного документа, что далеко не всегда делалось в это время³⁵.

С археографической точки зрения текст передавался И. И. Григоровичем вполне удовлетворительно³⁶, хотя он часто заменял „е” буквой „ѣ”, вместо и ставил і. В 1874 г. Археографическая комиссия ставила вопрос о переиздании АЗР с дополнениями и поправками³⁷. Однако это переиздание не было осуществлено.

На высоком для своего времени археографическом уровне было осуществлено и другое издание Археографической комиссии 60-х гг. XIX в. — подготовленные Н. И. Костомаровым „Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России” (далее АЮЗР)³⁸.

²⁹ Выписка из протоколов заседаний Археографической комиссии от 15 октября и 24 ноября 1842 г. Сообщение А. Х. Востокова, ЖМНП, 1842 г., ч. XXXVI, № 11, стр. 4—5; то же от 20 IV 1843 г., ЖМНП, 1843, ч. XXXVIII, № 6, стр. 79—80.

³⁰ И. Онацевич занимался этим в 1839 г. Архив ЛОИИ, ф. 276, оп. I, № 120.

³¹ Протоколы заседаний Археографической комиссии, вып. 1, стр. 279—280, 322—324; там же, вып. 2, стр. 96 и др.

³² О содержании его и намерении комиссии опубликовать документы из него в „Актах Западной России” см. Протоколы заседаний Археографической комиссии (далее Протоколы) 1835—1846, вып. 1, стр. 167, ноябрь 1837 г.

³³ В частности из полужокой духовной консистории, Протоколы, вып. 2, стр. 114.

³⁴ В сборе этих материалов участвовал Д. И. Зубрицкий; ЛЗАК, вып. 3, Спб. 1865, стр. 26.

³⁵ На отсутствие таких сведений в публикациях первой половины XIX в. сетовал позднее Р. Мейницкий (R. Mienicki, Wyzyskanie wileńskich akt władz centralnych litewskich, „Pamiętnik V PZHP” t. I, Lwów 1935, s. 232).

³⁶ См. J. Jurginis, Kazimieroteisynas (1468 m.), Vilnius 1967.

³⁷ ЛЗАК, 1872—1875, отд. 6, Спб. 1877, Протоколы, стр. 65, 73—75.

³⁸ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией, Спб. 1863, т. I (1361—1598), 1865, т. II (1599—1637).

Н. И. Костомаровым опубликовано в первом томе 135 грамот (из 5, 7, 12, 14, 15—18, 22, 25, 28, 29, 37, 58, 62, 69, 71, 73, 76—78, 82—84, 87, 89, 109, 365 книг записей и 2, 12, 60, 70—72 книг судных дел, 1 книги публичных дел), а во втором томе — 55 грамот (из 4, 8—12, 14, 18, 25, 27, 37, 84, 85, 89, 91, 102 книг записей, 79 книги судных дел).

Позднее документы, опубликованные в АЗР и АЮЗР, воспроизводились неоднократно³⁹, однако эти публикации не имеют самостоятельного значения, поскольку тексты документов не проверялись по подлиннику.

Издания Археографической комиссии были основаны на хронологическом принципе. Издатели не ограничивались просмотром одной книги метрики, но извлекали документы почти из всех. Поэтому АЗР и АЮЗР наиболее полно представляют в себе или почти все книги метрики. Вплоть до наших дней эти издания не потеряли своего значения.

Однако и это наиболее полное издание не могло, да и не ставило перед собой цели ввести в научный оборот все древнейшие документы конца XIV — начала XV вв.⁴⁰

В соответствии с юридическим направлением в тогдашней науке и И. И. Григорович и Н. И. Костомаров ограничивались преимущественно публикацией жалованных грамот, касающихся земельных вопросов, а также материалов внешних сношений Великого княжества Литовского. Очень много документов, касающихся церковной истории. Гораздо хуже представлены делопроизводственные материалы. Восполнению этого недостатка были посвящены публикации 80—90 гг. XIX в., когда на смену хронологическому принципу издания пришел тематический.

Две первые тематические публикации принадлежат К. Пуласкому и С. А. Вершадскому⁴¹. Первый подготовил материалы по давно интересовавшему науку вопросу — о дипломатических сношениях с татарами в конце XV — начале XVI вв. (часть их была уже издана в АЗР). К сожалению, К. Пулаский воспроизвел акты по их варшавской копии, т.е. в латинской транскрипции, хотя сам издатель

³⁹ В качестве примера укажем издание А. П. Сапунова „Витебская старина”, т. I, Витебск 1895.

⁴⁰ Археографическая комиссия неоднократно обсуждала вопрос о дальнейшем издании западно-русских актов, в том числе и из Литовской метрики, ЛЗАК, 1866—68, вып. 4, Спб. 1868, Протоколы, стр. 22—23.

⁴¹ Stosunki z Mengli-Girejem, chanem Tatarów perekopskich (1469—1515). Akta i listy. Wydał i szkicem historycznym poprzedził K. Pułaski, Kraków, Warszawa 1881. С. А. Вершадский, Документы и регесты к истории литовских евреев (1388—1550), Спб. 1882. Документы XVI в. позднее не переиздавались, а документы XV в. увидели свет в изданиях Археографической комиссии начала XX в.

отдавал себе отчет в несовершенстве подготовляемой им публикации, не сверенной с книгами-копиями самой Литовской метрике.

С. А. Бершадский собрал документы о литовских евреях. В него вошли по преимуществу великокняжеские жалованнные об откупах мыт и арендах, причем документы были переданы не в точном соответствии подлиннику, но по правилам орфографии 80-х гг. XIX в. с употреблением твердого знака, „ять“, „і“ десятиричного, которых в метрике нет, или почти нет.

На базе предшествующих публикаций началось изучение белорусского языка XVI—XVII вв.⁴²

Хотя издательская деятельность в 60—80-е гг. развивалась довольно интенсивно, разбор и обработка этого архива несколько задерживались. Несмотря на постоянную должность „метриканта“, в эти годы описание метрики фактически не производилось⁴³. Заметный след на поприще „метриканта“ оставил только Ст. Л. Пташицкий, составивший единственное полное „Описание книг и актов Литовской метрики“⁴⁴, к счастью всех последующих ученых, занимавшихся метрикой, оказавшееся весьма точным.

Изданием описания Пташицкого завершился „петербургский“ период метрики. В 1887 г. метрика была передана из Правительству

⁴² И. И. Срезневский, Разбор сочинения И. Носовича. Алфавитный указатель старинных слов, извлеченных из „Актов, относящихся к истории Западной России“, изданных в 1853 году, Отчет о присуждении наград гр. Уварова 25 сентября 1865 г. Спб. 1866, стр. 14—16; И. П. Новицкий, Справочный словарь юридических терминов древнего актового языка юго-западной Руси, „Университетские известия“ Киев 1871, вып. 8, Прибавления, стр. 1—12; 1872, вып. 3, отд. 2, стр. 13—31; Н. Горбачевский, Словарь древнего актового языка северо-западного края царства Польского, Вильно 1874. См. рецензию Н. П. Барсова Отчет о 18-м присуждении наград гр. Уварова 25 сентября 1875 г., Спб. 1876. Рецензент указал, что Н. Горбачевский включил только польскую и латинскую лексику XVIII в.

⁴³ Исключение составляет краткая опись И. Зельверовича (И. Зельверович, Литовская метрика, Государственный отдел, т. I, Спб. 1883). Часть материалов осталась в рукописи. Так, хронологический указатель документов, хранящихся в Литовской метрике, за время с 1511 по 1749 гг. на право владения вотчинами был составлен помощником метриканта Корском. Он содержал 20 333 указания на документы. После смерти составителя был продан в бумажную лавку, случайно найден А. Н. Неустроевым и передан им в Археографическую комиссию. ЛЗАК за 1872—1875 гг., вып. 6, Спб. 1877, отд. IV, Выписка из протоколов, стр. 12—13.

⁴⁴ С. Л. Пташицкий, Описание книг и актов Литовской метрики. Спб. 1887; J. Jakubowski, Stanislaw Ptaszycki jako badacz Metryki Litewskiej. „Archeion“, t. XIII, 1934, s. 53—58.

щего Сената в Московский архив Министерства Юстиции⁴⁵. Соответственно были упразднены должности метрикантов, и описанием метрики стали заниматься на равных основаниях с другими архивами. Нужно сказать, что и в министерстве юстиции ясно отдавали себе отчет о значении метрики и не забывали о необходимости обработки этого фонда.

Сотрудниками архива в конце XIX в. было заново составлено описание 23—49 томов книг записей и составлены географический и личный указатели к ней⁴⁶.

С новой программой дальнейших занятий над метрикой в 1887 г. выступил С. А. Бершадский. Он предлагал начать последовательную публикацию документов метрики.

С. А. Бершадский критиковал издание И. И. Григоровича „Акт... Западной России” за то, что туда помещены только документы, касающиеся политических отношений в Великом княжестве Литовском, и что там мало сведений о государственном устройстве и управлении, нет документов о гражданском и уголовном праве, об общественных отношениях, поместном и вотчинном землевладении и его размерах, о формах и размере крестьянского землевладения и самоуправления, размерах, войска, государственных доходах и финансах. Все это, по его мнению, должно было быть отражено в документах Литовской метрики, издаваемых Археографической комиссией⁴⁷.

Однако Археографическая комиссия, решила ограничиться изданием собрания С. А. Бершадского, который извлек из метрики 21 грамоту времени Витовта, много инвентарей и других документов⁴⁸. Одновременно с этим предполагалось издавать и старинные описи метрики.

28.IV.1895 г. Археографическая комиссия отказалась от публикации документов, собранных С. А. Бершадским, и приступила к изданию древнейших книг Судных дел метрики. Тогда же было решено издавать 63 древнейшие книги метрики до 1564 г.⁴⁹

Архив министерства юстиции посвятил материалам метрики первый том своих „Документов”⁵⁰. Этот том был подготовлен М. В. Дов-

⁴⁵ Вестник Европы, 1875, № 5, внутреннее обозрение, стр. 401—409; 1887, № 12, стр. 875.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 389, описи; см. также описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции (далее МАМЮ), т. 21, М. 1915, Введение, стр. XVI—XVII.

⁴⁷ ЛЗАК, 1885—1887, вып. 10, Спб. 1895, стр. 67—72.

⁴⁸ Там же, стр. 72.

⁴⁹ ЛЗАК, 1895—1899, вып. 11, Спб. 1901, стр. 8—9. Сообщение С. А. Бершадского зачитал Е. Е. Замысловский.

⁵⁰ Документы Московского архива Министерства Юстиции, подг. М. В. Довнар-Запольским, т. I, М. 1897.

нар-Запольским и включил в себя древнейшую книгу данин Казимира Ягеллона 40—80-х гг. XV в. (из третьей книги записей), 11 инвентарей — 1525—1636 гг., материалы сеймов — Виленских 1563 и 1565 гг., Берестейского 1566 г., Городенских 1567 и 1568 гг., Лгоблинского 1569 г.

В Дополнении были опубликованы послания Сигизмунда I к сеймам 1512, 1521, 1524, 1529 гг., Сигизмунда II — к сейму 1547 г. и ряд документов, относящихся к ранней истории феодального землевладения XV в. — три грамоты Сигизмунда Кейстутевича; 5 грамот Казимира, жомойтского старосты Яна Кезгайловича — все из 6-й книги судных дел.

Инвентари выбраны М. В. Довнар-Запольским из 19, 36, 46 книг судебных дел и 5, 8, 27 книг переписей. Запись имений, розданных полочанам в 1563 г. — из 44 книги записей; материалы посольств Сигизмунда I — также из 7, 15, 31 книг записей.

Что касается археографических принципов передачи текста, то издание Довнар-Запольского является первым, в котором текст передан более или менее точно. Впрочем, позднее А. Н. Ясинский⁵¹, а также Н. Г. Бережков указывали некоторые ошибки в чтении текста данин, допущенные М. В. Довнар-Запольским⁵².

Инвентари конца XV — начала XVI вв. привлекли внимание и другого видного историка Великого княжества Литовского М. К. Любавского. Он выбрал их из первых книг записей: 8 инвентарей из VII книги, 2 из VIII, 7 из XV, по 5 из X и 3 из IX, 2 из XV книг записей⁵³.

Наряду сделопроизводственными и актовыми источниками в конце XIX в. по старой традиции издавались материалы, касающиеся внешних сношений Великого княжества Литовского, главным образом с татарами. Три небольшие публикации по этой теме принадлежат М. В. Довнар-Запольскому⁵⁴.

Материалами метрики в конце XIX в. по-прежнему интересовались и польские ученые. А. Прохаска, известный издатель актов Витовда, подготовил сборник документов метрики⁵⁵.

⁵¹ А. Н. Ясинский, Спроба крытычнага вывучэння кнігі данін вялікага князя Казіміра, „Гісторыка-археалёгічны зборнік, т. II, Менск 1926, стр. 155—205.

⁵² Н. Г. Бережков, Литовская метрика, как исторический источник, М.—Л. 1946, стр. 163, прим. 68.

⁵³ М. К. Любавский, Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания I Литовского статута, М. 1892.

⁵⁴ М. В. Довнар-Запольский, Книга расходов на татар 1502—1509 гг., „Известия Таврической Ученой комиссии“, № 26, Симферополь 1897; его же, Заметка о крымских делах в Метрике Литовской, там же, № 28, 1898, стр. 19—81; его же, Литовские упоминания татарским ордам, там же, № 28, стр. 1—18.

⁵⁵ Materiały archiwalne, wyjęte głównie z Metryki Litewskiej od 1348 do 1607 r.,

Постоянно над материалами метрики в Варшаве работал Ф. И. Леонтович, посвятивший целый ряд исследований истории крестьянства и аграрного строя Великого княжества Литовского. Он подготовил публикации актов Литовской метрики⁵⁶, которая, несмотря на все свои недостатки, стала настольной книгой каждого ученого, интересующегося аграрной, социальной, политической историей ВКЛ. Два выпуска его сборника включили материалы 1413—1498 и 1499—1507 гг. преимущественно из пятой и шестой книг записей (345 документов из пятой и 205 из шестой), а также из десятой книги (38 документов). Остальные тринадцать книг, привлеченные Ф. И. Леонтовичем для своей публикации (всего их 16, а не 66, как указано в кратком предисловии), представлены 1—12 документами (это книги 3, 4, 7, 14, 25, 26, 33, 36, 37, 41, 44, 54, 62). Все это книги Варшавской копии.

Таким образом, Ф. И. Леонтович, как писал М. В. Довнар-Запольский, издал шестую копию метрики. „...Процесс такой, — писал он, — с подлинной грамоты копия списывалась в метрику, подлинная метрика скопирована в конце XVI в., с последней в конце XVIII в. снята варшавская копия латинским алфавитом, а Леонтович снял копию с последней, перелицовав ее на русский алфавит, наконец последняя копия — набор”⁵⁷.

В результате в свет вышло издание, искажившее до неузнаваемости подлинный текст, в особенности имена и географические названия. К тому, о чем писал уже М. В. Довнар-Запольский и И. Малиновский⁵⁸, добавлю сравнение двух наугад выбранных документов, воспроизведенных Ф. И. Леонтовичем и через 15 лет И. И. Гапше в Русской исторической библиотеке (далее РИБ).

А ЛМ, вып. I
№ 66, стр. 29.
Гойцевич
Дяк
не рушали (пропущено)

Риб, т. 27
№ 126, стр. 441.
Кгойцевич
дыак
не рушали
(зачеркнуто в оригинале)

zebrał A. Prochaska, Lwów 1890 (публикация осталась автору недоступной); см. также J. Jakubowski, Prace archiwalne Prochaski nad dziejami Litwy, „Dr Antoni Prochaska. 13.3.1852—23.9.1930”, „Ateneum wileńskie” t. VIII, 1931.

⁵⁶ Ф. И. Леонтович, Акты Литовской метрики, вып. 1, 2, Варшава 1896, 1897.

⁵⁷ М. В. Довнар-Запольский, Рецензия на „Акты Литовской метрики”, вып. 1, ЖМНП, 1896, № XII, стр. 343.

⁵⁸ Там же, стр. 344, 345; И. Малиновский, Рада Великого княжества Литовского в связи с боярскою думою древней России, ч. II, вып. II, Томск 1912, прим. № 79, стр. V.

№ 71 стр. 32

пропущена формула публичного объявления

Лукопоцон

мерю

Друтов

Ухряняны

и тот дворец Бережки

(Пропущено аргументация из конечного протокола)

№ 20, стр. 144

Чиним знамените сим нашим листом, хто на него посмотрит, або чтуги его услышать, кому ж будеть того потреб ведати

Лукопицею

мерю

Дрытов

Ухряняны

...з дворцом Бережки с стави и з млынь, што к дворцу Бер(е)жком здавна прислухаець; и просил нас, абымо ему тое именье Деречин и тот дворец Бережки...

А на твердость того и печать нашу казали привесити к сему нашему листу⁵⁹.

Многочисленные крупные и мелкие опечатки в самих текстах грамот не позволяют пользоваться этим изданием для исследований ни по социально-экономической, ни по политической истории Великого княжества Литовского. Невозможно восстановить генеалогию литовских и белорусских феодалов и мещан и выяснить географическое распределение их владений, без чего в свою очередь невозможно и заняться социально-экономической историей Великого княжества Литовского.

Предложенные Ф. И. Леонтовичем тексты не годятся и для филологов, т.к. им принята не орфография подлинника, а орфография XIX в. (с твердым знаком, десятиричным „і“, „ять“, которых метрика не знает). Таким образом, текстами в издании Ф. И. Леонтовича нельзя пользоваться без обращения к подлиннику.

Не лучше и обработка документа самим издателем. Ф. И. Леонтович и в этом отношении оказался не на высоте даже современной ему археографии. Он отказался от сопровождения документов заголовками, удовлетворившись теми, которые содержатся в самих книгах-копиях. Это затрудняет понимание документов, т.к. подлинные заглавия не всегда точно передают содержание акта. Кроме того, Ф. И. Леонтович при определении дат написания документов сделал очень много ошибок, отмеченных М. В. Довнар-Запольским.

В заключение хотелось бы присоединиться к выводу М. В. Довнар-Запольского: издание „...наполнено... целым рядом засад, подготовленных издателем для исследователя, искажений так много, что пользоваться настоящим изданием почти невозможно. Позволительно было

⁵⁹ Последний пример ставит вообще вопрос о пригодности варшавских копий для дипломатических исследований. По-видимому писцы XVIII в. значительно упрощали и видоизменяли протокол грамот, в связи с чем пользоваться варшавскими копиями невозможно.

бы выразить желание, чтобы настоящий сборник был переиздан в самом скором времени в исправной редакции, так как издание древнейшей метрики представляет насущную нужду нашей науки”⁶⁰.

Слова М. В. Довнар-Запольского не потеряли своего значения и до сих пор. Задача скорейшей публикации древнейшей части метрики, не выполненная до сих пор, все еще остается на повестке дня.

Сам М. В. Довнар-Запольский приложил немало усилий для осуществления поставленной им задачи. В 1900 г. увидела свет вторая публикация М. В. Довнар-Запольского „Акты Литовско-Русского государства”⁶¹.

Это сравнительно небольшое издание, в котором находится всего 199 грамот из 25 книг метрики (54 грамоты — из 6 книги, 32 — из 8 и по нескольку грамот из 3, 4, 5, 7, 9, 10, 11, 12, 13—15, 17, 18, 20, 22, 25, 31, 35 книг записей, а также 3, 4, 8 книг судебных дел, 28 книги публичных дел, 9 книги новых дел).

По замыслу издателя в его публикации должны были быть собраны грамоты, относящиеся к истории государственного хозяйства. Здесь и материалы о таможенных и корчемных сборах, квитанции и личбы-удостоверения великого князя о получении арендных денег, о сборах прямых налогов — серебщины и подымщины, уставные грамоты, рисующие финансовое, правовое положение отдельных волостей в составе Великого княжества Литовского, грамоты городам на магдебургское право. Включены и жалованные грамоты Казимира и Александра, в которых говорится о размерах податей и повинностей.

подавляющая часть документов относится к началу XVI в. Наряду с этим помещено несколько документов времени Витовта — его привилей Бресту на магдебургское право, жалования Илье Вячковичу и ряд других документов. Часть документов повторяет опубликованные ранее Ф. И. Леонтовичем, однако отличие заключается в том, что публикация Довнар-Запольского гораздо лучше воспроизводит текст. Он пытался сохранить старую орфографию, не модернизируя ее, а свои поправки в случае явных описок вставлял курсивом в тексте.

Однако если сравнивать „Документы МАМЮ” и „Акты Литовско-Русского государства”, то археографически первая публикация подготовлена гораздо более тщательно. Вероятно дало себя знать то обстоятельство, что при подготовке второго издания М. В. Довнар-Запольский жил уже не в Москве, а в Киеве.

⁶⁰ М. В. Довнар-Запольский, Рецензия на „Акты Литовской метрики”; вып. 1, ЖМНП, 1896, № XII, стр. 351.

⁶¹ М. В. Довнар-Запольский, Акты Литовско-Русского государства, Киев 1900.

Некоторым дополнением к „Актам Литовско-Русского государства“ являются те 24 новых документа, которые М. В. Довнар-Запольский поместил в приложении к своей монографии „Государственное хозяйство“⁶².

Эти материалы о сборе мыта, о сдаче их в аренду из 17—19, 21, 31—32, 37, 41, 44—48, 53, 56 книг записей, из 45 книги метрики судебных дел, 9 и 11 книг публичных дел, 7 и 10 книг переписей. Только 7 книга переписей представлена 6 документами, 32 книга записей — двумя, а остальные — одним документом.

В 1901 г. вышла в свет первая часть тематического сборника, собранного И. Малиновским и посвященного истории панов-рады Великого княжества Литовского. Вслед за первой частью сборника в 1912 г. вышла вторая под названием „Дополнения“⁶³. В публикацию Малиновского включены привилеи и „листы“ на те „уряды“, с которыми связано звание пана-радного, присяги воевод, документы о составе рады и ее деятельности, посольства королей к раде, выроки панов-рады и т.д. из 3—15, 17, 19, 21, 23, 24, 27, 28, 29, 30, 35, 37, 38, 39, 41, 44, 45, 47, 48, 49, 50, 51 книг записей; из 2, 3, 4, 7, 12 книг судебных дел; из 2, 7, 8 книг публичных дел по 1—10 документов. Тематический принцип в публикации выдержан весьма последовательно. В целом Малиновский издал 310 документов и 45 выдержек, вернее заключительную часть конечного протокола, которая является особенностью документов, вышедших из литовской великокняжеской канцелярии: „А при том были...“

Хотя И. Малиновский стремился к точной передаче текста и сохранению подлинной орфографии, воспроизведению принятых в метрике сокращений, его публикация тоже содержит довольно большое количество ошибок, поскольку она готовилась в Томске и Малиновский был лишен возможности проверять тексты на месте.

Теми же недостатками страдает и публикация Н. А. Максимейко, который в приложении к своему исследованию издал документы, относящиеся к истории сеймов первой половины XVI в. из книг публичных дел⁶⁴. Часть документов Н. А. Максимейко воспроизвел из АЗР, часть издал одновременно с М. К. Любавским.

⁶² М. В. Довнар-Запольский, Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при первых Ягеллонах, Киев 1901.

⁶³ И. Малиновский, Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского, Томск 1901 (вернее 1902); Дополнения, Томск 1912.

⁶⁴ Н. А. Максимейко, Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г., Харьков 1902.

Кроме того, Н. А. Максимейко воспроизвел текст по орфографии XIX в.

В приложении к книге М. К. Любавского о Литовско-русском сейме помещено 79 документов (по 3 документа из 7, 15, 45 книг, 9 — из 37, по 2 — из 17, 38, 47, по 1 — из 23 и 24 книг записей. 4 документа из 8 книги судных дел, 3 — из 2, 1 — из 4 книги, 7 книга переписей представлена 10 документами, 7 книга публичных дел — 18 документами, 9 книга — 8, 10 книга — 2 документами⁶⁵.

В начале XX в. в публикации литовской метрики М. В. Довнар-Запольского и И. М. Лаппо не включали материалов, выходящих за пределы XVI в. В 1905 г. Довнар-Запольским в Киеве в приложении к его исследованию о западнорусском крестьянстве было опубликовано 54 жалованных и пр. грамот первой половины XVI в. из 14—17, 19—21, 24, 32—34, 37, 39, 44, 47, 53, 60 книг записей и 4, 6, 7, 9, 10, 24, 34, 45, 53 книг судебных дел, из 6 книг публичных дел, а также из 11 книг переписей⁶⁶.

И. И. Лаппо в 1905 г. издал материалы полоцкой ревизии 1552, 1580⁶⁷ г., включившие описание земель светских и духовных феодалов (в том числе монастырских и церковных земель). Он переиздал ее вслед за И. Шуейским, опубликовавшим ее по польской копии XVIII в. с большим количеством ошибок, И. И. Лаппо подготовил к печати рукопись копия XVI — первой половины XVII в., находившуюся в Военно-Ученом архиве Главного Штаба, куда были отданы картографические материалы Литовской метрики. Текст передан в высшей степени точно, но без сохранения тех букв, которые переписчик, по мнению И. И. Лаппо, употреблял случайно. Издание И. И. Лаппо снабжено указателями, которых были лишены все предшествующие издания.

Подводя итоги публикациям конца XIX — начала XX вв., можно сказать, что в это время преобладали тематические публикации, ограниченные документами XVI в., так начала, как второй трети, середины или конца века. Все они были основаны на выборочном привлечении материала и не ставили перед собой задачи исчерпать все материалы метрики, касающиеся даже избранной издателями темы. Пожалуй, можно согласиться со Ст. Кутшебой, который писал что русские ученые „издали много, но без выбора и часто плохо“⁶⁸. В археографи-

⁶⁵ М. К. Любавский, Литовско-русский сейм, М. 1901.

⁶⁶ М. В. Довнар-Запольский, Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке, Киев 1905.

⁶⁷ И. И. Лаппо, Полоцкая ревизия 1552 г., М. 1905.

⁶⁸ St. Kutrzeba, Unia Polski z Litwą. Problem i metoda badania, Kraków 1911, s. 12.

ческом отношении удовлетворительны только публикации М. В. Довнар-Запольского и И. И. Лаппо. Другие публикации метрики, такие же выборочные, как и вышеуказанные⁶⁹, в археографическом отношении не представляют интереса⁷⁰.

Почти все издатели тематических публикаций (за исключением М. К. Любавского) жили вне Москвы — Довнар-Запольский в Киеве, И. Малиновский в Томске, Ф. И. Леонтович — в Варшаве. Московские же историки занялись публикацией метрики только тогда, когда после почти полустолетнего перерыва к метрике вновь обратилась Археографическая комиссия, начавшая в серии „Русская историческая библиотека” (далее РИБ) последовательную публикацию книг метрики.

По сообщению С. А. Бершадского в 1895 г. Археографическая комиссия приняла решение о публикации древнейших книг метрики до 1588 г. и в первую очередь судных книг (в количестве 63 книг)⁷¹.

Комиссия поручила наблюдение за изданием метрики П. А. Гильдебрандту, имевшему большой опыт публикации литовских и западнорусских документов, а составление примечаний к ним С. А. Бершадскому. Последний до своей смерти в 1896 г. успел прочитать лишь около десятка первых листов первой книги судных дел. 1—3 книги судных дел увидели свет в 1903 г. в XX т. „Русской исторической библиотеки”⁷². Первая книга судных дел — это подлинная книга 1510—1517 гг., третья — тоже подлинник 1518—1522 гг. Во вторую включены дела 1506—1523 гг. К третьей книге судных дел был приплетен в XVIII в. сборник жалованных, инвентарей, описание границ 1510—1534 гг. и четыре документа из книг публичных дел. Этот сборник остался неопубликованным⁷³.

Вскоре после выхода в свет первых трех книг судных дел в XX т. РИБ, 4. V. 1906 г. Археографическая комиссия вновь обсудила вопрос о дальнейшем плане издания метрики. И. И. Лаппо, охарактеризовав предшествующие издания метрики, и состояние ее книг (он указал на

⁶⁹ P. Hildebrandt, Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Bd. VIII—X, Riga-Moskau 1899—1905.

⁷⁰ Впрочем таковы были и все основные публикации того времени и по истории Польши, напр.: Monumenta medii aevi, res gestas Poloniae illustrantia; о ней см. St. Kętrzyński, Stan nauk pomocniczych historii i ich potrzeby. „Pamiętnik V PZHP”, t. I. Lwów, 1935, s. 183.

⁷¹ См. сообщение С. А. Бершадского на заседании Археографической комиссии 24.IV.1895 г., ЛЗАК за 1895—1899 гг. Спб. 1901, стр. 3—12.

⁷² РИБ, т. XX, Литовская метрика, т. I, Спб. 1903.

⁷³ Писарская копия его изготовленная еще для П. А. Гильдебрандта находится в Архиве ЛОИИ, ф. 276 оп. 1. № 2; о ней см. ЛЗАК за 1906 г., вып. 19, Спб. 1908, стр. 18.

наличие однородного материала и повторяемость некоторых документов) высказался тем не менее за последовательное издание книг целиком. Книги метрики должны были быть разделены на отделы: записей, судебных дел, публичных дел, переписей⁷⁴. Комиссия одобрила план И. И. Ланшо⁷⁵ и в соответствии с ним были подготовлены к изданию третья, четвертая, большая часть пятой книг записей⁷⁶.

В XXXIII т. РИБ С. Л. Пташицким опубликована первая книга публичных дел, которая содержит перепись литовского войска 1528 г.⁷⁷ Помимо этого в этот же том включен реестр литовского войска 1565 г. из ГПБ и перепись литовского войска 1567 г. из архива Радзивиллов в Несвиже⁷⁸. При обсуждении этого тома Археографическая комиссия сочла возможным включить несвижские документы в публикации метрики в связи с большим интересом этих документов и ввиду того, что подготовка их издания давно уже была поручена С. Л. Пташицкому⁷⁹.

Вторая, четвертая, шестая, большая часть седьмой, частично пятой книги публичных дел помещены в XXX т. РИБ⁸⁰. XXX т. включил таким образом посольские дела, грамоты об установлении границ с Ливонией, уставные грамоты за 30—60 гг. XVI в. Среди этих документов — Устава на волоки, уже однажды изданная к этому времени⁸¹. Таким образом в изданиях Русской исторической библиотеки появились 1—7 книги публичных дел, за исключением книги 3, которая относится к рижскому архиепископству и Ливонии, и 5, во многом дублирующей 4-ю.

Серия „Русская историческая библиотека“ отличается от всех предыдущих, прежде всего, выбором объема издания. Археографическая комиссия задумала публикацию всех книг метрики до 1569 г. подряд. Так и были изданы первые тома. Исключения делались в тех случаях,

⁷⁴ ЛЗАК за 1906, вып. 19, Спб. 1908, стр. 20—41.

⁷⁵ Там же, стр. 15—18.

⁷⁶ РИБ, т. XXVII, Спб. 1910. Писарская копия окончания пятой книги записей находится в Архиве ЛОИИ, ф. 276, оп. 1, № 2.

⁷⁷ РИБ, т. XXXIII, Спб. 1917. Части пописа 1528 г. изданы были ранее в „Актах Виленской Археографической комиссии“, т. XIII и XXIV (по книгам Виленского Центрального архива), а также в III т. „Archivum ks. Sanguszków“ (по копии XVII в.).

⁷⁸ Он был обнаружен С. Л. Пташицким в 1901 г.; См. С. Л. Пташицкий, Попис литовского войска 1567 года, ЛЗАК за 1902 г., вып. 15, Спб. 1905, стр. 25—391.

⁷⁹ ЛЗАК за 1906 г., вып. 19, стр. 44.

⁸⁰ РИБ, т. XXX, Юрьев 1914.

⁸¹ Устава на волоки и дополняющие ее документы шестой книги литовских публичных дел метрики литовской, Юрьев 1913.

когда одна книга дублирует другую, или в переплетенные в XVIII в. книги были включены явно не относящиеся туда материалы (третья книга судных дел).

Во-вторых, серия отличается от предыдущих совершенно иными археографическими принципами: текст воспроизводился во всей его неприкосновенности. Титла раскрывались, причем дополнения вносились в скобки, поправки делались внизу текста. Сохранялась старая орфография и старые буквы⁸². Не указаны только выносные, между тем и это необходимо, поскольку книги-копии, может быть, и в самом написании повторяли написание подлинников, в том числе и древних. Может быть в этом отношении поучителен опыт К. Яблонскиса, когда он, публикуя сравнительно новые документы XVII—XVIII вв., включенные в них акты времени Витовта воспроизводил, полностью сохраняя орфографию подлинника⁸³.

Кроме того, все издания Русской исторической библиотеки сопровождаются указателями именными, географическими, предметными или точнее, как названо П. А. Гильдебрандтом, указателем предметов и речений. Единственным недостатком изданий Археографической комиссии было отсутствие единообразия в составлении заголовков. Не различались типы жалованных, данных и купчих жалованных и подтвердительных и т. д. Впрочем это соответствовало тогдашнему уровню русской дипломатики⁸⁴.

Все эти издания вышли накануне или в самом начале первой мировой войны, которая положила конец деятельности археографической комиссии по публикации книг Метрики.

В самом начале войны увидело свет и последнее из описаний метрики, подготовленное П. Г. Бережковым и С. К. Шамбинаго под ред. С. Л. Итацицкого — описание 5—11 книг Литовской метрики⁸⁵.

Кроме того, в этом „описании” были опубликованы 1 и 2 книги

⁸² Корректуры проверялись по подлиннику. Так, И. И. Лаппо при издании книг записей специально для этого ездил из Юрьева в Петербург. См. ЛЗАК за 1906 г., вып. 19, Спб. 1908, стр. 47.

⁸³ K. Jablonskis, Apie vergus Didžiūjoje Lietuvos kunigaikš tysteje XVI amžiaus pradžioje, „Praetis”, Kaunas 1930, t. I, s. 304—317.

⁸⁴ С. М. Каштанов, К историографии крепостного права в России, „История и историки”, М. 1965, стр. 270—312.

⁸⁵ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции, кн. 21, М. 1915. Археографической же комиссией, вернее ее членом П. Л. Гильдебрандтом, было подготовлено издание оглавления 9, 10, 77 и 86 книг. См. П. А. Гильдебрандт, Старинные описи Литовской метрики, ЛЗАК за 1888—1894 гг. вып. II, Спб. 1903.

записей, которые сами по себе являются реестром утраченных к этому времени документов.

После революции неоднократно делались попытки возобновления издания метрики. К этому неоднократно призывали и советские, и польские историки⁸⁶. Во втором томе „Беларускага архіва”⁸⁷ Д. И. Довгялло опубликовал так называемую 16 книгу Записей, содержащую жалованные грамоты и выроки Яна Юрьевича Глебовича, бывшего в 1530—32 гг. наместником в Витебске, а в 1533—39 гг. — в Полоцке. В книге встречаются и включенные акты, более древние (начиная с 1476 г.) Как справедливо указал рецензент этого издания Р. Меницкий⁸⁸, эта книга записей содержит документы, близкие к тем, которые издавал Центральный архив в Витебске, документы „городских книг” Полоцка, Витебска, Мстиславля. Эта книга происходит не из великокняжеской канцелярии, а из канцелярии витебского наместника и вероятно случайно попала в Литовскую метрику в период Ливонской войны.

Д. Довгялло передавал текст довольно точно, хотя и опустил древние буквы ук, юс и т.д. Однако Д. Довгялло вернулся к практике конца XIX в., отказавшись от составления заголовков документов.

Как бы то ни было издание Д. Довгялло — это последняя публикация из книг Литовской метрики.

Только в послевоенные годы были изданы отдельные документы. К. Яблонский, Р. Ясас и И. Орда опубликовали ряд документов из 14, 21, 225, 227, 248, 300, 319 и др. книг записей⁸⁹ в сборнике „Тяжбы литовских крестьян и жителей местечек с управителями имений”. Отдельные документы стали проникать и в московские, украинские и белорусские издания⁹⁰.

⁸⁶ Это были Д. И. Довгялло, Р. Меницкий, Ст. Кентжинский. Последний писал еще в 20-х гг. XX в.; См. St. Kętrzyński, Teraźniejszość i przyszłość nauki historycznej w Polsce. „Historycy o historii”, pod red. M. H. Serjelskiego, Warszawa 1963, s. 646.

⁸⁷ Беларускі Архіў, т. II, XV—XVI ст., Інстытут Беларускае культуры Археаграфічная камісія, Менск 1928.

⁸⁸ R. Mienicki, „Ateneum wileńskie”, r. VII, Wilno 1930, z.I, s. 365—370.

⁸⁹ Lietuvos valstiečių ir miestėlinų ginčai su dvaru valdytojais. Dokumentu rinkinys. I dalis. XVI—XVII amžiai. Sud. K. Jablonskis, Vilnius 1959. II dalis. XVIII amžiais. Sud. R. Jasas i J. Orda, Vilnius 1961.

⁹⁰ Л. В. Черепнин переиздал 4 грамоты середины XV в. (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XX вв., М.—Л. 1950, №№ 39, 53, 54), опубликованные ранее П. А. Мухановым и И. И. Григоровичем, однако издал их в полном соответствии подлиннику. По упрощенной транскрипции опубликован договор Казимира со Псковом от 30. XII. 1440 г. в сборнике „Грамоты Великого Новгорода и Пскова”, М.—Л. 1949, № 335. Українські грамоти

Однако в целом издание материалов метрики вернулось к уровню 30—40-х гг. XIX в.; издаются отдельные документы, тексты передаются по упрощенной транскрипции.

В целом публикация метрики прошла четыре этапа. Первый конец XVIII — 30—40-е годы XIX в., когда издавались отдельные случайные документы или небольшие книги метрики. В 40—70-е гг. Археографическая комиссия издавала документы метрики по хронологическому и географическому принципу. В конце XIX в. — начала XX в. составлялись тематические публикации, в которые включались отдельные документы по избранной теме (историко-географический принцип). Наконец, в первом-втором десятилетиях XX в. началось систематическое издание книг метрики, осуществлявшееся И. И. Лаппо, С. Л. Штапицким и П. А. Гильдебрандтом, но при этом только 10 с половиной книг метрики конца XV начала XVI вв. увидели свет в пригодном для исследования виде в „Русской исторической библиотеке“.

Источниковедческие исследования метрики почти не проводились. Исключение составляет лишь работа Н. Г. Бережкова, который восстановил состав подлинных книг XV — начала XVI вв., т.е. древнейшей части метрики и показал, что книги-копии воспроизводит не случайные документы, а книги, ведшиеся в великокняжеской канцелярии XV в. Некоторым недостатком монографии Н. Г. Бережкова является отрыв истории канцелярии Великого княжества Литовского от общей социальной и политической истории Литвы и Белоруссии в это время.

Для метрики более позднего времени вопрос о соотношении подлинных книг с книгами-копиями становится более ясным, но не менее важным. Продолжение исследования Н. Г. Бережкова — одна из очередных задач источниковедческого исследования метрики⁹¹.

Помимо книги Н. Г. Бережкова специальных источниковедческих работ по Литовской метрике крайне мало. В качестве исключения можно назвать только две статьи В. В. Дорошенко, в которых приведены сведения о характере имеющихся в 75, 79, 80, 81, 82, 87, 90, а также 575, 576, 577 книгах записей документов (т.е. в семи книгах записей времени польского короля Сигизмунда III Вазы конца XVI — первой трети XVII вв. и в трех книгах переписей, отражающих деятельность польских ревизоров 1583, 1586, 1590 гг.) по истории Эстонии и Латвии, их общем количестве, географическом и хронологическом распределении. В. В. Дорошенко указал на наличие древних грамот

XV в., подготовка текста В. М. Русанівського, К. 1965, №№ 14—19, 24, Додатки II; см. также В. Розов, Українські грамоти XIX—XV вв., К. 1928.

⁹¹ Н. Г. Бережков, Литовская метрика как исторический источник, ч. I. О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 год, М.—Л. 1946.

орденского времени XV—XVI вв. и литовских того же времени (в основном XVI в.)⁸².

Методически эти статьи В. В. Дорошенко очень важны, так как показывают путь к дальнейшему исследованию этого сложного архива. Обработанные таким образом материалы легко сопоставить с материалами других архивов и понять, сообщают ли они случайные сведения или систематические.

К сожалению, в других работах материалы метрики используются без предварительной их оценки в качестве источника. Не проделал предварительного источниковедческого анализа и такой крупный специалист в области истории крестьянства Литвы и Белоруссии, как Д. Л. Похилевич.

Препятствием для всяких источниковедческих наблюдений оказывалось прекращение публикации метрики.

В настоящее время необходимо вновь поставить вопрос о насущной необходимости возобновления систематической работы над метрикой.

В настоящее время в ее составе в СССР (ЦГАДА) осталось 190 книг записей (до 1771 г.), 301 книга (с № 221 по 522) судебных дел (с 1510 по 1774 гг.), 35 книг (книги 523—558) публичных дел (с 1528 по 1790 гг.), 23 книги переписей (книги 559—582).

Все остальные книги (выписей, инвентари, новые книги), собранные из древних актов в 1835 г., дела новейшего производства второй половины XVIII в., межевые карты и т.д., были сданы в Польшу в 20-е гг.

Никакой работы по описанию метрики в Центральном Государственном Архиве Древних Актов не ведется.

По существу работы по систематизации и изданию метрики нужно начинать заново. Не осталось в живых не только исследователей Литовской метрики, нет и их архивов, в которых содержались подготовительные материалы для публикаций (М. В. Довнара-Запольского, Д. И. Довгяллы и др.). Поэтому прежде чем переходить к каким-либо организационным мероприятиям, необходимо обсудить вопрос о направлении этой работы и определить, что является первоочередным в работе над метрикой — продолжение описания или публикация, какие формы должно принять описание, какие принципы публикации следует брать в дальнейшем за основу.

Некоторыми соображениями по этим вопросам, соображениями, касающимися в первую очередь книг записей, которые можно предло-

⁸² В. В. Дорошенко, *Estonica в актах Литовской метрики*. Известия АН ЭССР, т. VII, 1958, № 4; его же, *Акты Литовской метрики как источники по истории Латвии*. Известия АН Латв. ССР, № 12, 1957.

жить на самое широкое обсуждение, мне и хотелось поделиться во второй части своего сообщения.

Исходя из чисто научных интересов можно было бы рекомендовать продолжение систематических публикаций книг метрики в том направлении, которое было начато Археографической комиссией с двумя поправками при этом. Во-первых, не ограничиваться указанием на то, что некоторые книги дублируют друг друга, а воспроизводить варианты, установив при этом, какая из книг-копий лучше передает содержание подлинника.

Во-вторых, в соответствии с достижениями современной дипломатики, необходимо разработать принцип составления заголовков к актовому материалу. Последовательная публикация книг Литовской метрики целесообразна для раннего периода — до Ливонской войны.

Возможны и другие типы публикаций: публикации, основанные на историко-географическом принципе, такие, например, как „Акты Литовской метрики времени Витовта“, „Акты социально-экономической истории Великого княжества Литовского XIV—XVI вв.“, по образцу последних изданий русского актового материала „Актов социально-экономической истории северо-восточной Руси“. Но эти публикации в отличие от тематических публикаций конца XIX в. должны включать в себя все без исключения акты, относящиеся к данной теме. Это предполагает просмотр — сплошной просмотр не только книг записей, но и книг судебных дел до самого конца XVIII в., т.к. и в поздних материалах много древних включенных актов. Работа еще более трудоемкая, чем при последовательной публикации тома за томом. Вероятно, такие тематические публикации целесообразно составлять из древних грамот, включенных в книги второй половины XVI—XVIII вв.

Для книг второй половины XVI—XVII вв. насущной представляется работа по описанию книг записей, продолжение того, что было начато Н. Г. Бережковым и К. С. Шамбигаго.

Публикация регестов книг записей должна, как и в описании Бережкова, сопровождаться археографическим введением с описанием почерков, водяных знаков, пробельных листов с целью установить происхождение отдельных частей книги.

В заключение желательно было бы также поместить тематический указатель грамот, относящихся к истории землевладения, посольских документов и т.д. Как каждое современное издание, каждый том регестов должен сопровождаться именовым и географическим указателем.

Составление регестов, в соответствии с достижениями советской и зарубежной дипломатики, может облегчить пользование и теми книгами метрики, которые еще не скоро увидят свет.

Большую часть книг записей составляют акты — пожалованные купчие, выроки (соответствующие русским правым грамотам), которые пока еще не подвергались дипломатическому анализу.

Препятствием как для издания Литовской метрики, так и для составления регестов будет заметное отставание дипломатики Великого княжества Литовского как от русской, которая усилиями издателей и исследователей русских средневековых актов С. Б. Веселовского, И. А. Голубцова, Л. В. Черепнина, А. А. Зими́на, С. М. Каштанова достигла в послевоенные годы больших успехов, так и от западноевропейской, в частности, польской. Исследователи литовской дипломатики уделяли главное внимание более раннему времени — XIV — началу XV вв. (работы Вл. Семковича К. Яблонского, Л. Якубовского, К. Ходыницкого, Е. Охманского)⁸².

Дипломатика же XV—XVI вв. находится пожалуй в зачаточном состоянии: не исследованы особенности и динамика протокола литовского акта в связи с социальной и политической историей Великого княжества Литовского и отдельных земель, входивших в его состав. Немногие работы, посвященные дипломатике Великого княжества Литовского XV—XVI вв., освещают лишь частные вопросы, но большей частью не связанные с Литовской метрикой⁸³.

И говоря о задачах дипломатики Великого княжества Литовского, следует согласиться с предложениями, выдвинутыми польским истори-

⁸² Wł. Semkowicz, Przywileje Witolda dla Moniwida i testament jego syna Jana Moniwidowicza, „Ateneum Wileńskie” (далее AW), t. I, 1924, s. 253—267; его же, Pierwsze przywileje fundacyjne Witolda dla kościoła na Żmudzi, „Kwartalnik Historyczny”, t. XLIX, 1930, s. 348—355; его же, Nieznane nadanie Witolda dla osób prywatnych, AW, t. VII, 1930, s. 845—857; К. Socha wicz, Najdawniejsze dyplomy Witolda W. Ks. Litewskiego, AW, 1926, s. 374—389; его же, Zaginione dokumenty Witolda W. Ks. Litewskiego dla Cebrowskich N. Hołobok, AW, t. IV, 1927, s. 208—213; К. Jablonskis, Del 1408 metu Vytauto privilegijos Kaune miestui tikrumo, „Praetis”, t. II, Kaunas 1930, s. 329—339; его же, Nauji Vytauto laikotarpio aktai, „Praetis”, t. II, Kaunas 1932, s. 375—411; J. Jakubowski, Przywilej Witolda dla m. Kowna 1408, AW, t. VII, 1930, s. 840—844; К. Chodynicki, O wpływach polskich na dokument ruski W. Ks. Litewskiego, „Pamiętnik IV PZHP”, Lwów 1925, t. I, s. 1—7; его же, Książę Litewski na Kujawach w w. XIV. Przyczynek do dyplomatyki i sfragistyki książąt litewskich. „Prace komisji historycznej PTPN”, t. VII, Poznań 1933; J. Ochmański, Najdawniejsze przywileje Jagiełły i Witolda dla biskupstwa Wileńskiego 1387—1395. „Zeszyty naukowe UAM”, Historia, t. V, 1961, s. 19—39.

⁸³ Fr. A. Doubek, Formuła pozdrowienia (Salutatio) w „Codex epistolaris Vitoldi” (Przyczynek do rytymiki zdania), AW, t. VII, z. I, s. 505—527; J. Bardach, Z praktyki kancelarii litewskiej za Zygmunta I Starego, „Prace z dziejów Polski feudalnej, ofiarowane R. Grodeckiemu w 70 rocznicę urodzin”, Warszawa 1960,

ком М. Косманом³⁵: изучение литовского документа и велико княжеской канцелярии, а также духовных, городских, наместничьих и др. частных канцелярий должно вестись одновременно с обработкой и изданием документов, в частности Литовской метрики.

Историкам Литвы, Белоруссии и Украины принадлежит решающая роль и решающее слово в определении дальнейшей участи Литовской метрики, в изучении литовской и белорусской дипломатики.

Хочется надеяться, что прочное и деятельное содружество литовских, белорусских и русских историков приведет к возобновлению публикации и описанию материалов Литовской метрики.

s. 321—352; W. Semkowicz, *Hanul — namiestnik wileński (1382—1387) i jego rząd*, AW, t. VII, 1930, s. 10; Н. Ясінскі, *Пісарь Вяліката Казіміра Васіль Паулович Любич*, Беларускае АН. Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы класу гістарыі, т. III, Мінск 1929.

³⁵ М. Косман, *Указ. соч.*, стр. 190—191.

Я. Тишонелите

Вильнюс

АЛЬБЕРТ ВИЮК КОЯЛОВИЧ — ХРОНИСТ XVII В.

Старый Вильнюсский университет, называемый Академией (1579—1773), Главной школой Литвы (1781—1803), Вильнюсским Императорским университетом (1803—1832) дал Литве целый ряд выдающихся деятелей науки и литературы, как К. Ширвидас, М. К. Сарбиевиюс, М. Даукша и др. Среди них важную роль сыграли и братья Кояловичи: Альберт, Казимир и Петр, особенно Альберт, которого многие библиографы¹ именуют по-польски Wojsiech.

Жизнь, а также литературное наследствие Альберта Кояловича в советской литературе весьма мало исследованы и недостаточно оценены, несмотря на то, что его труд „История Литвы” и другие произведения часто упоминаются.

Об Альберте Кояловиче имеются сведения у старых библиографов: Н. Сотвеля, Ст. Бровна и др. В польской литературе к К. Кояловичу проявлен интерес довольно давно; его большими поклонниками были польские историки и биографы: М. Балинский, И. Белинский, Л. Голембевский, А. Чарторьский, Иг. Ходинский, Ф. Бентковский, М. Вишневецкий и ряд других. Упомянутые историки, биографы и литературоведы дали большие сведения об А. Кояловиче, однако не исследовали его научную и литературную деятельность.

В годы буржуазной власти в Литве А. Кояловичем занимались

¹ К. Эстрейхер, И. Белинский, М. Балинский, Л. Финкель, И. Бровн, Иг. Ходиницкий.

А. Дамбраускас, П. Бучис, И. Тотарайтис, И. Матусас-Садаускас².

В послевоенные годы также начато более широкое исследование творчества А. Кояловича, как например, в I томе Истории литовской литературы под редакцией проф. К. Корсакаса (1957), в статье проф. И. Ионинаса в книге „Очерки истории исторической науки в СССР” (т. I, 1955), где впервые были оценены его труды с марксистских позиций, а также в статье В. Жулиса „А. Виок-Коялович и его „История Литвы”, напечатанной в „Пяргале” (1959, № II, стр. 149—162).

В последнее время возрос интерес к латинской литовской литературе, в которой видное место занимают труды А. Кояловича.

Исследуя научно-литературную деятельность А. Кояловича, следовало бы вкратце ознакомиться с его жизнью.

Альберт Коялович, в своих произведениях написанных на польском языке подписывавшийся Albert Wijuk Kojałowicz, происходил из литовских дворян, имевших герб называемый по-польски kościegza, по-литовски vjukas³. Эти дворяне проживали вблизи от Каунаса около Раудондвариса, где имели свое поместье⁴. По данным библиографов⁵, Альберт Виок Коялович родился в Каунасе в 1609 г. О его начальном образовании никаких сведений не имеется. Известно лишь, что 16 августа 1627 г. он вступил в Иезуитский орден, изучал философские науки в 1628—1629 гг. в Вильнюсе, а в 1629—1630 гг. в Несвиже. Весной 1630 г. он закончил первый философский курс и с хорошей оценкой сдал экзамен⁶. В 1630—1631 гг. он учился в так называемом физическом классе. Осенью того же года изучал метафизику, курс которой успешно закончил в 1632 г.⁷ Из-за отсутствия полных данных трудно установить, где находился А. Коялович в 1632—1634 гг. и чем занимался после окончания курса философии в Несвиже. Осенью 1634 г. он начал изучать теологию в Вильнюсской Академии, и в 1636 г. после

² A. Dambrauskas, Pamokslas Kauno Bazilikoje 1927.II.6, švenčiant A. Kojelavičiaus 250 metų mirties sukaktį. P. Būčys, Albertas Kojelavičius, Tiesos kelias 1928, I. psl. 18—28. J. Totaraitis, A. Vjukas Kojelavicius, Tiesos kelias 1928, psl. 15—18. J. Matusas, Ar. A. V. Kojelavičius buvo garsus Lietuvos istorikas, Tiesos kelias 1929, psl. 252—255.

³ K. Niesiecki, Herbarz polski, t. V, Lipsk 1840, стр. 148.

⁴ St. Rostowski, Lituanicarum Societatis Jesu Historiarum provincialium, pars. I, p. 358.

⁵ Библиографы устанавливают год рождения Кояловича по году его вступления в Иезуитский орден; при вступлении в Иезуитский орден ему было 18 лет

⁶ ВГУ, НБ рукопись В7, стр. 1289, I, 29 в.

⁷ Там же, I, 48 а.

успешной сдачи экзаменов окончил первый курс теологии⁸, в 1636 г. — второй⁹, а в 1637 г. три курса теологии¹⁰. В 1638 г. он окончил Академию с правом преподавания философии и теологии¹¹. По окончании Академии А. Коялович, как и другие иезуиты, вероятно, 10 месяцев провел в новициате¹². Затем, получив два года для дальнейшего обучения, продолжал изучать философию и в 1641 году, ему была присвоена ученая степень доктора философии¹³. 15 мая 1642 г. А. Коялович вместе со своими братьями — Казимиром и Петром и Адамом Соколевским поехал в Каунас учредить новый иезуитский дом¹⁴, который в 1653 г. был преобразован в Каунасскую иезуитскую коллегию. В 1643 г. он вернулся в Вильнюс, где преподавал в Академии философию и теологию¹⁵. В 1644 г. на один год был послан в Браунсберг¹⁶ для преподавания схоластической теологии. По возвращении оттуда в 1645 г. успешно защитил докторскую диссертацию по теологии¹⁷, после чего некоторое время был профессором Академии. В 1649 г. А. Коялович был вице-канцлером Вильнюсской Академии¹⁸. Трудно установить время его пребывания на этом посту. Известно лишь то, что в 1654 г. он руководил Вильнюсской Академией, несмотря на то, что в списках ректоров он не числится. В списке ректоров находится испанец Бенедикт де Сокса, который в виду преклонного возраста и болезни своих обязанностей не исполнял. Его обязанности исполнял А. Коялович¹⁹. В 1655 г. конгрегацией провинции, которая происходила в Варшаве, А. Коялович был избран прокуратором²⁰. Место пребывания А. Кояловича в 1655—1656 гг. трудно установить из-за отсутствия ежегодных каталогов иезуитов. Известно лишь, что в 1657 г. он пре-

⁸ Там же, I, 119 а.

⁹ Там же, I, 119 в.

¹⁰ Там же, I, 120 а.

¹¹ Там же, I, 72 а.

¹² По положению Иезуитского ордена все окончившие курс Академии обязаны были провести 10 месяцев в новициате и лишь после этого они становились полноправными членами ордена.

¹³ K. Estreicher, *Bibliografia polska*, T. XIX, ч. III, Kraków 1903, стр. 401.

¹⁴ S. Rostworowski, *Lituanicarum historiarum provincialium soc. Jesu*, pars I, стр. 358.

¹⁵ Каталоги профессоров Академии ВГУ, НБ.

¹⁶ В настоящее время Braniewo (Польша) Ольштынское воеводство.

¹⁷ ВГУ, НБ, ДС-I.

¹⁸ Вице-канцлер Академии исполнял обязанности заместителя ректора, т.е. вел канцелярию и занимался всеми учебными делами.

¹⁹ J. Bieliński, *Kojałowicz Wijuk Wojciech*, *Wielka Encyklopedia powszechna ilustrowana*, т. XXXVI, Warszawa, стр. 981.

²⁰ Прокуратор — это поверенный, избираемый конгрегацией провинции. На конгрегации он представлял дела иезуитов своей провинции.

живал в Вильнюсе и был духовником столичного епископа²¹. С 1658 г. А. Коялович вначале проживал в Бресте-Литовском, а затем — в Слониме. В 1661 г. он был проповедником при доме иезуитов костела Св. Казимира в Вильнюсе, а в 1663 г. — начальником этого дома²². Эти обязанности он исполнял до 1666 г. Затем А. Коялович был переведен в Варшаву, где прожил вплоть до самой смерти, т.е. до 6 октября 1677 г.

Более ранние библиографы, историки и литературоведы характеризуют А. Кояловича как скромного, трудолюбивого и весьма способного писателя²³. Он отлично владел античными языками: латинским и греческим, а также польским, итальянским и испанским.

А. Коялович как писатель был очень плодотворным. Как и большинство иезуитов того времени, он начал свою литературную деятельность с составления религиозных книг и учебников для учащихся Вильнюсской Академии²⁴.

Его труды делятся на религиозно-философские — полемические и исторические. Большинство своих трудов он опубликовал в печати, но часть осталась в рукописях. Писал он большей частью на латинском, а частично и на польском языках; пытался переводить с итальянского и испанского на латинский язык. К. Эстрейхер зарегистрировал 38 трудов А. Кояловича²⁵. Возможно А. Коялович начал писать будучи еще студентом в Несвиже и в Вильнюсской Академии²⁶. Однако первые его произведения не были опубликованы. Некоторые библиографы²⁷ считают его первым трудом „Беседу теолога со слугой по вопросу о религиозном споре между католиками и кальвинистами”²⁸, изданную 1635 г. Однако, имея ввиду, что А. Коялович в упомянутом году еще не был ксендзом, указанную дату этих библиографов следует отклонить, ибо такой труд он в то время вряд ли еще был способен написать. Началом его литературной деятельности, очевидно, следует считать тот период, когда А. Коялович после окончания Академии находился 10 месяцев в новициате, а затем ему было предоставлено 2 года для самостоятельных студий²⁹.

²¹ S. Załęski, *Jezuici ...*, т. IV, ч. I, стр. 83—84.

²² Назывался препозитом.

²³ S. Załęski, *Jezuici ...*, т. IV, ч. I, стр. 83—84.

²⁴ K. Estreicher, *Bibliografia polska*, т. XIII, ч. III, Kraków 1903; K. N. Sotvelli, *Bibliotheca scriptorum soc. Jesu, Romae 1676*, стр. 18—19.

²⁵ K. Estreicher, *Bibliografia polska*, т. XIX, ч. III, Kraków 1903.

²⁶ K. Sommervogel, *Bibliothèque de la Compagnie de Jésus*, т. IV, Bruxelles-Paris 1893, стр. 1164—1170.

²⁷ J. Brown, *Biblioteka pisarzów asystencji polskiej Tow. Jes.*, Poznań 1862.

²⁸ *Colloquia Theologi cum Ministro de dissidiis in rebus fidei inter Catholicos et Calvinistas*. Vilnae 1635.

²⁹ J. Bieliński, *Uniwersytet Wileński*, т. III, Kraków 1859—1900, стр. 10.

В 1640 г. Иезуитский орден отметил первое столетие своей деятельности. По этому случаю Вильнюсская Академия издала сборник речей под редакцией А. Кояловича³⁰. В этот сборник включена также речь А. Кояловича, в которой перечислены канцлеры Вильнюсской Академии³¹. Скорее всего к первым трудам Кояловича относится трактат о жизни Л. Бартилиуса³², учебник этики³³, в котором вкратце изложена система этики Аристотеля и целый ряд полемических трактатов по вопросам религии³⁴.

Больше всего А. Коялович интересовался прошлым Литвы. Плодом его долголетнего труда является „История Литвы” в двух частях. Первая часть³⁵ охватывает период с самого начала до введения христианства в Литве и соединения Великого княжества Литовского с Польским королевством. Эта часть издана в Гданьске в 1656 г. состоит из 9 книг, всего 399 страниц. Вторая часть³⁶ от соединения Великого княжества Литовского с Польским королевством до Люблинской унии. Она издана в Антверпене в 1669 г. состоит из 8 книг — 496 страниц.

Этот большой труд „Истории Литвы” („Historia Lithuaniae”) не является полностью самостоятельным, о чем автор пишет в первой части своего труда: „Я собираюсь писать историю не заново, а обработать „Хронику” Матвея Стрийковского согласно литературным требованиям”³⁷. Цель этого исторического труда, как сам А. Коялович указывает в предисловии, состоит в том, чтобы по нему молодежь могла познакомиться с историей своей страны, с малых лет изучать латинский язык. Возможно А. Коялович и преследовал последнюю цель, однако, основным он, видимо, считал ознакомить молодежь и общественность того времени со славным прошлым своей родины. В начале своего труда А. Коялович пишет, что немало людей намеревались перевести „Хронику” М. Стрийковского на латинский

³⁰ Gratiae Saeculares Pontificibus, Regibus, Praesulibus et Protectoribus soc. Jesu in hoc Magno Ducatu Lithuaniae, Vilnae 1640.

³¹ Епископы Вильнюса являлись канцлерами Академии.

³² De vita et moribus R. P. Laurentii Bartillii (год издания не указан). Лаврентий Бартилиус был провизчиком Литвы в 1635 г.

³³ Compendium Ethicae Aristotelicae, Vilnae 1645.

³⁴ Colloquia theologi cum dissidente de electione prudenti unius verae christianae religionis, Vilnae 1640.

³⁵ Historiae Lithuaniae pars prior; de rebus Lithuanorum ante susceptam christianam religionem, coniunctionemque Magni Lithuaniae Ducatus cum Regno Poloniae, libri novem.

³⁶ Historiae Lithuaniae pars altera, seu de rebus Lithuanorum a coniunctione Magni Ducatus cum Regno Poloniae ad unionem eorum dominiorum, libri octo.

³⁷ История Литвы, ч. I, т. I, стр. 3.

язык и вторично ее издать³⁸. Однако, не объясняет, кого он имеет в виду. Вероятно, он здесь выражает не столь желание других, сколько собственное желание заново написать историю Литвы, используя „Хронику” М. Стрийковского, составленную на польском языке. Впрочем, возможно Коялович имел в виду феодалов Литвы, среди которых еще проявлялись тенденции государственной самостоятельности, господствовавшие еще долго после Люблинской унии. Феодалной общественности нравилось прошлое Литвы, описанное в „Хронике” М. Стрийковского: свобода дворян, их политические и культурные традиции. Несмотря на то, что после Люблинской унии прошло много лет, феодалная общественность Литвы еще во времена Кояловича не могла с ней полностью примириться. Литовские феодалы XVII века нуждались в доказательствах — отличного от польского — славного прошлого Литвы, чтобы иметь чем похвастаться перед польскими феодалами. Они жаждали вспомнить те времена государственной самостоятельности Литвы, которые описывает в своей „Хронике” М. Стрийковский. Поэтому они и желали иметь вновь написанную историю своего государства.

Возможно, писать историю Литвы А. Кояловича побуждал К а з и м и р Л е о н С а п е г а (1609—1656), которому А. Коялович посвятил свой труд. Однако следует заметить, что А. Коялович интересовался прошлым Литвы не только из-за чужой прихоти, но и сам проявлял большой интерес к прошлому Литвы, о чем свидетельствует его литературное наследство.

Больше всего А. Коялович изучал прошлое Литвы в бытность его профессором Вильнюсской Академии. Кроме первой части „Истории Литвы” („*Historia Lithuaniae*”), он в то же время написал историю литовской церкви³⁹, комментарии к войне на Украине⁴⁰ и хронику Радзивиллов⁴¹. Кроме того, как указывает М. Б а л и н с к и й, А. С о б е щ а н с к и й, а также К. Э с т р е й х е р⁴², он примерно в то же время написал и „Хронику Ходкевичей”. Последняя была издана и осталась только в рукописи, которая погибла во время войны в 1655 г. В то же время А. Коялович написал „Гербы литовских дворян”. Первая редак-

³⁸ История Литвы, т. I, стр. 2: Optabant itaque non pauci, ad auctoris rerumque ipsarum memoriam in securo reponendam, librum iterato sub proelum mitti: et quidem latine loquentem ut a pluribus posthac intellegeretur.

³⁹ *Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in Magno Lithuaniae Ducatu pertinentium*, Vilnae 1650.

⁴⁰ *De rebus anno 1648 et 1649 contra Zaporovios Cosacos gestis*, Vilna 1651.

⁴¹ *Fasti Radiviliani. Gesta illustrissimae domus ducum Razivill compendio continentes*, Vilnae 1653.

⁴² К. E s t r e i c h e r, *Bibliografia polska*, т. XIX, ч. III, Kraków 1903.

ция этого труда, благодаря содействию Вильнюсского епископа Тышкевича, была отпечатана в 1656 г. в Вильнюсе⁴³. Позднее труд „Гербы” переписывался трижды и окончательно был напечатан лишь в 1897 г. Несомненно, важнейшим трудом Кояловича как в историографическом, так и в литературном отношении, является „История Литвы”.

Как выше было указано, „История Литвы” („*Historia Lithuaniae*”) не является вполне самостоятельной работой А. Кояловича. Создавая этот крупный труд о прошлом Литвы, он вновь обработал „Хронику” М. Стрийковского согласно литературным требованиям и историческим законам⁴⁴. В дальнейшем многие историки по-разному оценивали „Историю Литвы” А. Кояловича: некоторые⁴⁵ считали его лишь хорошим переводчиком „Хроники” М. Стрийковского, другие⁴⁶ — крупнейшим историком XVII века.

И. Матусас в статье „Были ли Коялович выдающимся историком Литвы”⁴⁷. А. Кояловича считает лишь опытным редактором и переводчиком на латинский язык материала, собранного в „Хронике” М. Стрийковского. И. Матусас не считает А. В. Кояловича выдающимся историком Литвы. С другой стороны выдающийся немецкий историк XVIII века Ладвик Шлецер перевел I часть „Истории Литвы” („*Historia Lithuaniae*”) А. В. Кояловича на немецкий язык и считает его крупнейшим историком Литвы XVII века⁴⁸. Следовательно, оба мнения противоположны. Нельзя полностью согласиться со мнением И. Матусаса, который не считает А. В. Кояловича выдающимся историком Литвы на основании нескольких неточностей в „Истории Литвы”, и с другой стороны, нельзя не считаться с мнением выдающегося немецкого историка XVIII века Л. Шлецера.

Оценить А. В. Кояловича можно лишь ближе познакомившись с его трудом, который бесспорно имеет много положительных черт.

Действительно, труд А. Кояловича имеет с „Хроникой” М. Стрийковского большое сходство, но в то же время можно обнаружить и большие различия. А. Коялович по-иному представляет происхождение литовцев⁴⁹, Вильнюсский-Радомский договор 1401 г.⁵⁰ попытки Витаутаса короноваться королем Литвы⁵¹. Имеются и другие различия.

⁴³ К. Estraicher, там же.

⁴⁴ История Литвы, ч. I, т. I, стр. 3.

⁴⁵ D. Braun, *De scriptorum Poloniae et Prussiae virtutibus et vitiis catalogus et iudicium*, Coloniae 1723, I. 36—37.

⁴⁶ A. L. Schlözer, *Geschichte von Litauen*. th. 50, Halle 1785, p. 22.

⁴⁷ Tiesos kelias 1929. I. psl. 252—255.

⁴⁸ *Geschichte von Litauen*, th. 50. Halle 1785, p. 22.

⁴⁹ История Литвы, ч. I.

⁵⁰ Там же, т. II, стр. 66—67.

⁵¹ Там же, т. II, стр. 124—138.

Обращает на себя внимание и иная композиция „Истории Литвы” А. Кояловича.

„Хроника” М. Стрийковского, изданная в 1582 г. это крупный исторический труд, состоящий из 24 книг, объемом в 788 страниц. Книги разбиты на главы, между которыми нет никакой связи. Композиция „Хроники” непоследовательна, запутана. М. Стрийковский пытался излагать факты по годам, но одновременно стремится дать все события Восточной Европы, что заставляет его не соблюдать последовательности в изложении исторических фактов. Например, за главой о коронации Миндаугаса следует глава о Даниле Романовиче, затем говорится об отказе Миндаугаса принять христианство, о великом Прусском восстании, о военных походах литовцев в Мазурию и т.п. „Хроника” большей частью продолжает традиции летописцев.

Композиция „Истории Литвы” („*Historia Lithuaniae*”) А. Кояловича гораздо стройнее, чем композиция „Хроники” М. Стрийковского.

В „Истории Литвы” автор лишь изредка отклоняется от описываемых исторических событий. „История Литвы” („*Historia Lithuaniae*”) состоит из двух частей, из них каждая делится на книги. Первая часть состоит из 9 книг, вторая — из 8. Исторические события в „Истории Литвы” сгруппированы по эпизодам. Описанный материал связан с Литвой. Описание события русского и польского государств также связаны с Литвой. При отборе и группировке исторических событий А. Коялович описывает центральные эпизоды, подчеркивает важнейшие моменты этих событий, идейно объединяет их в одну систему. Впрочем, исторические события он описывает по годам, продолжая традиции антики и ренессанса.

В. Жулус положительно оценил художественную сторону „*Historia Lithuaniae*” А. В. Кояловича. В своей статье⁵² подчеркивает, что „История Литвы” („*Historia Lithuaniae*”) А. В. Кояловича своим жанром, композицией и стилем значительно отличается от „Хроники” М. Стрийковского. В данном случае А. Коялович — создатель художественных сцен, и его „История Литвы” является оригинальным произведением. Следует отметить, что А. В. Коялович использовал для своей работы много материала из „Хроники” М. Стрийковского. Но благодаря созданным А. В. Кояловичем художественным образам его „История Литвы” отличается от „Хроники” М. Стрийковского художественной интерпретацией, ибо жанр древней историографии подчас был весьма близок к художественной литературе.

Кроме своей композиции, упомянутые труды различны и в другом.

⁵² А. Vijūkas Kojelavičius ir jo „Lietuvos istorija” Pergale 1959, Nr 11, psl. 149—162.

Некоторые исторические события А. Коялович комментирует по-иному, чем М. Стрийковский, или указывает другие источники. Кроме того, А. Коялович опускает многие события, описанные М. Стрийковским, а иногда их и сокращает. Из этого следует, что А. Коялович не использовал всех источников, которыми пользовался М. Стрийковский. М. Стрийковский в своей „Хронике” использовал множество различных исторических источников. В своей работе он поместил обычаи и даже литовские песни того времени. А. Коялович в подборе своих источников оказался более критичным. Собранные им факты он подверг литературной обработке и, высказывая свое мнение, дал им соответствующую оценку. М. Стрийковский использовал древние летописи и хроники чтобы привести сухие факты, А. Коялович же облек их в художественную форму.

Однако „История Литвы” А. Кояловича имеет также много общих черт с „Хроникой” М. Стрийковского. Оба труда отображают историю феодальных классов, а именно, великих князей, магнатов, полководцев, описывают их жизнь, господство, военные подвиги. Ни в одном из упомянутых трудов не выявлена роль народных масс. Таким образом оба они являются историей о личностях, диктовавших политическую жизнь государства, в которой народ в то время не принимал никакого участия. Оба труда являются продолжением литовских летописей. Используя в своей „Хронике” много источников из летописей и хроники, М. Стрийковский все без исключения события истории Литвы стремится истолковать, придерживаясь источников. А. Коялович, как иезуит, исторические события комментирует весьма тенденциозно, особенно при описании языческой Литвы. Например, Миндаугаса, отказавшегося от христианства, он изображает в виде сурового тирана, подчеркивая, что Миндаугас принял католическую веру лишь по воле обстоятельств⁵³.

Как иезуит, А. Коялович тенденциозно трактует и других литовских князей, например, Трениота, Трайдяниса. Однако А. Коялович не всех язычески литовских князей характеризует отрицательно. Например, великого князя литовского Кестутиса, он оценивает весьма положительно — называет его героем, в мудрости приравнивает его к Одиссею, в храбрости — Ахиллу⁵⁴. В своем труде Коялович исторические факты интерпретирует просто, естественно. В ходе исторических событий он пытается найти причинную связь, прилагая к этому и свои поучения. М. Стрийковского удовлетворяет лишь пересказ событий.

⁵³ История Литвы, т. I, стр. 95—97.

⁵⁴ История Литвы, т. I, стр. 372: Ita Heros ille tot casibus medios inter hostes superior consilio Uliasses, manu Achilles Lithuaniae.

Возможно, его ограничивают данные летописей и хроники. Из исторических событий он не делает выводов и воздерживается от нравоучений. Однако А. Коялович, сам будучи иезуитом, является сторонником литовцев, борющихся против крестоносцев, которые под маской христианства осуществляли свои захватнические замыслы в Прибалтике.

Например, первую битву литовцев с меченосцами А. Коялович так описывает:

„После порабощения Ливонии (латышей) крестоносцы объявили войну курляндцам, которые в то время были подчинены, они (крестоносцы) воевали под предлогом распространения христианства, хотя на самом деле война была вызвана по воле некоторых лиц: боролись не только рыцари, но и священники, а сам архиепископ не только находился в армии, но и руководил ею в качестве верховного главнокомандующего. На борьбу против крестоносцев в большом числе (дружно) поднялись курляндцы, жемайтийцы и литовцы, ибо они поняли, что, если не отразят врага в самом начале, им грозит опасность стать порабощенными, как и их соседи-латыши. Эта мысль возбудила в них столько смелости и решительности, что их неопытные массы в борьбе (с врагом) разбили старых (опытных) воинов и потиб даже сам архиепископ”³⁵.

В то время как М. Стрийковский в „Хронике” пишет: „в правлении Римгаудаса немцы в 1220 г. начали на своих кораблях посещать Латвию, а затем коварно захватили всю лифляндскую землю и ее жителей поработили как непросвещенных и диких... После того нападали на Литву, Жемайтию через Двину, а также на Курляндскую землю. Как о том старей Лифляндский край свидетельствует, в 1225 году походом против Литвы руководил Авигенус, архиепископ из Кельна. Немцы, назвавшие себя братьями и рыцарями меча Христова, совершили нашествие. Но Литва вместе с Жемайтией преградили немцам путь и нанесли им такой удар, что литовцами-язычниками был убит сам Ави-

³⁵ История Литвы, т. I, стр. 75—76. Post subactam Livoniam; Curonibus (qui tunc Lithuani juris erant) arma intulerant: et quia religionis Christianae propagandae specie, bellum pro aliquorum cupiditate susceptum erat: praetensa causae pietas, non equites modo, sed sacerdotes etiam ab aris ad arma contra Ethnicos evocaverat Avigenus de Colonia Agrippina, Archiepiscopus, ipse non solum exercitui aderat, sed etiam cum Imperatoris auctoritate praeerat. Ex subita tempestate consternatio, ingenti numero Curones, Samogitas, Lithuanos excivit. Quanti enim periculi res esset, ad ipsa statim initia totis viribus hostem surgentem non reicere, Lotaviae finitimae in servitutem subactae misera conditio ratis explicabat. Tantumque ea cogitatio ad audaciam et fortitudinem apud imperitum vulgus valuit ut tumultuariae illius multitudinis caeco impetu, veteranus Christianorum miles in primo congressu sit oppressus, ipseque Archiepiscopus caesus.

генус, которого впоследствии ливонские крестоносцы вписали в свой календарь как первого рыцаря христианской веры ⁵⁶.

А. Коялович расценивает войны великого князя литовского Кестутиса против немцев как борьбу литовцев за их свободу, отмечая при этом, что война крестоносцев была несправедливой. Например, А. Коялович, описывая поход крестоносцев против литовцев ⁵⁷, подчеркивает, что немцы, вторгнувшись в Жемайтию, воевали бесчестно, сравнивали с землей целые просторы Жемайтии, нападали на неопытный в борьбе простой народ, опустошали деревенские хаты. При оценке действительных замыслов ордена крестоносцев А. Коялович своей объективностью неоднократно превосходил М. Стрийковского. В своем труде он часто описывает жестокость ордена в обращении с побежденными и с союзниками. Например, курляндцы обязались оказать помощь крестоносцам в борьбе против литовцев при условии, если крестоносцы возвратят курляндцам взятых в плен жен и детей. Крестоносцы ответили курляндцам, что по военному обычаю добыча принадлежит тому, кто ее завоевал. Курляндцы, возмущенные таким ответом крестоносцев, сообща с литовцами разбили крестоносцев.

А. Коялович и в данном случае поддерживает сторону курляндцев, подчеркивая, что ответ крестоносцев был настолько жестоким, что курляндцы никоим образом не могли с ним согласиться и присоединиться к литовцам ⁵⁸.

М. Стрийковский в „Хронике“ в данном случае не говорит о жестокости крестоносцев и лишь подчеркивает, что курляндцы были возмущены и обижены на ответ крестоносцев ⁵⁹.

А. Коялович неоднократно проявляет свою неблагоприятность

⁵⁶ Kronika I, стр. 252: „za tegoż Ringolda panowania Niemcy... roku 1220, w okrętach do Lifland, naprzód nawiedzać poczęli, a za czasów postępkem wszystkię ziemię Liflanską opanowali, i obywatele jej, naród gruby i leśny, zniewolili... do Litwy potym i do Żmodzi przez Dzwinę, także do Kurland najężdżali. Jakoż o tym stara kraina Liflanska świadczy, iż roku 1225 był hetmanem Litwy Awigenus, arcibiskup, z Kolna Agripin, nad Niemcy, którzy się nazwali bracią i zakonniki Miecza Christusoego. Ale Litwa zebrawszy się z Żmodzią, zastąpili Niemcom, tam stoczywszy bitwę srogą, zabity jest Awigenus... od poganów Litwy, którego wpisałi potym krzyżacy Liflandzcy w swój kalendarz, jako na pierwszego rycerza wiary chrześcijańskiej...“

⁵⁷ История Литвы, т. I, стр. 265—266. Samogitiam miserrime divexavit, territoria.. universa solo aequata... praedatorum more, in imbelles vulgus agrestesque cases saevire, et nihil iusto bella tentare.

⁵⁸ Там же: Responsum est a Crucigeris: Praedam omnem de host captum victorum esse debere... Aspera haec responsio, ex afflictos iam conditionis tolerantia affectuum impotentes barbaros, facile ad indignationem perpulit.

⁵⁹ Хроника, т. I, стр. 260.

к крестоносцам, например, когда говорил о взятии ими города Риги⁶⁰. В своем труде А. Коялович приводит также несколько примеров из борьбы пруссов против крестоносцев⁶¹. А. Коялович и здесь подчеркивает героизм пруссов в борьбе против крестоносцев и их борьбу за свободу.

Из вышеупомянутых примеров следует, что А. Коялович в „Истории Литвы” кое-где разоблачает действительные замыслы ордена крестоносцев в Прибалтике. Он показал, что крестоносцы и меченосцы воевали под маской распространения религии, а на самом же деле порабощали балтийские народы, поэтому литовцы сопротивлялись их агрессии. Следует признать, что А. Коялович кое-где в своем труде недостаточно последователен. В некоторых местах он излишне описывает неудачи литовцев на немецкой земле. Такая непоследовательность, видимо, объясняется тем, что как иезуит, те места, где литовцы задевают церковь и духовенство, А. Коялович поддерживает сторону церкви. В тех случаях, когда литовцы не затрагивают церковь и духовенство, А. Коялович защищает дело литовцев-язычников. Однако, следует признать, что А. Коялович описал Грюнвальдскую битву пристрастно. М. Стрийковский на 13 странице своей „Хроники” в стихах описывает Грюнвальдскую битву, которая на все века исключила возможность нашествия ордена в Восточную Европу. Он подчеркивал, что крестоносцы намеревались уничтожить Польшу и Литву и на территории этих государств обосновать свой орден⁶².

А. Коялович, при описании этой битвы, пропускает речь короля Йогайлы, произнесенную перед войнами, в которой король призывает их встать на защиту своего отечества и отомстить крестоносцам, захватившим часть из земель⁶³. А. Коялович победу Грюнвальдской битвы ставит в заслугу лишь польскому войску, а в литовцах говорит, что они в этой битве понесли большие потери, так как по пути на поле битвы литовское войско опустошило костелы⁶⁴. Таким образом и здесь А. Коялович, вследствие своей иезуитской ограниченности уменьшил

⁶⁰ История Литвы, т. I, стр. 214—216.

⁶¹ История Литвы, т. I, стр. 104—105, 133—134.

⁶² Kronika, т. I, стр. 128. „Iż chciał Polskę i Litwę do gruntu wygładzić. A w ich ojczyznach harący swój zakon osadzić...”

⁶³ Там же, стр. 132: Teraz! teraz potrzeba, o sławni mężowie. Ojczyzny miłej bronić, jak własni synowie. Teraz, teraz, potwierdzić macie swych wolności. A pomścić się nieznośnych owych doległości, Które wam zli niezbożni krzyżacy działali. I ojczyzny waszej cześć gwałtownie pobrali.

⁶⁴ История Литвы, т. II, стр. 28 *Ex polonis quorum virtuti plena huius victoriae laus debetur, pauci occubuerunt: maiore longe numero Lithuani et Russi: ut vel inde intelligi possit violatorum nuper sacrorum poenam hanc fuisse, quod infeliciter pugnaverint.*

одно из крупнейших событий в истории литовского народа. Описание Грюнвальдской битвы в „Истории Литвы” А. Кояловича не имеет такого глубокого идейного осмысления, как в „Хронике” М. Стрийковского. В описании этой битвы А. Коялович весьма слабо осветил роль великого князя Литовского Витаутаса, сыгравшего в этой битве большую роль. В описании Грюнвальдской битвы отсутствует пафос характерный для „Хроники” Стрийковского. Само описание битвы, короткое, необъективное и не оставляет глубокого впечатления.

М. Стрийковский, поляк, приглашенный епископом М. Гедрайтисом в Жемайтию на должность каноника, полюбил Литву. Хорошо ознакомившись с литовскими обычаями и песнями того времени, при описании Грюнвальдской битвы, он оказался более объективным и большим патриотом, чем А. Коялович. При описании Грюнвальдской битвы А. Коялович уменьшил роль литовцев, спутал даже магистра крестоносцев Ульриха с Конрадом, скончавшимся три года до этой битвы⁶⁵.

Сравнение обеих историй Литвы: раннее написанной „Хроники” М. Стрийковского и „Истории Литвы” А. Кояловича заставляет сделать вывод о том, что М. Стрийковский, несмотря на то, что был поляком, проявил больше объективности и патриотизма по отношению к литовцам, чем литовец А. Коялович. М. Стрийковский выражает свое мнение о литовцах более откровенно, чем литовец А. Коялович, который находился в стороне от злободневных дел своей родины. Несмотря на то, что во многих случаях А. Коялович испытывает к литовцам и любовь, особенно в их борьбе с крестоносцами, но открыто этого он не показывает. Эта сдержанность и равнодушие к родине не позволяет ему ясно установить направленность „Истории Литвы”.

А. Коялович первый историк-литовец, написавший историю Литвы. Он интересовался прошлым своего народа; своими историческими трудами он внес большой вклад в историографию Литвы. Из-за ограниченности своего иезуитского космополитического мировоззрения некоторые исторические события А. Коялович трактует тенденциозно, всецело поддерживая сторону церкви. Однако в описании войн крестоносцев с Литвой, историк всегда на стороне последней. Следует особо отметить художественную форму „Истории Литвы” А. Кояловича, чем она выгодно отличается от „Хроники” М. Стрийковского.

⁶⁵ М. Wiszniewski, *Historia literatury polskiej*, т. VII, Kraków 1845, стр. 494.

Jacek Kolbuszewski
Stanisław Franciszek Kolbuszewski

Wrocław — Poznań

BEMERKUNGEN ÜBER DAS DICHTERISCHE SCHAFFEN
VON J. RAINIS

Jānis Rainis (1865—1929) gehört zu jener Gruppe von Schriftstellern, denen zwar durch ihre literarischen Errungenschaften Ruhm und Anerkennung, nicht aber höchste Auszeichnung zuteil geworden ist. Jānis Rainis war nahe daran, den Nobelpreis zu erhalten, doch politische Faktoren machten die Hoffnungen des größten Dichters in der Geschichte der lettischen Literatur zunichte. Die ersten Schritte, die Rainis den Nobelpreis einbringen sollten, unternahm im Jahre 1925 der lettische Herausgeber A. Gulbis, der vor allem auf die allgemeinmenschlichen Werte des Dramas „Joseph und seine Brüder“ hinwies, das zu den höchsten Errungenschaften in Rainis' literarischem Werk gehört. Die Aussicht auf den Nobelpreis eröffnete Rainis auch die Auszeichnung mit einem hohen belgischen Staatsorden im Jahre 1926¹, den er dank Camille H u y s m a n s (1871—1968), einem belgischen Funktionär der II. Internationale, erhalten hatte. Diese Tatsache bedeutete eine internationale Anerkennung des Schriftstellers; so ist es nicht verwunderlich, daß in deren Konsequenz in ihm das Bewußtsein anwuchs, es sei dennoch möglich, diese höchste Auszeichnung zu erhalten. In seinem Tagebuch vom 13. April 1926 schrieb der Dichter: „Nobela prēmija: esot šanses. Jābūt mājās... Jātaisa jauna drāma, moderna: sacīt, ko darīt jaunatnei,

¹ Vgl. Kārlis Dziļleja, Noskaustais sapnis, [in:] Raiņa un Aspazijas Gada-grāmata 1970, gadam, Vāsterās 1969, S. 33.

mūsu un Eiropas: ideālisms, pārveidots, ne karojošs, bet ražojošs un atrodošs. Gribu nupat strādāt”². Rainis, der diese Chancen wahrnahm und der sich auch während seiner Auslandsreise im Jahre 1926 davon überzeugen konnte, war sich dessen bewußt, daß es notwendig sei, ein neues wertvolles Werk zu schreiben, ein Drama, das den höchsten Anforderungen der modernen Kunst entspricht. Die Auslandsverbindungen entwickelten sich auf eine günstige Weise. Zwar zeitigte das Treffen mit dem hervorragenden deutschen Regisseur Max Reinhardt³ im Jahre 1921 nicht die erhofften Resultate, doch dafür festigte die Teilnahme an den Ibsen-Feierlichkeiten im Jahre 1928 Rainis' Stellung, der damals als „Ibsen der lettischen Literatur“ bezeichnet wurde. Wichtig war die Tatsache, daß Rainis in schwedischen Kreisen eine feste Position einnahm. Seine Reise zu den Feierlichkeiten anläßlich des hundertjährigen Geburtstags Ibsens unterbrach Rainis in Stockholm, wo unter zahlreicher Anteilnahme von Vertretern aller intellektueller Kreise der schwedischen Hauptstadt ein Treffen veranstaltet wurde, das seinem Schaffen gewidmet war; Rainis selbst sprach über die lettische Literatur, und die Schauspieler Inga Tidblad und Ugo Hennings trugen Gedichte von ihm vor⁴. Noch im Januar 1929 dachte Rainis daran, ein neues, großes Drama zu schreiben, das dieses Problem endgültig entscheiden sollte. Das Drama entstand jedoch nicht — und der Schriftsteller erhielt demzufolge auch nicht den Nobelpreis. Welche Faktoren hatten Einfluß darauf? Die Wahrheit wurde im Jahre 1947 von Z. Mauriņa enthüllt, die in der Zeitschrift „Tilti“ feststellte, daß angesichts einer deutschen und englischen Übersetzung von „Joseph und seiner Brüder“, angesichts des allgemeinen Charakters des Dramas, vor allem aber angesichts der hervorragenden moralischen Werte der Hauptgestalt für Rainis volle Aussicht bestanden hat, den Nobelpreis zu erhalten, ein Hindernis war jedoch, daß die Universität Riga, deren Rektor in den Jahren 1927—1929 A. Tentelis — der nachmalige Minister für Bildungswesen — war, ihre Unterstützung versagte. Die Universität schlug damals die Kandidaturen der Schriftsteller J. Janševskis und E. Virza vor⁵. Der erste hatte fast gar keine Chancen, die des zweiten waren sehr gering. Der Grund, daß Rainis nicht ausgezeichnet wurde, war vor allem seine negative Antwort auf die an ihn — noch im Jahre 1926 — gestellte Forderung, aus der sozialistischen Partei auszutreten. Rainis änderte

² Zit. nach: Op. cit., S. 33.

³ Literārais mantojums I, Rīgā 1957 (Red. V. Samsons), S. 34.

⁴ Der Bericht über dieses Treffen befindet sich in „Svensk-lettiska föreningen i Stockholm“, 1925—1935, 21.

⁵ Vgl. K. Dziļēja, Op. cit., S. 34.

Rainis legt beim Überschreiten der polnisch-lettischen Grenze seine Unterschrift in einem Gedenkbuch nieder.

seine Anschauungen nicht und zog sich aus der Partei nicht zurück; doch die Universität Riga versagte ihm damals ihre Unterstützung, und die Bemühungen um den Nobelpreis verliefen natürlicherweise im Sande.

Die obenangeführten Tatsachen sollten nicht nur an eine bei uns wenig bekannte Episode im Lebenslauf von Rainis erinnern, sondern gleichfalls darauf hinweisen, daß wir es bei Rainis mit einem authentisch großen Schriftsteller zu tun haben. Maxim Gorki hatte nämlich recht, als er sagte, daß die schöpferischen Kräfte einer Nation beileibe nicht von ihrer zahlenmäßigen Stärke bestimmt werden, wobei er übrigens an Rainis dachte⁶. Davon, daß Rainis' Werk eine par excellence europäische Position erlangte, zeugt übrigens auch die Tatsache, daß sich das Interesse dafür ebenfalls auf Polen erstreckt.

Unter dem anderwärts besprochenen Ausdruck polnischen Interesses für Rainis verdient neben dem Aufsatz S. Kułakowski's „Lettische Nachkriegsliteratur“ (1930), dem Stichwort S. Lams in der „Grossen Allgemeinen Literatur“ sowie der Skizze „Rainis“⁷ von St. Kolbu-

⁶ Vgl. Janis Sudrabkalns, Janis Rajnis, „Literatura Radziecka“ 1965, Nr. 8, S. 172.

⁷ S. J. Kolbuszewski, St. Fr. Kolbuszewski, Rainis Polijā, „Literatūra un Māksla“ 1965, Nr. 34, S. 3.

szewski in der Zeitschrift „Okolica Poetów“⁸ der Aufsatz Zygmunt Kisielewskis hervorgehoben zu werden, der eine tiefgründige Bewertung von Rainis bestem Drama gab und „Joseph und seine Brüder“ als ein außerordentliches Werk bezeichnete, das allen Bühnenanforderungen gerecht wird; und als er dieses Stück im Jahr 1921 ein geisterfülltes Drama nannte, stellte er gleichzeitig fest, daß „J. Rainis mit seinem Werk dank dessen Gewichtigkeit und Schönheit (...) in die Weltliteratur eintritt“⁹.

Wenn hier auf jene, sich auf Rainis beziehende Polonica hingedeutet wird, so darf noch ein anderes polnisches Moment in Rainis' Biographie nicht verschwiegen werden: Im Jahre 1893 weilte Rainis in der Schweiz und nahm am dritten Kongress der II. Internationale teil. Eben damals wurde er mit August Bebel bekannt. Wie nach Jahren die Schwester des Dichters — Dora Pliekšāne, die in der Schweiz Medizin studierte — bemerkte — bemerkte, kam es zu diesem Treffen unter Beihilfe polnischer Studenten¹⁰. Es unterliegt keinem Zweifel, daß damit sozialistisch und demokratisch gesinnte Polinnen gemeint sind, die mit Dora Pliekšāne befreundet waren. Davon, daß diese Annahme richtig ist, zeugen weitere Tatsachen. Als nämlich Rainis im Jahre 1920 aus der Emigration nach Lettland zurückkehrte, hielt er sich in Warschau auf; gerade damals wurde ihm die erste Nummer des Organs der Polnischen Sozialistischen Partei „Głos Kobiety“ überreicht, das von Frauen redigiert wurde. Auf diese Weise schließt sich der Kreis; es ist überdies charakteristisch, daß sich die Nummern dieser Zeitschrift unter den Manuskripten und Papieren von Rainis bis auf den heutigen Tag erhalten haben. Daß es sich hierbei um keine zufälligen Verbindungen handelte, zeugt die obenangeführte Rezension über „Joseph und seine Brüder“ von Z. Kisielewski.

Obgleich diese Polonica nicht sehr zahlreich sind, verdienen sie doch angeführt zu werden; die hier angegebenen Tatsachen bilden zweifelsohne das Präludium dazu, gewisse typologische Erscheinungen aufzuzeigen, die davon zeugen, daß in der polnischen Poesie des ausgehenden XIX. und der Wende des XIX. und XX. Jahrhunderts einerseits und den poetischen Werken von Rainis andererseits gemeinsame Merkmale vorhanden sind. Wenn wir hier auf diese bestehenden Verbindungen hinweisen, so möchten wir gleichzeitig bemerken, daß es hier nicht darum geht, Einflüsse zu

⁸ S. S. Kułakowski, Łotewska literatura przedwojenna, „Kwadryga“ 1929/1930, Nr. 6; S. Kolbuszewski, Literatura i pisarze łotewscy, „Okolica Poetów“ 1938, Nr. 4/5, S. 96—117 (Vgl. auch ders.: Główny rysy kultury łotewskiej, „Przegląd Współczesny“ 1937, Nr. 11, S. 74—90); S. Lam, Wielka Literatura Powszechna, Bd. 3, S. 751—755.

⁹ Zygmunt Kisielewski, J. Rainis, „Robotnik“ 1921, Nr. 227.

¹⁰ Vgl. K. Krauliņš, Raina dzīve un darbs (1865—1903), Riga 1953, S. 123.

konstatieren, sondern lediglich jene Gemeinsamkeiten im Gebrauch modernistischer (resp. symbolistischer) Ausdrucksmittel aufzuzeigen, die durch gemeinsame oder ähnliche genetische Faktoren determiniert wurden. Über die Sonderstellung von Rainis in der Geschichte der europäischen Literatur entscheidet wohl in erster Linie die Tatsache, daß er Vertreter einer Literatur ist, die in den Jahren seines literarischen Schaffens alle diejenigen Entwicklungsphasen durchlief, welche die Literaturen anderer Nationen im Verlauf einer jahrhundertelangen Evolution durchgemacht hatten. Es muß noch hinzugefügt werden, daß Rainis zwar seinen Werken einen entschieden nationalen Charakter verlieh, dennoch aber über den Gesichtspunkt einer eng aufgefaßten nationalen Problematik hinausreichte. Solch eine Haltung wurde auch von der ästhetischen Interessen des Dichters determiniert, der im Kult eines Aischylos und Sophokles gebildet wurde, der die altindische, chinesische und ägyptische Kultur studierte, der vom Prometheus begeistert und von Fausts Tragödie gebannt wurde, der sich aber gleichzeitig von Shakespeares und Schillers Tragödien distanzierte¹¹, was natürlicherweise eine Definition der grundsätzlichen philosophischen Struktur seiner Poesie erschwert. Es muß hier übrigens noch hinzugefügt werden, daß auf die Ausbildung von Rainis' Poesie die lettische Volksliteratur von entscheidender Bedeutung gewesen ist. Aus der antiken Literatur übernahm Rainis die Überzeugung von der Notwendigkeit der Größe und die Auffassung der Tragik, die auf der Notwendigkeit des sich erfüllenden Schicksals beruhte, das dem Menschen bestimmt war¹².

Es ist nicht angebracht, in bezug auf Rainis die Bezeichnung „Romantiker“ anzuwenden, obgleich Rainis' Haltung der literarischen Tradition der Romantiker viel verdankte¹³. Jener romantischen Tradition näherte sich Rainis durch den Kult der Volksliteratur, der übrigens so weit reichte, daß er noch im Jahre 1921 die Anthologie von Gedichten der Weltliteratur „Unruhiges Herz“ bearbeitete und herausgab, die die berühmte Sammlung von Herder „Stimmen der Völker in Liedern“ zum Vorbild hatte und an diese anknüpfte. Der Faktor, der in diesem Falle Rainis den romantischen Konzeptionen näherte, war eine durchaus nationale Auffassung von der Funktion des Dichters in der Gesellschaft;

¹¹ Darüber schreibt K. Dzileja, J. Rainis un viņa dzeja, [in:] J. Rainis, Staru tīkts, Göppingen o.J., S. 18.

¹² Vgl. z.B. das Gedicht „Cudzoziemiec“:

Długą drogą kroczy cudzoziemiec,
u kresu drogi słońce zachodzi na niebie,
jeszcze dalej, samotny, musi iść przed siebie.

Zit. nach: J. Rainis, Czas słowca i inne wiersze, Warszawa, S. 18.

¹³ Vgl. J. Zanders, Dabas motīvi Raiņa dzejā, [in:] Raiņa un Aspazijas Gadagrāmata 1968 gadam, Vāsterās 1967, S. 106—108.

seine Übersetzertätigkeit war dessen deutlicher Beweis hierfür. Die Einwirkung der romantischen Tradition gestattete, den übergeordneten Zweck für das Problem der Tragik aufzufinden. Die Tragik wurde somit vom Fatalismus befreit, der für die antike Literatur durch die Konzeption des unerbittlichen Schicksals (vgl. z.B. das Schicksal von Ödipus) so charakteristisch ist; die Tragik wurde jedoch der Idee der Funktionalität gegenüber der Gesellschaft untergeordnet, einer Idee, die manchmal dem Prometheismus nahe stand¹⁴. Wenn man diese Erscheinungen feststellt, so darf nicht vergessen werden, daß Rainis' Haltung sich in jener Zeit ausbildete, in der — nicht nur in der lettischen Literatur — realistische und naturalistische Tendenzen stark ausgebildet waren, nach denen J. J a n s o n s die Entwicklung der Literatur betrachtete¹⁵. Weil jedoch Rainis' Gedankengänge in bedeutendem Masse romantischen Charakter aufweisen, wurden in seiner Poesie sowohl realistische wie auch naturalistische Tendenzen besiegt, und natürlicherweise wandte sich der Dichter dem Symbolismus zu, der hier als Schaffenstechnik zu verstehen ist.

Obgleich Rainis sein Schaffen nicht mit der Konvention der realistischen Literatur verband, übten doch seine sozialistischen Überzeugungen ohne Zweifel einen Einfluß aus auf die Ausbildung einiger für seine Poesie charakteristischer Aspekte, die der positivistischen Theorie nahe lagen. Mit ihr verband Rainis die Auffassung der Arbeit als des den Fortschritt der Menschheit bedingenden Hauptfaktors, wobei die Forderung jener Arbeit von der gesellschaftlichen Funktion befreit wurde und in gewissem Sinne den Charakter eines reinen Begriffs annahm. Es war dies also eine Haltung, die in erster Linie dem nahelag, was Rainis' Lebensgenossin Aspasia in ihrem poetischen Schaffen verkündete, die in der „Muse der Zukunft“ schrieb:

Skąd przyszłaś, powiedz, wzywam ciebie,
 Czy mieszkasz tam wysoko, w niebie?
 Bogom przystoi strój bogaty,
 Ty — czemu czarne nosisz szaty?
 W dźwięku jej słów potęga drży:
 „Surowo me wezwanie brzmi,
 Domostwo moje pył otacza,
 Jam jest przyszłości muza: praca!”¹⁶

Rainis, der — wie gesagt — dem Symbolismus näher stand, befreite sich vom Gebrauch der Personifikation, was zur Anwendung von Begriffen und Ideen in ihrer reinen Form führte. Unter diesen Bedingungen

¹⁴ Ein deutliches Beispiel dessen ist das Gedicht „Wędrowiec“ — vgl. J. Rainis, Op. cit., S. 72.

¹⁵ vgl. K. Dziļleja, Op. cit., S. 19.

¹⁶ Gedicht in der Übersetzung der Verfasser des Aufsatzes.

wurde die Arbeit zum höchsten Maßstab des menschlichen Wertes; gleichzeitig war sie Mittel, die eigene Schwäche zu besiegen wie auch Mittel, übergeordnete Ziele zu erreichen. Darauf ist die Konzeption zurückzuführen, die im Gedicht „Arbeit“ formuliert wurde:

Jedno słowo surowe pamięć ma przywraca;
kiedy serce twoje lenistwem nabrzmiało,
kiedy życie ciężarem zbyt długim się stało,
wówczas to jedno jeszcze ci zostało:
Praca.¹⁷

Es unterliegt keinem Zweifel, daß solch ein Verständnis jener Idee Rainis' Haltung auf grundsätzliche Weise jenen führenden Tendenzen annäherte, die u.a. ebenfalls in der polnischen Literatur der zweiten Hälfte des XIX. Jahrhunderts vorherrschend waren und dessen bedeutender Ausdruck die Worte Karol Świdziński's sind, die seinem programmatischen Gedicht „Vorwärts-Arbeit!“ entnommen wurden: „Obgleich die Arbeit schwer ist und lang / Wir gehen dennoch aus ihr tapfer hervor“. Die ähnliche Haltung war auch nicht zufällig. Denn obgleich Angaben hierfür fehlen, Rainis als Enthusiasten des Positivismus zu bezeichnen, so muß ungeachtet dessen die Tatsache beachtet werden, daß Rainis' Poesie seinen konkreten Adressaten hatte; ihre publizistische Kraft wiederum lag u.a. in ihrer Aktualität. Wenn man nämlich den überzeitlichen Ausdruck des par excellence publizistischen Gedichtes „Das neue Haus“ bemerkt, so muß unterstrichen werden, daß es eine Voraussage der nationalen Zukunft enthält, in dem die Worte: „Starke bauen durch Arbeit das Haus, und es erhebt sich aus den Toten“ die Funktion eines Wegweisers annehmen. Daß es ihm nicht um rein verbale Formulierungen zu tun war, zeugen andere Gedichte von Rainis, die voller Leidenschaft sind. Als Beispiel dient etwa das, in dem er schrieb:

I cóż jest mojego w ojczystej ziemi mojej,
skoro nie jest moim kłosem, co w polu stoi?¹⁸

(Das Recht auf Eigentum).

Von diesen Formulierungen ist nur noch ein Schritt hin zur endgültigen Feststellung, daß unter dem Begriff Freiheit vor allem „Freiheit und Selbständigkeit“ zu verstehen ist¹⁹. Obgleich also die Überzeugungen des

¹⁷ J. Rainis, Op. cit., S. 65.

¹⁸ Ebenda, S. 22.

¹⁹ Vgl. die Worte des Gedichts „Kultura“:

... Tam, gdzie nie istnieje szacunek dla ludzi,
tam słowo: kultura — pustym dźwiękiem ludzi;
wolność i samodzielność, duch co życie tworzy —
— oto co na naszą kulturę sięłoży!

J. Rainis, Op. cit., S. 12.

Dichters von der sozialistischen Ideologie bestimmt wurden, so können doch in ihnen augenscheinliche Merkmale nachgewiesen werden, die für die Ideologie des polnischen Positivismus charakteristisch sind. Als Beispiel seien die Worte Julian Ochrowicz's aus dem Gedicht „Vorwärts“ angeführt:

Chcemy los własną pokonać dłonią —
W walce, wśród której wodzem jest stałość,
W walce, dla której praca jest bronią,
A sprzymierzeńcem wytrwałość!²⁰

Im Grunde genommen nahm also auch die Funktion von Rainis' Poesie, für welche — wie aufgezeigt — die Aufnahme des romantischen Ideals des Kampfes der charakteristische Ausgangspunkt war, einen typisch positivistischen Aspekt an — den publizistischen. Bei diesem Merkmal war es charakteristisch, daß Rainis in seinem philosophischen Universalismus, auf den mit Recht K. Dziuleja hinweist²¹, ebenfalls zu einer maximalistischen Haltung gelangte, die sich in der Forderung großer Taten ausdrückte, „um in der Alltäglichkeit nicht die Sterne zu verlieren“ (Kleine Arbeiten). Ungeachtet jener gemeinsamen fundamentalen ideologischen Merkmale von Rainis' Poesie und der polnischen Poesie des Positivismus kennzeichnet sie jedoch der grundsätzliche Unterschied, daß Rainis' Poesie zwar zweifellos publizistischen Charakter aufwies, sie aber weit entfernt war von jenem kompromißlosen Optimismus, der die polnische positivistische Poesie bestimmt und der überdies für den ganzen europäischen Positivismus charakteristisch war. Charakteristisch ist nämlich für Rainis das, was er in den klassischen Vorbildern gefunden hat, nämlich die Empfindung einer inneren Zerrissenheit des Menschen, der — was diese Tragik noch verstärkte — in den Lebensrealitäten der schwierigen Zeit der Wende vom XIX. zum XX. Jahrhundert verankert war. Eben aus diesen philosophischen Prämissen erwuchs die programmatische „Sonnenezeit“, die die philosophische Haltung des Dichters umriß:

...jeszcze uśmiech lekki drży na moich wargach,
lecz tego uśmiechu, co zawisł na ustach
Ni gniew nie wypełnia, — ni ironia pusta,
Ale jest odraza, została — pogarda.
Ale ja nie mogę wśród tego zamętu
Uciszyć swego serca: bije, jest gorące.
O, gdybym mógł w tej chwili, jak błyszczące słońce
Wejść w brudną kałużę i nie odczuć wstrętu!²²

²⁰ Zit. nach: S. Kawyn, *Publicystyka pozytywizmu polskiego*, Lublin 1946, S. 80.

²¹ Vgl. K. Dziuleja, *Op. cit.*, S. 18.

²² J. Rainis, *Op. cit.*, S. 8.

Den Mechanismus jener Gegensätze zu erklären, ist — wie es scheint — nicht einmal eine tiefgreifende Analyse der Entwicklungstendenzen der lettischen Poesie aus Rainis' Zeit imstande; die Lösung des Problems muß — wie es scheint — in einer Folge von Erscheinungen gesucht werden, die für die europäische Literatur jener Epoche charakteristisch ist. In einer gewissen Hinsicht kann das damit erklärt werden, was K. Wyka in der Entwicklung der Polnischen Moderne beobachtet hat, wenn er feststellte, daß Stanisław Przybyszewski in seinem Jugendwerk „Zur Psychologie des Individuums“ (Berlin 1892) folgende Ansicht vertrat: „Życie jednostki jest tragiczne, ponieważ największa nawet indywidualizacja nie wyzwala człowieka spod praw natury, mających na celu zachowanie gatunku; człowiek w ręku natury jest jedynie ogniwnem, nigdy osobowością“²³. Das Beispiel Przybyszewskis ist hier besonders typisch. Es verdient nämlich darauf hingewiesen zu werden, daß er mit Rainis gleichaltrig ist; dieser wurde nämlich im Jahre 1869 geboren, jener im Jahre 1868. Die Lektion des Naturalismus erwies sich somit als eine tragische Lektion — und diese Tragik wurde noch durch die neuen Tendenzen vertieft, die in der europäischen Literatur aufzukommen begannen. Die von Pessimismus erfüllten Stimmen einer Generation, die für sich keine Perspektive erblickte, zwangen die Dichter, eine kritische Selbstbeurteilung der eigenen Situation vorzunehmen. Und daraus erwuchs jene Stimmung des Zweifels und der Unsicherheit, die manchmal in Rainis' Gedichten zu finden sind und deren charakteristisches Manifest „Die erlöschende Flamme“ wurde mit seiner — beileibe nicht stereotypen Frage: „Wenn der Vorhang fällt — werde ich die Last ertragen?“ Während jedoch unter diesen Verhältnissen die bedeutendsten Vertreter der polnischen Poesie, wie etwa Kazimierz Przerwa-Tetmajer oder Stanisław Korab-Brzozowski in grenzenlosen Pessimismus verfielen, dessen beredter Ausdruck jene rhetorische Frage Tetmajers ist „Kann eine auf die Schienen geworfene Ameise mit dem heranbrausenden Zug kämpfen?“ — so vermochte es Rainis, jenen Pessimismus zu besiegen. Obgleich er nämlich die Größe der Tragik immer in der Vereinsamung des Einzelnen sah, was er — wie wir feststellten — romantischen Traditionen verdankte, so waren es dennoch sozialistische Ideen, die ihm den Weg wiesen zum Konstruktivismus einer tätigen Masse. Auch diese Tatsachen determinierten auf grundsätzliche Weise den Wandel in Rainis' Haltung gegenüber dem Symbolismus.

Die Ideologie, die dabei in nicht geringem Maß die letzten Merkmale von Rainis' philosophischer Haltung formte, war die in dieser Zeit in der europäischen Kultur bereits bekannte Formel des Evolutionismus, der

²³ So referiert es K. Wyka, *Modernizm Polski*, Kraków 1959, S. 13.

jedoch in Rainis' Ausgabe weit vom Vorbild abwich, das von Herbert Spencer geschaffen wurde. Wie K. Dżilleja aufzeigte wurde für Rainis die universalistische Philosophie bedeutsam²⁴. In diesem System faßte Rainis den Menschen, die Idee des Menschen und den Kosmos als Erscheinungen auf, die einander nicht feind sind, sondern in völliger Harmonie auftreten, was beileibe nicht seine Faszination für den Gedanken Pascals verminderte, daß „der Mensch die Übermacht kennt, die das Weltall über ihn hat. Das Weltall weiß davon nichts“. In dieser Konstellation wurde der Mensch ein Teil der Alldinge, und seine Arbeit wurde zur Arbeit zum Wohle der ewig dauernden menschlichen Seele. Es muß besonders stark unterstrichen werden, daß dies eine Konzeption mit starken originellen Merkmalen war; dabei war es auch eine Konzeption, die das Apogäum ihrer Entwicklung in der Literatur der nächsten Generation erzielen sollte. Als Beispiel sei hier das Gedicht „Au bout de la vie“ des Rainis zeitgenössischen Jacques de Roussan angeführt, bei dem es heißt: „La pensée, forme ultime de vie!“²⁵

Die Analyse der hier aufgezeigten Erscheinungen weist eindeutig darauf hin, daß jener Universalismus von Rainis' philosophischer Haltung wirklich eines der Hauptmerkmale seiner Poesie geworden ist. Und man könnte dieses Problem mit dieser Behauptung für erledigt ansehen, wenn nicht die bereits erwähnte Behauptung K. Dżillejas bestände, daß sich Rainis selbst weder als Symbolist noch als Impressionist erachtete²⁶. Diese Worte rufen zwar keinen Widerspruch hervor, zwingen jedoch gleichzeitig, das Verhältnis von Rainis' Poesie zu den beiden angeführten literarischen Tendenzen zu bestimmen. Stellen wir also zunächst das Problem des Symbolismus zurück und wenden wir uns dem Problem des Impressionismus zu, den Rainis so sehr verleugnete. Und wirklich — Impressionist kann er nicht genannt werden; der ästhetischen Konzeption des Impressionismus liegt nämlich etwas Fundamentales zugrunde, was mit der gesellschaftlichen Auffassung der Kunst unvereinbar war — nämlich der im Impressionismus allgegenwärtige Ästhetismus. Gleichzeitig jedoch äußerte sich jener Ästhetismus besonders in der poetisch attraktiven Stimmung — und daher ist es auch nicht schwierig, in einigen Gedichten von Rainis dessen Echo festzustellen — wie etwa in den Gedichten, die auf

²⁴ Dargestellt von K. Dżilleja, Op. cit., S. 18.

²⁵ J. de Roussan, *Éternités humaines*, Ottawa 1963, S. 39. Zum Vergleich sei hier noch ein ähnlicher Standpunkt erwähnt, der im Gedicht J. Żuławskis, „Myśl jest wszystkim“, [in:] *Intermezzo*, Kraków 1897, S. 74, ausgedrückt wird, wo u. a. die Worte zu lesen sind: „... er [der Gedanke] erkennt sich selbst, steht — fällt nicht“.

²⁶ K. Dżilleja, Op. cit. S. 20.

Grund der Beobachtung der Natur entstanden sind, wofür das Gedicht „Vor dem Sturm“ als Beispiel dienen kann. Die stimmungsvolle, in einer metallenen Tonierung gehaltene Koloristik der Bilder von Himmel und Meer wurde mit einem starken farbigen Akzent der „schimmernden Möve“ ergänzt, die das Symbol der Verlorenheit des Einzelmenschen in der Allmacht der Natur bedeutet, ja vielleicht sogar die Sinnlosigkeit der Bemühungen, die zum Ziele haben sollten, die Existenz und den Platz im System der Natur zu finden. Rainis verhielt sich hier nämlich so, als wollte er sich an das programmatische Bekenntnis Paul Verlaines anpassen, als dieser schrieb:

Car nous voulons la Nuance encore,
Pas la Couleur, rien que la Nuance!
Oh! la Nuance seule fiancée
Le rêve au rêve et la flûte au cor!
Fuis du plus loin la Pointe assassine,
L'Esprit cruel et le Rire impur...²⁷

Solch eine Konzeption der Poesie konnte Rainis jedoch nicht voll entsprechen; es war darin allzuviel Formalismus, aber zu wenig Sorge um Erfüllung konkreter ideeller Funktionen. Daraus ergab sich auch die Unmöglichkeit, die dichterische Tätigkeit als „ein glückliches Abenteuer“ aufzufassen, was für Verlaine typisch war. Die Freude zu dichten beruhte im Sinne des Verfassers von „Joseph und seinen Brüdern“ darauf, daß „die Seele in der schweigenden Poesie sich selbst besingt / Und mit anderen ihre Wahnträume teilt“²⁸.

Rainis unterschied sich auch grundsätzlich von Verlaine in der Art, die Genese eines dichterischen Werkes zu verstehen, in seinen Begriffen, die aus den tiefsten und stärksten Empfindungen des Menschen erwachsen²⁹, während im Sinne des französischen Dichters die Aufgabe, welche die „Art poétique“ zu erfüllen hatte, „vers soit la bonne aventure“ war. Und eben deswegen, weil wir in Rainis' Gedichten Elemente der impressionistischen Technik in der Gestaltung von poetischen Bildern feststellen konnten, finden wir gleichzeitig ebenfalls dies, daß der Impressionismus Rainis in seinem grundsätzlichen Wesen fremd war. Wenn wir also die Worte des Dichters, er sei kein Impressionist gewesen, bestäti-

²⁷ P. Verlaine, *Art poétique*. Zit. nach: M. Jastrun, *Symboliści francuscy*, Wrocław 1965, S. 93.

²⁸ J. Rainis, *Cp. cit.*, S. 9.

²⁹ Vgl. Rainis' Worte:

Serce bólem wzburzone szuka słów gorących,
w głębie największe sięga i czerpie je z cierpień,
a oczy je zbierają z kwiatów jaśniejących.

gen, können wir das gleiche in bezug auf den Symbolismus nicht, behaupten. Der hier bereits erwähnte K. D z i l l e j a, der jene Aussage des Dichters anführte, definierte sein Dichtertum als symbolisch³⁰, wobei er darauf hinwies, daß Rainis der Synthese seiner Gedanken mittels Symbolen Ausdruck gab. Rainis' Absage an den Symbolismus muß also ebenso formell aufgefaßt werden, wie seine Abkehr vom Impressionismus. Bei einer Negierung des Symbolismus als generelle ästhetische Konzeption nahm er jedoch seine schöpferische Technik auf, durch die er seine Anschauungen propagierte.

In einem so aufgefaßten Symbolismus konnte Rainis jedoch viel mehr finden als die bloße technische Schicht. Es muß nämlich daran erinnert werden, was über die Epoche an der Wende des XIX. und XX. Jahrhunderts gesagt wurde, nämlich daß „die Arbeiten der Künstler damals von einem großen weltanschaulichen Ehrgeiz bestimmt waren. Die Philosophie Nietzsches und Bergsons befruchtet die gesamte damalige Literatur³¹. Es ist hier schwierig, die Frage des Nietzscheanismus bei Rainis zu entscheiden. In seinem Werke „Menschliches, Allzumenschliches“ schrieb F. N i e t z s c h e: „Wer nur einigermaßen zur Freiheit der Vernunft gekommen ist, kann sich auf Erden nicht anders fühlen denn als Wanderer, — wenn auch nicht als Reisender nach einem letzten Ziele: denn dieses gibt es nicht“³². Man muß hier an die Worte aus dem Gedicht „Fremdling“ von Rainis denken, in dem das Symbol solch einer Haltung die Lage eines Wanderers ist, dessen Weg zu einem entlegenen, doch unerreichbaren und unbestimmten Ziele führt. Es ist bedeutsam, daß sich in der Literatur der uns interessierenden Epoche — wiederum wohl aus der Konzeption Nietzsches heraus — das Motiv der immerwährenden Wanderschaft stark entwickelt. Von der Teilhabe Nietzsches an dieser Konzeption sprechen wir daher, weil wir doch aus „Also sprach Zarathustra“ sein Bekenntnis herauslesen konnten: „Ich bin ein Wanderer und ein Bergsteiger...“³³ Aus der Lebenskraft dieses Gedankens ging die in der europäischen Lyrik jener Epoche zahlreiche Plejade der Wanderer, Pilger und Landstreicher hervor, die oft der porte-parole der Autoren waren. Es ist also nicht verwunderlich, wenn jenes Nietzscheanische Ideal der nach Erkenntnis strebenden Wanderschaft ebenfalls in Rainis' Lyrik eine Wiederbelebung findet. Wenn wir Elemente dieser

³⁰ K. D z i l l e j a, Op. cit., S. 20.

³¹ M. J a s t r u n, Op. cit., S. XXIII.

³² F. N i e t z s c h e, Menschliches, Allzumenschliches I, 638 [in:] Friedrich Nietzsche, Werke, herausgegeben von Alfred Baeumler, Leipzig 1930, B. 2, S. 356.

³³ F. N i e t z s c h e, Also sprach Zarathustra III, (Der Wanderer) Op. cit., B. 4, S. 167.

Haltung im Schaffen von Rainis feststellen, so muß doch wiederum auch diesmal die Behauptung stark hervorgehoben werden, daß jener Nietzscheanismus hier nicht in reiner Form auftritt, daß wir es hier eher nur mit der Übernahme einiger seiner Merkmale zu tun haben. Dieses Merkmal von Rainis' Poesie macht — wohl in höchstem Maße — die Originalität seiner Poesie aus, und als Beleg für diese Behauptung möge der berühmte „Wanderer“ dienen:

...Wówczas, gdy lata miną, samotnym wyruszysz,
ostatni z bliskich od ciebie odejdzie
niewielu wędrowców z bratnią sobie duszą
i rzadko kwiat na skalnej ujrzysz grzędzie
Potem i oni odejdą — i w górskiej krainie
cisza bezgraniczna serce twoje zatusi;
nie znajdziesz odpoczynku: tam zimne pustynie —
i wszystko się znajdzie za lodów zastoną,
lecz ziemskie tęsknoty w piersi znów zapłoną.³⁴

Jenes gekürzte Sonett weist sichtbare romantische Merkmale auf, die sich darin kundtun, wenn das lyrische Subjekt an die Konvention des lyrischen Helden anknüpft, der in seinem Schicksal vereinsamt ist; zugleich aber gewann die Nietzscheanische Konzeption des Wanderns einem unbekanntem, entlegenen Ziele zu einen symbolischen Rahmen. Charakteristisches Symbol solcher für den Menschen nützlicher Werte ist die Blume, die umso schätzbarer ist, als man sie in der Bergeswüste selten antrifft, solch ein Symbol dessen, was die Freiheit des Menschen fesselt ist „die Wand des Eises“, solch ein Symbol der Sehnsucht endlich und des Verlangens, die Fülle des Menschentums zu erreichen, ist das die Seele ergreifende Feuer. Der hier eingeführte Typus der Symbolik verrät zwar ebenfalls romantischen Ursprung; es genügt nämlich auf Mickiewicz's „Ode an die Jugend“ hinzuweisen, um sich darüber klar zu werden, daß das Motiv des „fühllösen Eises“ dieselbe künstlerische und ideologische Funktion erfüllte; Mickiewicz's Glaube daran, daß die Kräfte der Jugend jenes Eis zu schmelzen vermögen, findet seine Entsprechung in Rainis' Gedanken von der Sonne, die das Nahen des Frühlings beschleunigt („Die Jahreszeiten“). Die Symbole hatten zwar in Rainis' Auffassung keine konstanten Werte, doch oft nahmen sie die Form von Topoi an, wie es beim Symbol der Sonne oder der Blumen der Fall ist. Es ist charakteristisch, daß sich Rainis mittels jener festen Begriffe, die potentiell symbolische Ausdrucksmöglichkeiten in sich bergen, sehr oft aussprach, wobei er in den Symbolen des Feuers und der Sonne ein besonders großes Begriffsvolumen einschloß. Beide diese, in

³⁴ J. Rainis, Op. cit., S. 72.

der Literatur des europäischen Symbolismus geläufigen Zeichen erschienen in der Poesie von Rainis als Nachhall der Literatur des antiken Ostens, aber auch als Nachhall der romantischen Poesie sowie gleichfalls als Nachhall der lettischen Volkspoesie.

Das Symbol der Sonne — und das mit ihm verknüpfte Symbol des Feuers — gehört jedoch nicht zu den einfachen Symbolen. Stanisław Czernik, der die archetypischen Formen der polnischen Poesie analysierte, wies auf folgendes Moment hin: „Wenn man annimmt, daß dem Sonnenkult, oder dem sog. Solarmythos, eine Entwicklung religiösen Glaubens vorangeht, so muß festgestellt werden, daß in der Einbildungskraft unseres Volkes — in direktem Sinne — von diesem Pramythos nicht viel übrigblieb, wenig, ja fast gar nichts. Der ursprüngliche Mythos unterlag einer Aufteilung und Umgestaltung in andere Kulte und Mythen, von denen sich der wichtigste als der Mythos des Feuers erwies“⁸⁵. Es scheint, daß wir es in der lettischen Volksliteratur mit einer ähnlichen Erscheinung zu tun haben, obwohl in einem etwas geringeren Maßstab. Und ebenso wie auf den polnischen Gebieten wurde der Kult des Feuers auch auf dem Territorium, das von der lettischen Kultur umfaßt war, von der Alltäglichkeit gefestigt. Die Formen des Kults wurden von der Brauchbarkeit determiniert. Aus dieser Volkstradition übernimmt Rainis eine eigenartige Mythologisierung der Sonne und des Feuers, wobei er sie jedoch nicht personifiziert, was für die Volkspoesie charakteristisch ist. Das Dynamische der Symbole bei Rainis beruht auch oft auf deren veränderter Funktion. Um dies genauer zu illustrieren, bedienen wir uns einiger Beispiele:

Zapłon i świeć! Choć tyle

zrób: świeć choć jedną chwilę...

(W popiele)

... ogniska płomień w duszy rozpalony..

(Gasnący płomień)

... nowe się życie radośnie

dla wszystkich nas zapali!

(Ciche groby)

zio przytłaczające

swym gniewem spaliłem!

(Człowiek)

Tak długo promieniujesz światłem srebrzystym,

dopóki kochasz...

(Światło)

choć ciało się złamie, osunie, rozpadnie —

światło błysnie jasne wśród ciemności na dnie!

(Kwiatne sny)

⁸⁵ S. Czernik, *Trzy zorze dziewicze*, Łódź 1968, S. 185.

Um Funktion und Aufgaben jener Symbole in Rainis' Poesie zu bestimmen und den Versuch ihrer Konfrontation mit den in dieser Hinsicht für die Poesie der ihm zeitgenössischen Epoche typischen Erscheinungen vorzunehmen, müssen wir schließlich auch daran erinnern, daß es eine Epoche des Individualismus war, desselben Individualismus, der solche interessante Formen der universalistischen Philosophie bei Rainis angenommen hat. Daraus geht hervor, daß das Typische der äußeren Schicht jener symbolischen Zeichen gleichzeitig mit deren weit fortgeschrittenen Unabhängigkeit verbunden ist. Diese Formulierung ist nur scheinbar absurd. Wenn nämlich Rainis davon schreibt, daß das „erdrückende Böse“ von Feuer des Zorns vernichtet wurde, und wir eine ähnliche Formel bei Kasprowicz finden, bei dem das Feuer Ausdruck der Bereitschaft ist, alle Kräfte in den Dienst des Guten und Edlen zu stellen:

Tłilo w mej piersi zarzewie,
Materiał skier tak bogaty,
Ze jeno dać w palenisko,
A płomień ogarnie światy.³⁶

dann wird die Konstatierung von Ähnlichkeiten, die sich übrigens auf einer weiteren Ebene vollziehen kann, zur empirischen Bestätigung der These vom universalen, übernationalen (und zugleich nationalen und patriotischen) Charakter von Rainis' Poesie führen. Das Problem des immerwährenden Strebens des Menschen nach Vollkommenheit — und einer Nation zur Selbstbestimmung, lebte bei beiden Dichtern in ähnlicher Form auf, deren sythetische Formel der Ausspruch „per aspera ad astra“³⁷ sein könnte. Angesichts der dramatischen Ereignisse des ersten Weltkrieges gab Kasprowicz im „Buch der Armen“ der Hoffnung eines Menschen Ausdruck, der auf Veränderungen in der ihn umgebenden Welt wartet:

A może z straszliwej zawiei,
Co świat ten naokół niszczy,
Nie same li gruzy wyrosną,
Nie same li kupy zgłiszczy?³⁸

Jānis Rainis drückte im Sonett „Das neue Haus“ den flammenden Glauben aus an die unbegrenzten und schöpferischen Möglichkeiten des arbeitenden Menschen, dank welchem das Haus wieder aufgebaut wird, ungeachtet der Tragik jahrhundertelanger Zerstörungen:

³⁶ J. Kasprowicz, *Księga ubogich XI*, [in:] P. Hertz, *Zbiór poetów polskich XIX wieku*. Księga czwarta, Warszawa 1965, S. 251.

³⁷ Vgl. die Formel aus Rainis' Gedicht „Naprzód!": „Kamień się osuwa, dłoń o skałę krwawi... / Naprzód! To słońce — tam w dali!“ *Op. cit.*, S. 73.

³⁸ J. Kasprowicz, *Op. cit.*, S. 253.

... w ognia płomieniach
 ostał się naszego domu najtrwalszy fundament.
 Choć zielone drzewa niszczyły od gromu
 i budowli wśród dymu obraz jest zatarty,
 i wałą się spalone ściany tego domu,
 jednak ostał fundament na skale oparty,
 dom wzniosą pracą silni — i on wstanie z martwych! ³⁹

Eine Erscheinung, die beide Dichter einander nähert, ist zweifellos eine in emotioneller Hinsicht gleich starke Wendung zu identischen Symbolen. Über die individuelle Art aber, diese identischen symbolischen Zeichen auszunützen, entscheidet jedoch das Verhältnis der Poesie zu der sie umgebenden Welt, und in dieser Hinsicht blieb *Kasprowicz* bis an sein Lebensende ein vom geschichtlichen Augenblick unabhängiger Dichter ⁴⁰, während der Pulsschlag von Rainis' Poesie in einen mit der Atmosphäre der Zeit übereinstimmenden Rhythmus schlägt und ihr einen recht starken politischen Anstrich verleiht. Im Sinne von Rainis wurde das Symbol-Zeichen zum Mittel, Gedanken auszudrücken, die einen konkreten gesellschaftlichen Adressaten haben, was bedeutete, dass der Kult des Schönen dem Befehl des Augenblicks untergeordnet wurde, und dies sogar auf Kosten von Opfern der Möglichkeit und des Verzichts, interessante ästhetische Effekte zu erzielen:

Niebiesko-niebieskie jest spojrzenie nieba —
 dłużej już śnić nie można... nie trzeba! ⁴¹

In Übereinstimmung damit wurde Rainis zum Erwecker des nationalen Gewissens, der kompromisslos alle Erscheinungen einer Kompromiß-Haltung („Philister“, „Kultur“) bekämpfte und sich nicht scheute, offen und rücksichtslos zu handeln. Er manifestierte dies im — wiederum symbolischen — Bild:

To ja jęczałem,
 gdy krwawiła rana,
 znów ją rozdzierałem,
 kiedy ból ustawał. ⁴²

Man kann also die Art, wie Rainis die der Nation dienende Rolle der Literatur verstand, mit der schöpferischen Methode Stefan Żeromski's identifizieren, der 1910 im „Sułkowski“ bezeichnend sagte, daß „die polnischen Wunden aufgerissen werden müssen, damit sie nicht durch die Haut der Gemeinheit vernarbt werden“. Um die Richtigkeit dieser Be-

³⁹ J. Rainis, Op. cit., S. 77.

⁴⁰ So sieht es M. Jastrun, *Poezja Młodej Polski*, Wrocław 1967, S. X.

⁴¹ J. Rainis, Op. cit., S. 48.

⁴² Ebenda, S. 26, Gedicht „Człowiek“.

hauptung vollends zu beweisen, setzen wir noch dies hinzu, daß eines der charakteristischsten Werke von Kasprowicz seine „Hymnen“ waren — und solch eine Stimmung und Atmosphäre ähnlicher schöpferischer Elemente bei Rainis vergeblich zu suchen sind. Immer deutlicher zeichnet sich also die These ab, daß Rainis in solchen Situationen, in denen es ihm um den Ausdruck zentraler Gedanken zu tun war, nach Zeichen griff, die Toposcharakter tragen — und in diesem Augenblick zeichneten sich Punkte ab, an denen sich seine Poesie mit dem Schaffen anderer für seine Epoche charakteristischer Dichter berührt. Der „Rest“ war die Wahl seines eigenen Weges.

Auf überaus charakteristische Weise wird die Richtigkeit jener Worte durch eine zumindest unverhoffte Gegenüberstellung bestätigt, nämlich durch die Konfrontation des Gedichtes „Vorwärts“ von Rainis mit dem Vers, den Antoni Lange schrieb — „Ich baute eine Brücke“. Stellen wir also beide Texte einander gegenüber, um ihre Ähnlichkeiten zu erwägen:

Rainis

Na zawsze za tobą te mosty spalone,
co znowu do domu sprowadzić cię mogły,
tam objąć cię chciałem, przytulić do łona,
oddechem ciepła dodać dłoniom chłodnym...
Most jest zwalony i łódź rozerwana,
przed tobą skałę burzy cios rozwalił,
nad pustym brzegiem mewa rozkrzyczana...
Kamień się osuwa, dłoń o skałę krwawi...
Naprzód! To słońce — tam w dali!

Lange

Wybudowałem most
I dwa złączyłem brzegi rzeczne,
Iż mogłem wprost
Z tej strony iść w jutro bajeczne...
Zostały za mną kresy ciemne,
Pełne snów i pocałowań,
I rozczarowań...
Ale choć mi ich żal,
Muszę płynąć w dal —
W te krainy niepojemne..
Pragnąłbym iść z powrotem,
Lecz głos mi woła: „Spal!”
O, chciałbym iść z powrotem,
Za młodości słońcem złotem...
Lecz głos mi rzekł:
„Zapomnij — i idź w dal —
Idź wprost

Na tamten brzeg!...”
 ... Przeszedłem na tamten brzeg
 I podpaliłem most...⁴³

Der Gemeinsamkeit der Thematik entspricht die Gemeinsamkeit der Motive. In beiden Fällen symbolisiert auch die Brücke die Möglichkeit, in die Vergangenheit zurückzukehren, der sich das voller Ehrgeiz seiende „Ich“ des lyrischen Subjekts energisch widersetzt, das den Entschluß faßt, den heroischen Kampf mit dem Schicksal aufzunehmen. Das Motiv der Brücke hat dabei nicht den Charakter eines Topos und stellt in beiden Fällen den Exponenten der poetischen Erfindungsgabe der Dichter dar. Doch die Individualität der von Lange und Rainis dargebotenen Einkleidung wird vom unterschiedlichen Begriff jener Vergangenheit bestimmt. Für *L a n g e* bedeutet nämlich die Rückkehr in die Vergangenheit zwar eine Rückkehr in das Land der Träume, welches übrigens — in Übereinstimmung mit dem von dem repräsentierten Typus der Poesie — auch ein Land der Enttäuschung war, während „die andere Seite“ die potentielle Existenz des Glücks vertrat. Es war dies also solch eine Erfassung des Themas, wie man sie vom ästhetisierenden Verfasser des Gedichtes „Der Reim“ erwarten konnte. Bei Rainis ist es anders. Hier war die Rückkehr in die Vergangenheit ebenso attraktiv wie unmöglich; die Brücken wurden nämlich für immer verbrannt, gleichzeitig aber erwies sich der Weg in die Zukunft nicht als idyllisches Streben nach einem Land märchenhaften Glücks, und auch die Zukunft erwies sich nicht einfach, und das Streben nach ihr bedeutete die Aufnahme des Kampfes mit dem Leben; auf diese Weise erhielt das Nietzscheanische Modell der Wanderschaft einen zusätzlichen Wert; hinzu kam, daß der Sinn jenes Kampfes umso größer war, daß für das lyrische Subjekt aus dem Gedicht von Rainis der Sinn seines Kampfes sichtbar war, was dem Leser mittels des Sonnensymbols bekanntgemacht wurde. Die Ähnlichkeit der von beiden Dichtern eingeführten Symbole bedeutete also nicht Identität der Haltung, denn diese nahm bei Rainis einen deterministischen Charakter an. Wenn wir auf diese Weise wieder zum Gedanken der universalistischen Philosophie von Rainis zurückkehren, stehen wir auf dem Standpunkt von Individualismus des Dichters, der durch die von ihm angewandten Symbole sichtbar wird.

In Rainis' Poesie müssen jedoch als interessanteste Erscheinungen der symbolistischen Technik vor allem diejenigen Gedichte erachtet werden, in denen der Dichter seine Aufmerksamkeit auf Naturbilder bzw. -motive

⁴³ J. Rainis, Op. cit., S. 72. Langes Gedicht zit. nach M. Jastrun, *Poezja Młodej Polski*, S. 27—28.

konzentriert hat. Seine große dichterische Kunst verursacht hier nämlich, daß rein bildhafte Elemente gleichzeitig mit Symbolen verschmolzen sind; Rainis' Poesie hört demnach auf, mit Zeichen zu operieren und beginnt durch reine Bilder symbolischen Charakters zu sprechen. Ungeachtet es so scheinen mag, bedeutet dies beileibe keine Annäherung an die Bremondewsker Konzeption der „poésie pure“, sondern es macht eine künstlerische Kulmination im Werke von Rainis aus; gleichzeitig war es typisch für ihn, Stimmung zu schaffen. Diese stellte jedoch nicht, wie in den typischen Erscheinungen der Poesie jener Epoche, den Zweck selbst dar, war demgegenüber — wie es etwa bei Kasprowicz der Fall war — übergeordneten, d.h. symbolischen Zwecken unterstellt. In dieser Hinsicht wurde kompositionsmäßig auf interessante Weise der dreifache Zyklus gekürzter Sonette „Das Nordlicht“ gelöst, in dem das Bild der Natur mit einer Analyse historischer Prozesse verschmolzen wurde, denen die Gesellschaft unterliegt. Wichtig ist hierbei, daß Rainis gänzlich dem Ästhetismus entsagte, als er diese Konzeption aufnahm, und daß die Komposition des Zyklus, die von einer deutlichen dramatischen Linie bestimmt wird, sich gleichzeitig durch klare Übersichtlichkeit auszeichnet. Der kalte Schein des Nordlichts wurde für den Dichter das Symbol dessen, was dramatisch und ungewöhnlich ist; gleichzeitig erhielt er die Bedeutung eines Schlagwortes, das zur Tat provoziert. Dank dessen nahm das Sonett die Gestalt einer symbolischen Version der Gedichte von des Dichters eigener Nation an. Das ist umso wesentlicher, als es sich für den Dichter gehörte, auf einem ähnlichen Standpunkt zu stehen, wie ihn einst C. K. Norwid akzentuiert hatte, der sagte, daß die Geschichte nicht allein von einer Summe von Tatsachen gebildet wird, sondern ebenfalls von der Anschauung, die eine Nation über diese Tatsachen besitzt. Rainis war Schmied dieser Anschauungen — und den Beweis hierfür liefert eben „Das Nordlicht“. Das scheinbar katastrophische Bild des feurigen Sturmes, durch den der Zyklus abgeschlossen wird, verstärkt den dramatischen Effekt und stellt zugleich einen starken, optimistischen Abschlußakzent vollen Glaubens daran dar, daß „eine neue Zeit anbricht“. Dies bedeutet, daß sich Rainis mit seiner Haltung über den typischen modernistischen Ästhetismus erhob, was eine Konfrontierung des „Nordlichts“ mit dem für die polnische Literatur charakteristischen Gedicht „Abend“ von Zenon Przesmycki ergibt:

[...] Płyną pasy chmur — to gońce
 Nocy, wiecznej nocy może...
 Może wiecznej... Któż odgadnie,
 Czy dziś w wieczną toń nie padnie
 Dusza jego — i czy końca
 Ludzkość nocy tej doczeka?

W mrokach grzmi nicości rzeka...
 Błysk!... Nadzieja! Krag miesiąca! ⁴⁴

Jener illusorischen, vergänglichen und unsicheren Hoffnung des polnischen Dichters kann mit voller Gewißheit Rainis' entschlossener Optimismus gegenübergestellt werden, obgleich zweifellos die Gleichheit der Symbole in Betracht gezogen werden muß, weil der zentrale Punkt in dem von Przesmycki geschaffenen Bild das „blutig flammende Nordlicht“ ist.

Auf Grund der hier besprochenen Beispiele sowie mit Berücksichtigung früherer Folgerungen, die sich auf Rainis' Verhältnis zu den führenden ästhetischen und ideologischen, in der Poesie seiner Zeit herrschenden Tendenzen beziehen, kann man nun den Versuch wagen, Schlüsse zu ziehen, die die Funktionalität und die formalen Eigenschaften von Rainis' Symbolismus betreffen. Um jenes Bild noch schärfer zu exponieren, erwähnen wir nur, daß in den Programmen der polnischen Modernisten aufrührerisch die Worte von der Nichtanerkennung „moralischer noch gesellschaftlicher Rechte“ ⁴⁵ ertönten — während Rainis in seiner literarischen Tätigkeit sowohl infolge individueller als auch nationaler Rücksicht in bezug auf jene Rechte besonders empfindlich sein mußte. Wir erwähnen dies deshalb, weil mit allem Nachdruck die Überzeitlichkeit von Rainis' Poesie hervorgehoben werden muß — und dies weniger im Sinne ihres Bestehens, als im Sinne eines Eindringens in ihre organische Materie. Rainis' Poesie wurde nämlich zur authentischen Brücke, die in einem langen schöpferischen Prozeß Elemente einer romantischen Haltung mit solchen verband, die für die positivistische Literatur symptomatisch sind, die impressionistische Elemente und Fragmente Nietzscheanischer Haltung mit der Approbation eines weit aufgefaßten Humanismus zu einen Ganzen verband. Wenn also der lettische Gelehrte K. Dzīleja, der an ähnliche Erscheinungen dachte, diese Haltung von Rainis als — wie wir erwähnten — universalistisch bezeichnete, so weisen wir — indem wir seine Behauptung weiter ausführen — am Ende dieser Erwägungen darauf hin, daß Rainis' dichterische Tätigkeit der lettischen Literatur nicht nur die Schöpfung einer Literatursprache brachte, sondern gleichzeitig ihre kulturelle Jungheit reduzierte, indem sie die lettische Poesie aus der romantischen, also damals kulturell jüngeren Entwicklungsstufe auf eine der damaligen modernen Poesie nahe Stufe führte. Dies bedeutete, daß die lettische Literatur als ebenbürtiger Partner in die Weltliteratur eingeführt wurde, was für die

⁴⁴ Zit. nach M. Jastrun, *Poezja Młodej Polski*, S. 9.

⁴⁵ Die Worte stammen aus „Confiteor“ von S. Przybyśzewski (1899), das ein Manifest der jungpolnischen Anschauungen darstellt.

lettische Literatur eine grundsätzliche Bedeutung hatte. Rainis' Tätigkeit erlangte großen Weltruhm⁴⁶, was zu den Bemühungen führte, Rainis den Nobelpreis zuzuerkennen. In dieser Tatsache liegt nichts Außergewöhnliches: Rainis' Poesie wurde nämlich eine Synthese der wesentlichsten Bestrebungen, die am Ende des XIX. und am Anfang des XX. Jahrhunderts in der europäischen Poesie auftraten. Um diese Synthese auszudrücken, bediente sich Rainis des Symbolismus — und die Feststellung eben dieser Tatsache befiehlt, jene in Rainis Werk schöpferische Technik für wichtig und charakteristisch anzuerkennen.

⁴⁶ Den Widerhall von Rainis' Werk in der Weltliteratur stellte K. Egle, Rainis citu tautu skatījurnā, Karogs 1965, Nr. 12, S. 124—127, dar.

II. DYSKUSJE — DISCUSSIONS

З. Ю. Копыцкий

Минск

НОВОЕ РЕШЕНИЕ ОДНОЙ СТАРОЙ ПРОБЛЕМЫ

Последнее десятилетие в развитии белорусской советской историографии отмечено рядом интересных и, на мой взгляд, важных теоретических поисков и решений в различных областях истории белорусского народа. Две главных тенденции выделяют историографию этого периода: первая состоит в освещении новых, неизученных еще вопросов, для второй характерны попытки пересмотреть некоторые утвердившиеся взгляды на социально-экономическое содержание тех или иных этапов исторического развития Белоруссии, ее отдельных территорий. Первая тенденция преобладает в исследованиях истории Белоруссии в советскую эпоху, вторая, полемическая, в большей степени отличает работы, рассматривающие исторические явления и процессы капиталистической и особенно феодальной эпохи. Интересными и многообещающими в этом плане кажутся нам те наблюдения и выводы, к которым пришел В. И. Мелешко в ряде своих статей, освещающих экономический облик, уровень экономического развития востока Белоруссии в XVII—XVIII вв.¹ Автор с полным основанием рас-

¹ В. И. Мелешко, О торговле и торговых связях Могилева в XVII в. „Труды Института истории Академии наук БССР“, вып. 3. Минск 1958; он же. Да пытання аб зараджэнні капіталістычных адносін у гарадской дробнай прамысловасці Беларусі першай палавіны XVIII ст. (на матэрыялах Могілева) „Весці АН БССР“, серыя грамадскіх навук, № 2. Мінск 1959; он же. Структура і характар іноземнай торгавлі Могілева в XVIII в. „Матэрыялы канферэнцыі моладых учэных АН БССР“, Мінск 1962; он же. О феодальной ренде и развитии товарно-денежных отношений в королевских экономиях восточной Белоруссии в конце XVI—XVIII вв. „Ежегодник по аграрной истории Восточной

смаатривает восток Белоруссии, как предмет специального исследования. В пользу такого взгляда говорит тот факт, что на востоке социально-экономическое и политическое развитие в феодальную эпоху привело к ряду особенностей, неизвестных на западе и в центральной части Белоруссии. Особенно разительны присущие востоку Белоруссии отличия судеб феодального поместья, структуры феодального землевладения и землепользования. Крестьянское хозяйство, повинности крестьян и прежде всего соотношение различных форм феодальной ренты на востоке Белоруссии не только не повторяют то, что утвердилось на западе и центре, но и содержат некоторые диаметрально-противоположные явления. И самое важное: именно восток явился очагом массового и репрессивного антифеодального движения белорусского крестьянства. Если добавить к этому, что и городская жизнь выступила здесь в наиболее ярких очертаниях и формах, что здесь сложились самые крупные города, игравшие роль ведущих центров ремесла, торговли и городской культуры, то станет очевидным, что восток Белоруссии достоин самого пристального внимания историка, изучающего феодальную эпоху.

По-своему поняли и объяснили своеобразие востока Белоруссии дворянские и буржуазные историки XIX в. Обозревая взгляды и оценки своих предшественников В. И. Меленко обращает внимание на

Европы, 1962 г.", Минск 1964; он же. Магнатское и крестьянское хозяйство Шкловского графства в Восточной Белоруссии во второй половине XVII — первой половине XVIII в. „Тезисы докладов и сообщений восьмой (московской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы". М., 1965; он же. Основные черты развития аграрных отношений в Восточной Белоруссии в XVII—XVIII вв. (до воссоединения с Россией). „Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 год". Кишинев 1966; он же. Рыночные связи сельского хозяйства Восточной Белоруссии во второй половине XVII и в XVIII в. (до воссоединения с Россией). „Тезисы докладов и сообщений девятой (таллинской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. 1966". Таллин 1966; он же. Из истории аграрных отношений в Восточной Белоруссии в период упадка Речи Посполитой (с середины XVII в. — до 1772 г.) „Acta Baltico-Slavica" V. Białystok 1967; он же. Положение крестьян Кричевского староства во второй половине XVII—XVIII вв. (до воссоединения Белоруссии с Россией). „Тезисы докладов и сообщений десятой сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Ленинград, январь 1968 г.)". М., 1968; он же. Сялянская гаспадарка Усходняй Беларусі і рынак у другой палавіне XVII—XVIII ст. „Весті АН БССР", серыя грамадскіх навук, № 1. Мінск 1969; он же. К вопросу о состоянии экономики Белоруссии и Литвы в конце XVIII в. „Советское славяноведение" № 1, 1968; он же. Handel i stosunki handlowe Białorusi Wschodniej z miastami Nadbałtyckimi w końcu XVII i w XVIII wieku. „Zapiski Historyczne", T. XXXIII, zeszyt 4. Toruń, 1968; он же. Классовая борьба в белорусской деревне в конце XVII — первой половине XVIII вв. (доклад, прочитанный на заседании Ученого совета Института истории АН БССР 17 января 1969 г., рукопись).

утвердившееся в литературе представление о востоке Белоруссии, как крае экономически отсталом, в сравнении с ее западными и центральными территориями. Впервые этот взгляд был сформулирован, как справедливо отмечает В. И. Мелешко, в трудах буржуазных ученых². К этой общей оценке следует добавить, что восток Белоруссии в представлении указанных авторов выглядел территорией, население которой как бы замерло на стадии древне-русской общины, со всеми присущими ей чертами хозяйственной, социальной жизни и быта. Славянофильски настроенных дворянских и буржуазных историков умилял консерватизм сохранившихся здесь отношений „седой старины“, якобы сумевшей противостоять всем „чужеземным влияниям“. Смысл этой позиции носил и явный политический оттенок, состоявший в том, чтобы всячески подчеркнуть „истинно русский“ облик всей жизни населения востока Белоруссии и таким образом как бы подвести идеологическую базу под всю политику царизма в Западном крае: от прямой русификации до открытого подавления демократического и революционного движения. В годы первой мировой войны идея приверженности старине населения восточной Белоруссии получила в работе А. С. Грушевского о городах Великого княжества Литовского в XIV—XVI вв. другой политический оттенок. В изображении этого автора заинтересованность в сохранении старины, оказывается, отражала общность устремлений великого князя и населения³. Односторонне выпяченные им отдельные явления были явно направлены к тому, чтобы нарисовать идиллическую картину трогательного единения государя и народа, занятых в равной мере соблюдением и защитой „исконных основ“. В этой идеализации феодального государства нельзя не видеть еще одного подтверждения правоты В. И. Ленина, который, разоблачая буржуазно-либеральную историографию начала XX в., писал: „...Все либеральные и часть народнических историков прикрашивают крепостничество и крепостническую государственную власть России“⁴. Своеобразным проявлением этой позиции и следует считать всю концепцию незыблемости „исконных начал“, „седой старины“, „истинно-русских учреждений“, преобладающую в характеристике буржуазных ученых социально-экономической жизни востока Белоруссии в XVI—XVIII вв.

Следует видимо лишь отчасти согласиться с мнением В. И. Мелеш-

² В. И. Мелешко, Из истории аграрных отношений в Восточной Белоруссии в период Речи Посполитой (с середины XVII в. до 1772 г.) „Acta Baltico-Slavica“, V. Białystok 1967, стр. 41, 44.

³ См. А. С. Грушевский, Города Великого княжества Литовского в XIV—XVI вв. Их старина и борьба за старину. Киев 1917.

⁴ В. И. Ленин, ПСС, т. XXIII, стр. 16.

ко, что историки второй половины XIX в. не располагали фактами, свидетельствующими, что процесс развития поместного хозяйства, крепостнических отношений не затронул восток Белоруссии. Об этом свидетельствует, например, работа В. И. Пичеты, который на основе анализа Бобруйской устavy 1626 г., опубликованной в „Актах Виленской археографической комиссии” (т. XXV), привел доказательства того, что и на востоке предпринимались попытки „уничтожить старые формы землевладения и землепользования и организовать фольварочное хозяйство”⁵. Главной причиной было не то или иное количество источников, а та идейно-теоретическая позиция, с которой буржуазные историки подходили к имевшимся в их распоряжении источникам. Характеристика буржуазными историками социально-экономической обстановки востока Белоруссии лишней раз убеждает, что буржуазная историография и буржуазная социология, говоря словами В. И. Ленина, „...в лучшем случае давала накопление сырых фактов, отрывочно набранных и изображение отдельных сторон исторического процесса”⁶. Именно с такой направленностью буржуазной историографии мы прежде всего сталкиваемся и в данном случае.

Нельзя не согласиться с автором рассматриваемых статей, когда он выступает с возражением против некоторых крайностей, проявившихся во взглядах отдельных советских историков (Т. Забела, И. Ф. Лочмель), изображавших XVIII в. в истории Белоруссии как время глубокой натурализации крестьянского хозяйства, полного обнищания и вымирания крестьянства⁷. Автор правильно отмечает большое значение исследований В. И. Пичеты, Д. Л. Похилевича, польских историков С. Костялковского, И. Рутковского, И. Можжи и других. Однако здесь важно было определить и те конкретные достижения каждого из указанных авторов в освещении того или иного вопроса, входящего в предмет исследования. При таком подходе отчетливее видны еще нерешенные задачи и свое место в их решении. Конкретность оценки того, что сделано предшественниками, избавляет от повторений и позволяет более целенаправленно строить собственное изложение.

Рассматриваемые работы В. И. Мелешко охватывают большой круг важных вопросов социально-экономического развития восточной части

⁵ См. В. И. Пичета, Аграрные реформы в восточных областях Литовско-Русского государства во второй половине XVI и в начале XVII в. „Белоруссия и Литва XV—XVI вв.” М. 1961, стр. 151.

⁶ В. И. Ленин, ПСС, т. XXVI, стр. 57.

⁷ В. І. Мялешка, Славянская гаспадарка Усходняй Беларусі і рынак у другой палавіне XVII—XVIII ст.ст. „Весці АН БССР”, серыя грамадскіх навук № 1. Мінск 1969.

Белоруссии во второй половине XVII—XVIII вв. К ним следует отнести: крестьянский надел и крестьянское хозяйство, поместное хозяйство, повинности крестьян, рыночные связи крестьянского хозяйства и роль в них города, торговую деятельность господствующего класса, роль промыслов в экономическом облике восточной Белоруссии, наемный труд, как фактор ее экономической жизни, структуру феодальной ренты, основные тенденции социально-экономического развития на востоке Белоруссии, классовую борьбу крестьянства. Иначе говоря, рассматриваемые работы В. И. Мелешко исследуют все важнейшие стороны проблемы аграрных отношений и их главные социальные следствия на востоке Белоруссии. Учитывая, что прежняя литература не знает такого всестороннего подхода к проблеме, неполноту и ошибочность в ней ряда выводов и суждений, автор, естественно не мог ограничиваться теми источниками, которые использовали его предшественники. Он предпринял широкий и длительный поиск в архивах и рукописных отделах библиотек Москвы, Ленинграда, Минска, Гродна, Вильнюса, Пскова, Львова, Киева, Варшавы, Кракова, Вроцлава, Курника. Собранный им материал отличается большим разнообразием. Судя по сообщениям автора, свои исследовательские решения он строит, располагая несколькими группами оригинальных источников. Одну из них составляют инвентарные описания, другую — отчетные материалы и инструкции, третью — таможенные книги семи городов, четвертую — разнообразный актовый материал, в котором содержатся королевские привилегии, жалобы крестьян, пятую — корреспонденции владельцев поместий с администрацией. Таким образом, в распоряжении автора имеются материалы, содержащие весьма подробную и разнообразную информацию по исследуемым вопросам. Несомненно, нет оснований считать ее полной или тем более исчерпывающей. Это обстоятельство подсказывало необходимость источниковедческого анализа. Он позволил бы автору оговорить как статические, так и динамические возможности используемых источников. Последние явно ограничены, так как автор редко прибегает к методу сопоставления однотипных данных за разные годы. Но тем не менее даже в пределах отдельных констанций свидетельства источников позволяют построить весьма убедительную характеристику и предложить аргументированные наблюдения по каждому из рассматриваемых автором вопросов.

С точки зрения данных, используемых В. И. Мелешко нет основания считать восток Белоруссии областью, оставшейся незатронутой процессом образования феодального поместья. Оно и здесь стало в течение XVI—XVIII вв. социально-экономической реальностью. Однако, замечает автор, фольварок играл здесь второстепенную роль как в хо-

зяйственной деятельности господствующего класса, так и в эксплуатации крестьянства. Лишь во владениях средней и мелкой шляхты, считает В. И. Мелешко, фольварки сохранялись в течение XVII—XVIII вв. В то же время на примере Шкловского графства, Могилевской экономии автор заключает, что в крупных поместьях на востоке Белоруссии фольварки были ликвидированы⁸. Однако, ликвидация фольварочно-барщинного хозяйства не означала победы общинного землевладения над феодальным. Суть этого процесса состоит, по мнению автора, в том, что происходила не замена одного принципа землевладения (феодального) другим (общинным), а смена форм ренты в сторону увеличения удельного веса денежной ренты, вытеснявшей барщину⁹. К тому же говорить о полном отсутствии барщины на востоке в XVIII в. нет оснований, ибо как замечает автор, на нее опирался весь хозяйственный строй владений средней и мелкой шляхты. Удельный ее вес в повинностях крестьян на востоке Белоруссии автор не выясняет, так как не располагает данными о численности крестьян в поместьях средней и мелкой шляхты.

Но барщина, как отмечает В. И. Мелешко, сохранялась в середине XVIII в. и в некоторых староствах (Быховском, Речицком)¹⁰. Таким образом, исследования В. И. Мелешко показали, что процесс усиления феодального землевладения, начало которого отметил В. И. Пичета в первой половине XVII в., к концу XVIII в. охватил, по сути, всю территорию востока Белоруссии. Следовательно, общинное землевладение не занимало в XVIII в. того доминирующего места, которое ему принадлежало до конца XVI века. Легенда о „первозданной старине“ востока, созданная буржуазной историографией, развеяна В. И. Мелешко и в этом несомненное научное значение его исследования данного вопроса.

Большое научное значение имеет также характеристика в рассматриваемых работах автора уровня экономики в XVIII в. Издавна принято в литературе считать, что этот век был временем глубокого экономического упадка. На этой мысли настаивали не только буржуазные историки. Она перешла и на страницы работ некоторых советских

⁸ В. И. Мелешко, Из истории аграрных отношений. „Acta Baltico-Slavica“. V. Białystok 1967, str. стр. 47, 48.

⁹ В. И. Мелешко, О феодальной ренте и развитии товарно-денежных отношений в королевских экономиях Восточной Белоруссии в конце XVI—XVIII вв. „Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г.“ Минск 1964, стр. 227, 228—229.

¹⁰ В. И. Мелешко, Основные черты развития аграрных отношений в Восточной Белоруссии в XVII—XVIII вв. (до воссоединения с Россией). „Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 год“. Кишинев 1966, стр. 254, 255.

историков. Более того, данный вывод был положен в основу периодизации истории Белоруссии. Но в свете исследований В. И. Мелешко хозяйственного облика восточной Белоруссии оказывается, что для такого вывода нет оснований. Из большого числа данных о хозяйственной деятельности господствующего класса, городского купечества и крестьянства явствует, что преодолевая страшную разруху и разорение, причиняемые войнами, восточная часть, как и вся Белоруссия жила активной для масштабов того времени, сельскохозяйственной, промысловой и торговой деятельностью. Это свое положение В. И. Мелешко аргументирует весьма обстоятельно и разносторонне. В качестве наиболее общего показателя исследователь использует данные вывлеченной им и ранее неизвестной таблицы экспорта и импорта Великого княжества Литовского за 1786—1791 годы. Всесторонне и тщательно проанализировав ее данные, автор с полным основанием заключает, что главной чертой экономики Белоруссии и Литвы к концу XVIII в. было развитие сельскохозяйственного производства, рост его товарности, и что все это „показывает несостоятельность теории упадка экономики Белоруссии и всего Великого княжества Литовского в конце XVIII в.“¹¹ Наблюдения В. И. Мелешко по данному вопросу заставляют думать, что в периодизацию истории Белоруссии феодальной эпохи необходимо внести уточнение, с тем, чтобы исключить положение, при котором тот или иной зигзаг собственной мысли иные историки склонны представить этапом самой истории.

В указанном общем выводе В. И. Мелешко можно было бы усомниться, если бы его исследование экономики Белоруссии исчерпывалось анализом указанной таблицы. Но ряд его статей содержит весьма конкретную и опять-таки хорошо аргументированную картину уровня экономики востока Белоруссии. На анализе материалов магнатских владений и королевской экономики автор приходит к выводу, что одним из важнейших источников дохода феодала являлась реализация продуктов сельского хозяйства на внутреннем и особенно внешнем рынках. Предметами торговли были и изделия промысловых заведений (поташ, ордаш, лес, лесоматериалы, льняное семя). Только в Кричевском старостве в 1747 г. было, по подсчетам автора, около 60 промысловых заведений¹². Доход от реализации продукции промыслов в Шкловском графстве за 1693 г. составил 43,6% всех доходов, в Могилевской

¹¹ В. И. Мелешко, К вопросу о состоянии экономики Белоруссии и Литвы в конце XVIII в. „Советское славяноведение“, № 1. М. 1969.

¹² В. И. Мелешко, Положение крестьян Кричевского староства во второй половине XVII—XVIII вв. (до воссоединения Белоруссии с Россией). „Тезисы докладов и сообщений десятой сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Ленинград, январь 1968 г.)“, М. 1968, стр. 130.

экономии за 1742 г. — 37,7⁰/₀, в Чечерском старостве за 1754 г. — 67,0⁰/₀, в Гомельском старостве за 1771 г. — 51,4⁰/₀¹³. Торговая деятельность имела столь серьезное значение, что в нее вкладывалась большая часть всех денежных поступлений. В Дубровенском графстве, например, в 1762 г. было вложено в торговлю 61,9⁰/₀ всех денежных доходов, в 1763 г. — 59,3 а в 1764 г. даже все 100⁰/₀¹⁴. Характеризуя структуру экспортных операций феодалов, автор установил абсолютное преобладание в этих операциях технических культур, подчеркнув тем самым сельскохозяйственную специализацию востока, как района льноводства и коноплеводства. Опираясь на анализ большого числа данных, автор с полным основанием характеризует восток Белоруссии как район активных товарно-денежных отношений, развитых рыночных связей и правомерно ставит в связь с этой стороной экономики преобладание денежной ренты над барщиной. Возможно, что сельскохозяйственная специализация района на технических культурах явилась и одной из причин того, что здесь не было условий для создания феодального поместья, фольварка. Как известно, фольварк стал господствующей формой организации феодального хозяйства в зерновых районах Белоруссии. Автор не уделил внимания этому обстоятельству, но как нам кажется, в ряду причин, объясняющих отсутствие фольварка на востоке оно должно быть учтено. По-видимому фольварки во владениях средней и мелкой шляхты представляли собой прежде всего хозяйства, занятые производством зерновых культур. Если это так, то рассмотрение средне-и мелкопоместного хозяйств, о которых автор лишь упоминает, позволило бы уточнить понимание причин, исключивших на востоке барщину, как основную форму ренты. Отсутствие в исследованиях автора этого, на наш взгляд, принципиального момента, вынудило его искать объяснение указанного обстоятельства не в экономике самого востока Белоруссии, а главным образом, в области социально-политической и во внешних факторах. Выдвинутые в этом плане автором соображения (близость к Русскому государству, к украинскому казачеству) играли скорее роль дополнительных моментов, главная же причина, как нам кажется, коренилась в своеобразных чертах экономики востока, т.е. во внутренних, а не внешних условиях развития.

Значительное место в исследованиях. В. И. Мелешко занимает эко-

¹³ В. И. Мелешко, Основные черты развития аграрных отношений в восточной Белоруссии в XVII—XVIII вв. (до воссоединения с Россией). „Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 год”. Кишинев 1966, стр. 257.

¹⁴ W. I. Mielieszko, Handel i stosunki handlowe Białorusi Wschodniej z miastami nadbałtyckimi w końcu XVII i XVIII wieku. „Zapiski Historyczne”, T. XXXIII, 1968 г., з. 4, Toruń 1969, tab. 14, стр. 86.

номическая характеристика крестьянского хозяйства и положение крестьянских масс. Наблюдения и вывод автора не оставляют сомнения в том, что XVI—XVIII вв. были для востока, как и для запада периодом прогрессирующего сокращения крестьянского надела. Сохранение общины не смогло устранить этого процесса. Кстати, заметим, что уже В. И. Пичета, анализируя факты Бобруйской устави 1626 г. обратил внимание на ослабление роли общины, сужение ее компетенции и потери прежнего влияния¹⁵. Было бы весьма интересно проследить судьбу общины, ее роль в повседневной жизни и деятельности крестьянства на востоке Белоруссии в конце XVII и в XVIII вв. Исследования В. И. Мелешко этот вопрос не затрагивают. Автор здесь ограничивается лишь указанием на то, что община оставалась серьезным фактором всей социально-экономической и политической жизни края. Указанный вывод В. И. Пичеты, оспаривающий тенденцию идеализировать роль общины на востоке, весьма отчетливо проявившуюся в трудах М. В. Владимирского-Будакова, Ф. И. Леонтовича, М. В. Довнар-Запольского, обязывает сделать этот вопрос предметом специального рассмотрения.

Из данных, рассмотренных В. И. Мелешко с полной очевидностью явствует, что общинное землевладение и землепользование в применении к пахотным землям в XVII—XVIII вв. было ликвидировано. Здесь утвердилось право и собственность феодала. Лишь угодья общего пользования (выпасы, выгоны, леса) оставались еще в ведении общины. Однако, вопрос этот требует дальнейшего изучения, как и вся проблема места и роли общинных начал в социально-экономической и политической жизни белорусского крестьянства на востоке.

Основу крестьянского хозяйства в XVII—XVIII в. составлял на востоке, как и на западе, пахотный надел. Произведенные автором подсчеты показывают, что на востоке в XVIII в. крестьянин лучше был обеспечен землей, чем на западе и в центре Белоруссии. В Могилевской экономике он составлял 0,89 волюки, в Шкловском графстве 1,1—1,3 волюки. Здесь сравнительно высокой была и обеспеченность рабочим скотом. Но, как отмечает автор, были и малоземельные хозяйства с 1/4 волюки и с еще меньшими наделами. Такого рода наделы преобладали, считает В. И. Мелешко, во владениях средней и мелкой шляхты¹⁶. Констатация эта сама по себе весьма интересна, но важно

¹⁵ В. И. Пичета, Аграрные реформы в восточных областях Литовско-Русского государства во второй половине XVI и в начале XVII в. „Белоруссия и Литва XV—XVI вв.“ М. 1961, стр. 151.

¹⁶ В. И. Мелешко, Из истории аграрных отношений... „Acta Baltico-Slavica“ V. Białystok 1967, стр. 79, 80, 83—84.

было бы определить ее причины. Это тем более необходимо, что, указанный размер надела (0,89—1,3 волюки) не является общим для всех крупных владений правилом. Анализируя данные Кричевского староства, автор заключает, что в нем преобладал надел в 1/4 волюки и меньше. Соответственно и обеспеченность скотом, особенно продуктивным была у кричевских крестьян значительно меньшей. Столь значительное различие в размере надела ставит вопрос о причинах данного явления. Очевидно в пределах востока отдельные владения отличались своей хозяйственной структурой. Автор, например, выделяет Кричевское староство как район наиболее развитых промыслов, но интересно было бы сопоставить данные о промыслах по другим владениям; в таком сравнении причина тех или иных колебаний размеров надела проявилась бы отчетливее.

Исследуя экономический облик крестьянского хозяйства, В. И. Мелешко подмечает в нем очень важную, имеющую принципиальное значение черту: крестьянин на востоке прочно связан с рынком, он реализует продукты своего хозяйства на городском рынке, а там, где рынка нет, он даже добивается его установления, как это было сделано в Чечерске¹⁷. Аргументируется это положение в большей части отдельными фактами, но число их достаточно велико, чтобы считать мнение автора вполне убедительным. Автор совершенно правильно видит в преобладании денежной ренты один из факторов, усиливавший торговые связи крестьянского хозяйства с рынком. Но общая теоретическая посылка вполне подтверждается многочисленными фактами торговых операций крестьян на городских рынках. Характеристика города, данная в статьях автора, посвященных Могилеву, разнообразит актывый материал, в котором прямо указывается не только на факт торговых операций крестьянства, но предпринимается попытка его регулировать в интересах увеличения пошлинных сборов с городской торговли, шедших в казну феодала-владельца города. Все эти данные не оставляют сомнения в полной обоснованности вывода автора о товарном характере крестьянского хозяйства на Востоке Белоруссии. Наблюдение автора над экономикой города расширяет его общий вывод о востоке Белоруссии, как районе развитых товарно-денежных отношений. Сопоставляя итоги своего исследования экономической эволюции востока с итогами исследования других историков того же процесса на западе и в центре Белоруссии, автор приходит к весьма важному выводу. Белоруссия XVI—XVIII вв., по его мнению воплотила

¹⁷ В. И. Мелешка, Сялянская гаспадарка Усходняй Беларусі і рынак у другой палавіне XVII—XVIII ст.ст. „Весці АН БССР, серыя грамадскіх навук № 1. Мінск 1969.

в своем развитии два пути: сельское хозяйство запада свое движение от натурального хозяйства к товарному осуществляло главным образом на основе растущего феодального поместья-фольварка и расширения барщины. В то же время на востоке определяющая роль в данном процессе принадлежала денежной ренте, как главной форме феодальной эксплуатации крепостного крестьянства; поместное же хозяйство феодала не получило здесь сколько-нибудь значительного развития.

Историческая наука получила благодаря исследованиям В. И. Мелешко убедительные доказательства полной несостоятельности существовавшего в литературе мнения об отсталости востока Белоруссии, законсервировавшего якобы во всех чертах жизни седую старину глухих времен раннего средневековья и даже общинного строя. Чувствительный удар этой точке зрения наносит характеристика автором организации промысловых предприятий. Некоторые из них в первой половине XVIII в. не только имели все черты мануфактуры, но знали элементы механизации труда, применяли вольнонаемный труд, т.е. носили в себе зародыши нового способа производства. Не случайно, что и один из крупнейших городов Белоруссии и самый крупный город на востоке — Могилев — в XVIII в. знает также зарождение элементов рассеянной мануфактуры¹⁸. Оба явления несут в себе зреющую в недрах феодального общества возможность возникновения ранних форм капиталистического производства. Они еще носят спорадический характер, это еще „кюнштук“, едва различимый в однообразном ландшафте сугубо феодальной экономики, но они существуют и в них заложена возможность формирования следующего исторического этапа. Автор правильно поступил, избегая преувеличения в оценке новых явлений. Это делает честь не только его наблюдательности, но и научной добросовестности и глубокому пониманию конкретноисторической обстановки изучаемого им периода.

Убедительно опровергнув мнение о примитивности и отсталости экономической жизни востока Белоруссии, вскрыв в ее облике ряд прогрессивных для этой эпохи черт, автор далек от мысли о всеобщем благоденствии крестьянства, „осчастливленного“ историей, сделавшей невозможной здесь наиболее грубые формы феодальной эксплуатации. Нет, восток Белоруссии, как доказывает автор, не был ни „оазисом“ благоденствия крестьянства, ни убежищем крестьянской вольницы.

¹⁸ В. И. Мелешко, Из аграрных отношений..., „Acta Baltico-Slavica“ V. Białystok 1967, str. 68—69; он же: Да пытанні аб зараджэнні капіталістычных адносін у гарадской дробнай прамысловасці Беларусі першай палавіны XVIII ст. (на матэрыялах Магілева) „Вестні АН БССР“, серыя грамадскіх навук, № 2, Мінск 1959.

Положение крестьянства было далеко не одинаковым. Всю тяжесть крепостной неволи в беспощадной барщинной эксплуатации чувствовало на себе крестьянство в поместьях средней и мелкой шляхты. Здесь по данным автора барщина достигла 6—10 дней с волоки в неделю. Но и существование в качестве основной формы ренты денежного чинша не только не облегчало, но, наоборот, подчеркивает автор, содействовало самым разнузданным и беспощадным формам присвоения труда крестьянина. В сочетании с арендной системой, денежная форма ренты способствовала превращению востока Белоруссии в заповедное поле наиболее беспощадного проявления феодального насилия, гнета и прямого ограбления крестьян. В пределах каждого крупного владения большую группу крестьян составляли, показывает автор, малоземельные и безземельные крестьяне. Постоянной фигурой был „лезный”, т.е. крестьянин, вообще лишенный хозяйства. Сельская беднота, по подсчетам автора, в крупных владениях составляла до 30% всего крестьянского населения¹⁹. В характеристике низшей группы крестьянства автор оперирует яркими фактами. Но для более четкого представления о дифференциации крестьянской массы приведенных фактов мало, ибо границы каждой группы и ее экономическая характеристика сформулированы бегло и поверхностно. Наблюдения автора по данному вопросу носят скорее предварительный характер. Более детальная разработка данных инвентарей и других материалов позволит, видимо, обстоятельней обрисовать каждую группу крестьян.

Наиболее яркий и убедительный материал о положении крестьянских масс содержат источники, относящиеся к Кричевскому староству. Видимо поэтому именно они послужили автору основой для характеристики классовой борьбы в деревне. С точки зрения установившихся в литературе взглядов на экономическое положение крестьянства запада и востока Белоруссии неизбежно следует считать, что больше всего причин для антифеодального движения крестьянства существовало на западе, поскольку там, по мнению ряда авторов, феодальный гнет был наибольшим, носил самые жестокие формы. Восток же с преобладающей в нем денежной рентой, слабым развитием феодального поместья не мог создать необходимых предпосылок для классовой борьбы крепостного крестьянства. Но факты говорят о том, что именно на востоке разгорелось наиболее яркое пламя массовой антифеодальной борьбы. В поисках ответа на это, казалось бы парадоксальное положение вещей, историки обратились к влияниям внешних обстоя-

¹⁹ В. И. Мелешко, Классовая борьба в белорусской деревне в конце XVII — первой половине XVIII в. Доклад, прочитанный на заседании Ученого совета Института истории АН БССР (рукопись).

тельств (близость Русского государства, казацкой Сечи). В. И. Мелешко впервые дал объяснение антифеодальной борьбы на востоке, исходя из сложившихся здесь внутренних условий в социально-экономической жизни белорусского крестьянства. Он, несомненно, прав, считая главной причиной внутренние условия усиленные влиянием указанных внешних обстоятельств. В. И. Мелешко дает совершенно новую трактовку как предпосылок, так и хода всего движения, получившего в литературе название „Кричевское восстание”. Автор различает несколько этапов, различные формы движения крестьян, обстоятельно характеризует содержание, методы и цели борьбы крестьянства. Много новых ранее неизвестных имен участников и руководителей движения кричевских крестьян показаны в этом очень интересном и ярком по содержанию исследовании.

Опираясь на новые архивные данные, автор убедительно опроверг утверждения будто на начальном этапе в Кричевском восстании приняли участие шляхта и городская верхушка. Такое утверждение, как показал В. И. Мелешко, ничего общего не имеет с действительными фактами. Оно к тому же искажает социальный характер всего движения, поскольку отрицает его антифеодальную направленность на начальном этапе. В действительности же, доказывает В. И. Мелешко, Кричевское восстание с самого начала носило характер открытой антифеодальной борьбы и уже потому не могло иметь тех „союзников”, которых ему склонны приписывать некоторые авторы. Убедительно развенчивает В. И. Мелешко попытки упрощенчества и явные домыслы. Так, он показывает, что далеки от действительности, утверждения, что восставшие объявили себя свободными и не платили налогов, что в ходе восстания были перебиты сотни магнатов. Хорошо известно, что число магнатов не только на территории Белоруссии, но и всей Речи Посполитой едва-ли можно было измерять сотнями. История Кричевского восстания в изложении В. И. Мелешко — это заново открытая страница истории белорусского народа. Здесь не только восстановлена реальная картина событий, но и дана научная характеристика причин, политической направленности всего движения.

Подводя итог рассмотрению В. И. Мелешко социально-экономического развития востока Белоруссии в XVII—XVIII вв., следует подчеркнуть, что в каждом исследованном им вопросе обоснованно сформулированы весьма важные положения. Восточная Белоруссия предстала в исследовании В. И. Мелешко в совершенно новом, неизвестном прежней литературе освещении. Успех автора несомнен и достигнут он прежде всего потому, что автор последовательно строит свой анализ на марксистско-ленинском учении о закономерностях развития фео-

дального способа производства. Однако, в методике исследования, еще имеет место иллюстративный метод. Автор зачастую ограничивается констатацией того или иного явления; слабее выступает исследование динамики рассматриваемых явлений. Стремясь охватить в одной статье все вопросы, материал о которых содержит тот или иной источник, автор невольно оказывается на положении пишущего „обо всем понемногу”. В построении табличного материала автор ограничивается видом групповой таблицы, тогда как объект исследования часто требует обработки качественно различных, но связанных друг с другом признаков, т.е. требует комбинационной таблицы. Слабо использованы сопоставимые данные и поэтому таблицы нередко носят статический характер, неполно выражают динамику явлений. Исследованный автором материал позволяет более обстоятельно вести полемику со своими предшественниками и этой возможностью автору следовало воспользоваться шире.

В целом нужно отдать должное автору. Он провел интересное и всестороннее исследование, итогом которого явилось принципиально новое решение важного вопроса об экономических судьбах востока Белоруссии позднефеодального периода. С полным правом можно оценить многолетний труд автора как важный вклад в разработку истории Белоруссии феодальной эпохи.

Stanisław F. Kolbuszewski

Poznań

NOWE PRACE W BADAANIACH NAD POŻYCZKAMI FIŃSKIMI
W JĘZYKACH BAŁTYCKICH *

Zagadnienie wpływu języków fińskich na języki bałtyckie było niejednokrotnie przedmiotem poważnych badań naukowych poczynawszy od 1890 roku, kiedy to w Kopenhadze pojawiło się dzieło V. Thomsena¹. Najważniejsze pozycje z tego zakresu, głównie dotyczące oddziaływania języka Liwów oraz estońskiego na łotewski, zestawił J. Endzeliņš². Ostatnio pojawiły się dwie nowe prace omawiające to zagadnienie: jedna w Związku Radzieckim, w języku litewskim, wydrukowana w czasopiśmie Litewskiej Akademii Nauk, pióra A. Sabaliauskasa, druga w Stanach Zjednoczonych, w języku angielskim, jako druk zwarty, napisana przez V. J. Zepsa³.

W studium składającym się z kilku niedużych rozdziałów omawia A. Sabaliauskas najpierw historię badań nad powiązaniem bałtycko-fińskimi, które zresztą były prowadzone nie tylko przez językoznawców. Następnie przedstawia wspólne właściwości w dziedzinie gramatyki, nie zawsze będące wynikiem oddziaływania jednego języka na

* Komunikat niniejszy został złożony w Redakcji „Acta Baltico-Slavica” w 1964 roku.

¹ V. Thomsen, Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog, Kopenhaga 1890.

² J. Endzeliņš, Latviešu valodas gramatika, Ryga 1951, § 6.

³ A. Sabaliauskas, Baltų ir Pabaltijo suomių kalbų santykiai, „Lietuvių kalbotyros klausimai”, Lietuvos TSR Mokslių Akademijs, (Vilnius) 1963, t. VI, s. 109—135 + 1 nfb. V. J. Zeps, Latvian and Finnic Linguistic Convergences, Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series, (The Hague) 1962, vol. 9, s. VII + 1 nfb + 228.

drugi, tzn. estońskiego i liwońskiego na łotewski, czy też odwrotnie — łotewskiego na liwoński, a także na język enklaw estońskich na obszarze Łotwy. W końcowej części autor rozpatruje związki w dziedzinie słownictwa: zajmuje się (s. 114—130) pożyczkami bałtyckimi w grupie języków fińskich⁴, korzystając z pracy J. K a l i m y⁵, ale odwołuje się jednocześnie do innych autorów⁶; przedstawia (s. 131—135) zapożyczenia fińskie w językach bałtyckich przede wszystkim w oparciu o pracę K. A b e n a⁷, zawiązując tutaj zakres oznaczony w tytule rozdziału, gdyż zwraca uwagę tylko na te wyrazy pochodzenia fińskiego, które weszły do łotewskiego języka literackiego, oraz na te, które poprzez łotewszczyznę dostały się do języka litewskiego. W ten sposób A. S a b a l i a u s k a s dał pierwszy bodaj zestaw zapożyczeń fińskich w języku litewskim, co uznać należy za cenny wkład w wiedzę o tym języku. Ponadto znaczenie jego studium dla celów filologii bałtyckiej polega na tym, że referuje ono wyniki badań prowadzonych przez ugrofinistów, których prace, niełatwe do uzyskania, są również mało dostępne ze względu na języki, w jakich są pisane.

Na książkę V. Z e p s a składają się dwa zasadnicze, powiązane z sobą studia, z których każde stanowi właściwie zamkniętą całość. Pierwsze z nich dotyczy systemu fonologicznego języka łotewskiego oraz niektórych języków grupy fińskiej, drugie — pożyczek fińskich w języku łotewskim. Poprzedza je krótka przedmowa, dalej bogata bibliografia przedmiotu — opatrzona systemem przejrzystych skrótów i odsyłaczy — zawierająca jednocześnie spis powiatów łotewskich, którym odpowiadają poszczególne gwary; po czym następuje krótki zarys historii kontaktów łotewsko-fińskich. Całą pracę zamyka indeks wyrazów z różnych języków cytowanych w tekście.

W pierwszym studium, zatytułowanym „Phonological Typology” (s. 46—83), zajął się Z e p s typologią systemów fonologicznych: a) języka łotewskiego, b) języka liwońskiego (Liwów), c) języka enklaw estońskich na obszarze Łotwy. Systemy fonologiczne tych języków rozpatrzył autor — wychowanek amerykańskiej szkoły deskryptywiistów — w oparciu o schemat cech dystynktywnych, opracowany przez R. J a k o b s o n a,

⁴ Niektóre z tych pożyczek bałtyckich w językach fińskich weszły do gwar ruskich.

⁵ J. K a l i m a, *Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat*, Helsinki 1936.

⁶ V. T h o m s e n, op. cit.; Y. H. T o i v o n e n, *Suomen kielen etymologinen sanakirja*, t. 1—2, Helsinki 1955—1958; L. H a k u l i n e n, *Развитие и структура финского языка*, ч. II, Москва 1955; П. А. А р и с т э, *Примечания к книге Л. Хакулиненa*, w: L. H a k u l i n e n, op. cit., s. 278—279.

⁷ K. A b e n, *Eesti ja liivi laene läti sõnavaras*, „Emakeele Seltsi Aastaraamat” 1957, t. III, s. 199—216.

C. G. M. Fant i M. Halle⁸, posługując się matrycami identyfikacyjnymi, po czym inwentarz fonematyczny uszeregował w formie tabel uwzględniających sposób artykulacji poszczególnych fonemów, realizowanych w podsystemach — wokalicznym i konsonantycznym danego języka. System fonologiczny łotewskiego języka literackiego oraz dialektu latgałskiego (potraktowanego równorzędnie, jako język) posłużył za punkt wyjścia do przeprowadzenia typologii (sc. fonologicznej) zespołów poszczególnych gwar łotewskich, czego dokonał autor w rozdziale „Areal representation of distinctive features”. Najpierw zajął się tu zagadnieniem elementów supralinearnych — prozodycznych, przez które rozumie iloczasa⁹ oraz akcent i intonacje; z kolei przeszedł do omówienia cech dystynktywnych elementów linearnych w dialektach łotewskich. Autor nie tylko opisał te zjawiska oraz przedstawił zasięg geograficzny każdego z nich na łotewskim obszarze językowym, lecz także zaznaczył je odrębnie na jednej z 12 załączonych mapek¹⁰. Na mapkach tych — a także w tekście — znalazły się zjawiska czysto fonetyczne, nie sygnalizowane w tytule rozdziału (np. 17: „Western isogloss of the phone [y]”), obok zjawisk natury fonologicznej (np. 20: „r — phonemes”). W rozpatrywanym rozdziale Zeps odwołuje się stale do faktów z grupy języków fińskich (por. s. 61—63, 69, 70 i n.).

W studium „Phonological Typology” V. Zeps jeden z pierwszych zastosował metodę językoznawstwa strukturalnego w dziedzinie filologii bałtyckiej. Pomyślane jako uzupełnienie danych diachronicznych (z łotewskiego, liwońskiego i estońskiego zebrali je J. Endzelīns, L. Kettunen, L. Posti oraz V. Tauli¹¹) nowymi materiałami o charakterze synchronicznym, studium to posłużyło autorowi do wyciągnięcia wniosków o zasięgu rozwoju niektórych zjawisk w systemie fonologicznym języka łotewskiego na obszarze Łotwy, co sprawia, że studium Zepsa ma znaczenie teoretyczne. Posiada ono również niemałe znaczenie praktyczne; materiały z dziedziny łotewszczyzny przedstawione zostały w sposób przejrzysty i jasny.

⁸ R. Jakobson, C. G. M. Fant, M. Halle, Preliminaries to speech analysis, MIT Acoustic Laboratory Technical Report, Cambridge, Mass. (1952¹) 1955, nr 13; R. Jakobson, M. Halle, Fundamentals of language, Gravenhage 1956; M. Halle, The sound pattern of Russian, Gravenhage 1959.

⁹ V. Zeps dał tutaj także „an excursus on Estonian quantity” (s. 61—63).

¹⁰ Teoretycznych podstaw dla praktycznych poczynań, w których ujmuje się cechy fonologiczne na płaszczyźnie geograficznej, dostarczył N. S. Trubeckoj w pracy Phonologie et géographie linguistique, „Travaux du Cercle Linguistique de Prague” 1934, t. IV, s. 225—234.

¹¹ J. Endzelīns, Latviešu valodas gramatika, Rīgā 1951; L. Kettunen, Hauptzüge der livischen Laut- und Formengeschichte, Helsinki (1938¹) — Przedmowa

Drugie studium, „Finnic Loanwords in Latvian” (s. 84—210), można by nazwać właściwie rozprawą o geografii zapożyczeń fińskich w języku łotewskim. Rozpatrzono tu około 400 pożyczek ułożonych w porządku alfabetycznym (s. 99—210), a zamieszczono także wyrazy sporne pod względem genetycznym. Ponad sto zapożyczeń uwzględniono na mapach (nr 25—145). Jest to więc nie tylko rozprawa z zakresu geografii pożyczek, ale także atlas zapożyczeń fińskich w łotewszczyźnie. Na mapach — poza wyjątkami — nie zaznaczono wyrazów, które weszły w skład łotewskiego języka literackiego (w liczbie ok. 80), oraz tych, które weszły do gwar, a są zaświadczone jedynie sporadycznie. Według Zepsa, jest ich około 200; poświęcił on im uwagę w rozdziale „Territorial distribution” (s. 84—88), rozwijając swoje wywody na temat użyteczności posługiwania się danymi niepełnymi (*defective data*) w badaniach nad wyrazami przejętymi z innych języków. Pod tym względem autor poszedł dalej niż L. Moszyński w pracy „Geografia niektórych zapożyczeń niemieckich w staropolszczyźnie”¹², jedynej — jak się wydaje — tego typu w polskiej literaturze językoznawczej. Oto mianowicie na podstawie 87 zapożyczeń, zaświadczonych po jednym razie tylko, a naniesionych na mapę Łotwy, wyznaczył Zeps cztery główne skupiska pożyczek fińskich na obszarze języka łotewskiego — w okolicy miejscowości Dundaga (w pñ. Kurlandii) oraz Salaca, Rūjiena, Valka (w pñ. Inflantach). Zapożyczenia zaświadczone więcej razy potwierdziły jedynie ten stan rzeczy. Dalszy rozdział (s. 90 i n.) dotyczy strony semantycznej pożyczek; po nim następuje (s. 97—99) krótka notatka o odpowiedniościach fonetycznych wyrazów przejętych z języków fińskich. W artykułach hasłowych zostały kolejno podane: brzmienie wyrazu, jego znaczenie, kwalifikatory stylistyczne; zostały też wyliczone gwary, w których dany wyraz (ewentualnie jego odmianki) występuje, oraz źródło zapożyczenia w języku estońskim czy liwońskim¹³. Informacje te kończy odsyłacz do bibliografii przedmiotu. W hasłach nie zwracano baczniejszej uwagi na źródło zapożyczenia, głównym bowiem zadaniem studium było pokazanie pożyczek w ich zasięgu geograficznym. Przynosi ono w ten sposób materiał mający posłużyć przyszłym rozmaitego rodzaju badaniom nad zapożyczeniami (ugro)-fińskimi w łotewszczyźnie, i na tym zasadza się jego znaczenie szczegółowe. Ogólne zaś znaczenie studium polega na jego charakterze metodologicznym, gdyż Zeps pokazał sposób opracowania pożyczek w aspekcie

do: *Livisches Wörterbuch*) 1947; L. Posti, *Grundzüge der livischen Lautgeschichte*, Helsinki 1942; V. Taali, *Phonological tendencies in Estonian*, Copenhagen 1956.

¹² Poznań 1954.

¹³ O oddziaływaniu języka wockiej enklawy tzw. *Krieviņi* (w okolicach Bauski) na system gramatyczny oraz system leksykalny tamtejszych gwar łotewskich por. wzmiankę w „*Lingua Posnaniensis*” 1971. t. XV. s. 173.

geograficznym, dotąd w badaniach nad zapożyczeniami z innych języków mało uwzględnianym, oraz wykazał, że niepełne dane dotyczące geografii wyrazów mogą być z powodzeniem wykorzystane w pracach podobnego typu do wyprowadzanie szerszych wniosków. Rozprawa nasuwa jednak kilka następujących uwag i uzupełnień:

1. Z e p s nie zaznaczył w pierwszym studium, że przed nim próbę opracowania systemu fonologicznego języka łotewskiego w oparciu o zasady strukturalizmu podjął W. K. M a t t h e w s w artykule zamieszczonym w księdze pamiątkowej, którą Z e p s niejednokrotnie sam wymienia¹⁴. Podobnie, jeszcze przed V. R ū ģ e¹⁵ (por. s. 46), metodą przedstawiania łotewskich faktów językowych na płaszczyźnie geograficznej posłużył się A. B i e l e n s t e i n w pracy, której jednak Z e p s nie znał¹⁶.

2. W drugim studium wyczerpał Z e p s w miarę możliwości literaturę przedmiotu, poczynając od starszej (V. T h o m s e n), a na nowszej kończąc (m.in. K. A b e n). Nie znał jednak rozprawy doktorskiej Abena, korzystał jedynie z jego późniejszego artykułu¹⁷. Również nie był mu dostępny „Litauisches etymologisches Wörterbuch”¹⁸, co Z e p s sam zaznacza (s. V). Stąd też uwagi dotyczące pochodzenia niektórych wyrazów (np. *buŗa* ‘żagiel’, *kurnēt* ‘burczeć (z niezadowolenia)’, *ķēve* ‘klacz, kobyła’, *puns* ‘guz’) różnią się od tych, które podał E. F r a e n k e l w swoim słowniku.

Zdaniem V. Z e p s a, który opiera się na J. E n d z e l i n s i e (ME IV 283; por. EH II 709), *tuŗķis, tūŗķis* (s. 197) ‘whisp of straw, hay’, ew. ‘bundle’ pochodzić może z estońskiego: „? = < Est *tūst* ‘bundle of straw, hay’”. Przeszkadza tu okoliczność, że: „Est *ŗt* [sic! — S. K.] has not been known to give Latv *ŗķ*” (s. 197). Otóż wydaje się, że trudność tę dałoby się usunąć, gdyby przyjąć, że -*ŗķ*- w *tuŗķis, tūŗķis* pojawiło się pod wpływem łotewskiego *kuŗķis* ‘ts’.

¹⁴ W. K. M a t t h e w s, The Phonematic System of Literary Latvian, w: Rakstu krājums. Veltījums akadēmīķim profesoram Dr. Jānim Endzelinam (Księga pamiątkowa), Ryga 1959.

¹⁵ V. R ū ģ e, Latgales izlokŗņu grupējums, F(ilologu) B(iedribas) R(aksti) 1939, t. XIX, s. 133—188; V. R ū ģ e, Kurzemes un Vidzemes libiskais apgabals, FBR, 1940, t. XX, s. 75—128.

¹⁶ A. B i e l e n s t e i n, Atlas der ethnologischen Geographie des heutigen und des praehistorischen Lettenlandes. Beilage zu den Grenzen des Lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert, Petersburg 1892. Por. np. mapę nr 6: „Die lettischen Dialekte der Gegenwart. Isoglossenkarte”. Gwoli ścisłości dodać trzeba, że na mapie tej obok faktów językowych naniesione zostały inne — z dziedziny etnografii.

¹⁷ K. A b e n, Eesti ja liivi laene lāti sõnavaras. Por. przyp. 7.

¹⁸ E. F r a e n k e l. Litauisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg 1955.

„*kantavāle* 'stick, bat; a club used to hit heel of an axhead', not literary, attested in cDz(ērbene); *kanavāle* cDrus(ti); *kanuvāle* mL(azdona); *kaņavāle* (?) mSau(snēja). ? < Est *kand* 'heel, tang' + Latv *vāle* 'club'. Zeps 1960. Almost certainly not from Russ. *konoval* 'horse-doctor', as Augstkalns, 109". = V. Zeps, 120. Pod względem budowy tego wyrazu por. łot. dial. *bulvāle* 'ein grosser hölzerner Hammer, den man zum Einschlagen von Pfählen und beim Holzspalten benutzt' (= ME I 349) < **bulavvāle* = p. *butawa* 'Streitkolben' (ew. rus. względnie brus. *bulava* 'Keule') + łot. *vāle* 'Schlägel' = A. Summent Lw. 120n¹⁹. O zmianach znaczenia pisze Alv. Augstkalns²⁰: „...*kanavāle* 'Schlägel' ist wahrscheinlich das Wort für Rossarzt [< russ. *коновал* — S. K.], das nachdem die alte Bedeutung vergessen war [podkr. — S. K.], im Anschluss an *vāle* 'Schlägel' umgedeutet wurde. [...] Die Beispiele [*kaņavāle* u. a. — S. K.] zeigen ja, wie leicht die Bedeutung eines flüchtig gehörten [fremden] Wortes in der Volkssprache verloren gehen kann". Wydaje się, że ostrożnych wywodów Alv. Augstkalnsa dotyczących wyrazu *kanavāle* odrzucać tak stanowczo, jak to czyni Zeps, nie można.

konna (—) 2. (s. 125) 'żaba'. Wskazać tu trzeba na pracę V. Rūķe, której Zeps nie cytuje, *Kāds vārdu nozīmes diferencējuma gadījums*²¹. Na mapie nr 1 (s. 156) przedstawiła tam Rūķe zasięg geograficzny wyrazu *kuņna* 'ts.', jego wariantów fonetycznych i semantycznych na podstawie materiałów zaczerpniętych z „*Latviešu valodas vārdnīca*”, z opisów gwar łotewskich (podobnie jak Zeps), a także z „*Latviešu valodas krātuve*” i ze zbiorów własnych.

S. V. *kadiķis* 'jałowiec' (s. 116 i n.) celowe wydaje się uzupełnienie, że po wojnie wyraz ten badali w językach bałtyckich V. Rūķe (1947 + 1955), A. Sabaliauskas (1963), V. Zeps (1962), a w gwaraach polskich (w „*Poradniku Językowym*”): W. Cienkowski (1963), J. Tyborezyk (1964). Powyższe prace dotyczyły etymologii oraz geografii wyrazu *kadyk*.

¹⁹ A. Summent, *Unbeachtete slavische Lehnwörter im Lettischen*, Göttingen 1950. Diss.

²⁰ Alv. Augstkalns, *Zur baltischen Lehnwortkunde*, „*Zeitschrift für slavische Philologie*” 1935, t. XII, s. 105—109.

²¹ V. Rūķe, *Kāds vārdu nozīmes diferencējuma gadījums*, „*Zviedrijas Latviešu Filologu Biedrības Raksti*” (Stockholm) 1947, t. 1, s. 155—162.

III. MATERIAŁY — MATERIALS

Bazyli Czeczuga i Wiesława Kossacka

Białystok

NASIONA ROŚLIN UPRAWNYCH I CHWASTÓW Z OSADY JACWIESKIEJ W OSOWEJ, POW. SUWAŁKI (III—V W.N.E.)

Opracowany materiał pochodzi z osady znajdującej się w miejscowości Osowa, w powiecie suwalskim. Badania na tym terenie prowadziła ekipa wykopaliskowa Konserwatora Zabytków Archeologicznych w Białymstoku, pod kierownictwem dr. J. Jaskanis, w latach 1962—1965.

Osada, założona i użytkowana przez ludność bałtyjską, jest dość rozległa, zajmuje 6—8 ha powierzchni i znajduje się w pobliżu zbadanego wcześniej cmentarzyska, którego wiek, podobnie jak i wiek osady, określa Jaskanis¹ na czas od początku III do początku VI w.n.e.

Na terenie osady odkryto ponad 100 jam, z których większość to jamy magazynowe, służące mieszkańcom osady do przechowywania produktów roślinnych; wskazują na to znajdowane w nich szczątki botaniczne. Kształt jam w przekroju poziomym jest kolisty, o średnicy do 1,5 m, w przekroju pionowym workowatym, o głębokości do około 2 m, o płaskim lub niemal płaskim dnie i pionowych ścianach. Jamy użytkowane były wielokrotnie, dlatego w przekrojach wielu z nich można wyróżnić kilka poziomów, odpowiadających kolejnym etapom użytkowania. Prawdopodobnie poziomy te dzieli niewielka różnica czasu kilku lub kilkunastu lat. W końcowym okresie użytkowania jamy służyły często jako wysypiska śmieci, dlatego w górnych warstwach występuje wiele szczątków organicznych, popiołu, węgla itp. Materiały roślinne, wybierane na miejscu ze szlamowanej ziemi wypełniającej wnętrza jam, przekazano do opracowania do Katedry Biologii Akademii Medycznej w Białymstoku. Artykuł ten zawiera materiały uzyskane z eksploatacji dokonanej w latach 1962—1965.

¹ J. Jaskanis, Wyniki badań cmentarzyska kurhanowego we wsi Osowa, pow. Suwałki w latach 1960—1961, „Rocznik Białostocki” 3, 1962, s. 233—296.

● opis materiału

Opracowany materiał składa się przede wszystkim ze zwęglonych nasion zbóż, wśród których występują często nasiona chwastów. W niektórych próbkach spotyka się również łupiny orzechów laskowych, kawałeczki węgla oraz kości drobnych kręgowców. Liczba ziarn w poszczególnych próbkach waha się od jednego do kilkudziesięciu, rzadko tylko przekraczając sto. Ziarna są silnie zwęglone o matowej, chropowatej powierzchni. Barwę mają czarną lub ciemnoszarą.

Materiał jest w znacznym stopniu zniszczony, mało występuje ziarno o charakterystycznych dla danego gatunku kształtach, większość nasion jest mniej lub bardziej uszkodzona. Niektóre ziarna są czarne i błyszczące, co wskazywałoby, że zostały spalone w ogniu². Jest to zrozumiałe, ponieważ jamy służyły także do wysypywania śmieci, w których między popiołami i węglami drzewnymi mogły znaleźć się również spalone ziarna. Większość nasion ma jednak powierzchnię matową, o jaśniejszej barwie. Ziarna takie uległy prawdopodobnie powolnemu zwęgleniu pod działaniem różnych czynników chemicznych i biofizycznych³.

Metoda pracy

Przy oznaczaniu materiału stosowano metodę morfologiczno-porównawczą, gdyż nie powoduje ona zniszczenia badanych szczątków. W pracy korzystano z atlasów roślin kopalnych oraz współczesnych, zdjęć, rysunków, a także ze zbioru nasion zbóż i chwastów. Wielkość ziarn mierzono za pomocą śruby mikrometrycznej i suwmiarki z noniusem, przy tym pomiary bardzo drobnych szczątków roślinnych mają wartość jedynie przybliżoną, ponieważ ich dokładne zmierzenie nie jest możliwe z powodu znacznej kruchości i małych wymiarów.

Niewielka stosunkowo liczba okazów oraz zły stan ich zachowania jest powodem, że niektóre oznaczenia nie są zupełnie pewne.

Szczegółowy opis szczątków roślinnych z osady w ●sowej

Triticum vulgare Vill. — pszenica zwyczajna jest obok jęczmienia najliczniej występującym gatunkiem wśród zebranego materiału. Ziarna są na ogół w znacznym stopniu uszkodzone, tylko niektóre okazy

² M. Matlakówna, Średniowieczne szczątki roślinne ze Żmudzi oraz niektóre zagadnienia zbóż, „Acta Societatis Botanicorum Poloniae” 3, 1925, s. 196—231.

³ Ibid.

zachowały charakterystyczne kształty, podobne do kształtu ziarn kawy. Barwę mają ciemnoszarą lub czarną. Kształt typowych ziarn jest owalny, końce zaokrąglone lub tępe, strona grzbietowa wypukła, strona bruzdowa wklęsła lub płaska, bruzda przeważnie wyraźna.

Średnia wielkość ziarn obliczona z 50 pomiarów: $5,30 \times 3,17 \times 2,39$ mm. Maksymalna długość ziarn wynosi 6,64 mm, minimalna — 4,35 mm; maksymalna szerokość 4,41 mm, minimalna 2,46 mm. Grubość maksymalna 3,38 mm, minimalna 1,64 mm. Oprócz ziarn o kształcie owalnym, których szerokość w stosunku do długości jest dość duża, występują w Osowej nieliczne ziarna pszenicy nieco mniejsze i węższe, o głębszej bruzdzie. *Triticum vulgare* jest gatunkiem szeroko rozpowszechnionym w Europie od czasów neolitu. W Polsce znane są liczne znaleziska *Triticum vulgare* z Biskupina — okres halsztacki⁴, z Kamieńca k. Torunia⁵ — halsztat, z Lubonia k. Poznania⁶ — VII, VIII w.n.e., ze Szczecina — okres wczesnopiastowski⁷, z Ojcowa⁸, z Osinek k. Suwałk⁹. Matlakówna¹⁰ opisała *Triticum vulgare* z Gabryeliszek, Welony i Bubiów na Żmudzi VIII w.n.e.

Triticum compactum Host. — pszenica drobnoziarnista występuje w Osowej w niewielkich ilościach. Zaledwie kilkanaście ziarn nie uszkodzonych można było z całą pewnością zaliczyć do tego gatunku. Ziarna te mają kształt owalny, prawie półkolisty, grzbiet silnie wypukły, końce tępe. Nasiona pszenicy drobnoziarnistej są silnie zwęglone, o matowej, nierównej powierzchni, barwy ciemnoszarej lub czarnej. Czasem trudno je odróżnić od *Triticum vulgare*. Średnie wymiary, obliczone z 10

⁴ B. Jaroń, Szczątki roślinne z wczesnego okresu żelaznego w Biskupinie. Gród Prasłowiański w Biskupinie, Poznań 1938, s. 1—30.

⁵ K. Wasylkowa, Szczątki roślin uprawnych z grodziska halsztackiego w Kamieńcu koło Torunia, „Acta Societatis Botanicorum Poloniae” 25, 1956, s. 480—511.

⁶ K. Moldenhawer, Szczątki roślinne z wykopalisk w Luboniu pod Poznaniem z VII i VIII w.n.e., „Przegląd Archeologiczny” 7, 1946, s. 102—106.

⁷ B. Jaroń, Średniowieczne szczątki roślinne z wykopalisk w Gnieźnie. Gniezno w zaraniu dziejów (bmw.) 1939, s. 273—316.

⁸ A. Kozłowska, O zbożach kopalnych z okresu neolitu w Polsce, „Rozprawy Wydziału Matematyki PAU” 1920, s. 1—20; A. Kozłowska, Pochodzenie zbóż i ziemniaka, Warszawa 1949.

⁹ A. Kościk, Ziarna zbóż i chwastów z osady Jaćwieskiej z II—IV w.n.e. w miejscowości Osinki pow. Suwałki, „Wiadomości Archeologiczne” 29, 1963, s. 210—213; B. Czeczuga, W. Kossacka, Szczątki roślinne z osady Jaćwieskiej (II—VI w.n.e.) w miejscowości Osinki koło Suwałk, „Rocznik Białostocki” 7, 1967, s. 153—162.

¹⁰ M. Matlakówna, Średniowieczne szczątki...; M. Matlakówna, Dalšie badania nad zbożem średniowiecznym z Litwy, „Acta Societatis Botanicorum Poloniae” 6, 1929, s. 370—384.

pomiarów, wynoszą $4,44 \times 2,89 \times 2,35$ mm. Długość ziarn waha się w granicach 5,0—3,91 mm, szerokość 3,72—1,81 mm, grubość 3,18—1,50 mm.

Triticum compactum jest jednym z najstarszych gatunków zbóż uprawnych. Opisywana była przez Heera¹¹ jako *Triticum vulgare antiquorum*, przez Buschana¹² jako *Triticum compactum globiforme*. W Polsce znana jest z Ojcowa¹³, Biskupina¹⁴, Książnic Wielkich¹⁵, z Jeziorka k. Giżycka¹⁶, Kamieńca k. Torunia¹⁷, Lubonia k. Poznania¹⁸, z Osinek k. Suwałk¹⁹. Ze Żmudzi opisane zostały znaleziska pszenicy drobnioziarnistej z Gabryeliszek²⁰.

Triticum dicoccum Schrank. — pszenica płaskurka występuje w Osowej wraz z pszenicą zwyczajną i drobnioziarnistą. Ziarna są owalne, wydłużone lub też na jednym końcu łopatkowato rozszerzone, strona bruzdowa płaska albo lekko wklęsła, kant na grzbiecie nie zawsze dobrze zaznaczony. Ziarna są najczęściej silnie zwęglone, matowe, o chropowatej powierzchni, barwy ciemnoszarej. Na stronie grzbietowej, tuż ponad zarodkiem mają asymetryczne wzniesienie. Średnia wielkość ziarn z 20 pomiarów wynosi: $5,31 \times 2,91 \times 2,32$ mm. Długość 6,09—4,60 mm, szerokość 3,45—2,45 mm, grubość 2,97—1,94 mm. *Triticum dicoccum* należy do najstarszych roślin uprawnych. W Egipcie uprawiana była na 4—5 tys. lat p.n.e. Znana była także w Mezopotamii. Najstarsze europejskie znalezisko płaskurki pochodzi z 3600 r. p.n.e.

W Polsce *Triticum dicoccum* została opisana z Ojcowa (neolit) przez Kozłowską²¹, z Biskupina (halsztat) przez Jaronia²², z Kamieńca k. Torunia (halsztat)²³, ze Szczecina (okres wczesnopiastowski)²⁴, z Osinek²⁵.

¹¹ O. Heer, Die Pflanzen der Pfahlbauten, Zurich 1865.

¹² G. Buschan, Vorgeschichtliche Botanik, Wrocław 1895.

¹³ A. Kozłowska, O zbożach kopalnych...; te j ż e, Pochodzenie zbóż...

¹⁴ B. Jaron, Szczątki roślinne...

¹⁵ J. Zabłocki, J. Żurowski, Znalezienie pszenic w kulturze Małopolskiej, „Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności, 38, 1934, s. 24—25.

¹⁶ J. Zabłocki, Szczątki roślinne ze stanowiska wczesnośredniowiecznego w Jeziorku pow. Giżycko, wydobyte w roku 1950, „Materiały Wczesnośredniowieczne” 2, 1952, s. 211—225.

¹⁷ K. Wasylińska, op. cit.

¹⁸ K. Moldenhawer, op. cit.

¹⁹ A. Kościński, op. cit.; B. Czeczuga, W. Kossacka, op. cit.

²⁰ M. Matlakówna, Średniowieczne szczątki...

²¹ A. Kozłowska, O zbożach kopalnych...; te j ż e, Pochodzenie zbóż...

²² B. Jaron, Szczątki roślinne...

²³ K. Wasylińska, op. cit.

²⁴ H. Burchardówna, Rośliny uprawne w pradziejach Polski, „Przegląd Archeologiczny” 9, 1953, s. 153—176.

²⁵ A. Kościński, op. cit.

Triticum spelta L. — pszenica orkisz występuje w wielu próbkach łącznie z innymi pszenicami. Ziarna są długie, wąskie, na końcach zaostrome albo lekko zaokrąglone. Wypukłość grzbietowa jest łagodna i symetryczna, jej największe wzniesienie przypada mniej więcej w połowie długości ziarna. Na grzbiecie występuje czasem słabo zaznaczony kant. Powierzchnia ziarn jest na ogół gładka, barwa ciemniejsza niż innych nasion. Wielkość średnia orkiszu, obliczona z 10 pomiarów, wynosi $5,73 \times 2,61 \times 2,06$ mm. Długość ziarn waha się w granicach 6,50—4,80 mm, szerokość 3,04—2,37 mm, grubość 2,30—1,85 mm. *Triticum spelta* jest gatunkiem znanym w Europie od neolitu, jednak najstarsze znaleziska orkiszu niewątpliwie pochodzą z epoki brązu. Najstarsze neolityczne znaleziska orkiszu w Polsce znane są z Ojcowa²⁶, z Książnic Wielkich²⁷. Znalezisko z Biskupina (halsztat) opisane zostało przez Jaronia²⁸, z Kamieńca k. Torunia przez Wasylikową²⁹, ze Szczecina (okres wczesnopiastowski) przez Moldenhawera³⁰, z Osinek³¹. Na terenach sąsiadujących z Polską *Triticum spelta* została opisana z Gabryeliszek i Bubiów na Żmudzi³².

Hordeum vulgare L. — jęczmień zwyczajny jest najliczniej występującym gatunkiem w jamach zasobowych osady w Osowej. Ziarna zwęglone, część dość znacznie uszkodzona, barwę mają czarną lub szarą, kształt wrzecionowaty, dwustronnie wypukły, bruzda przeważnie słabo zaznaczona. Końce ziarn zwężone, największa szerokość przypada mniej więcej w połowie długości ziarna. Średnia wielkość ziarn, obliczona z 50 pomiarów, wynosi $5,26 \times 2,79 \times 2,25$ mm. Długość ziarn maksymalna 6,35 mm, minimalna — 3,96 mm, szerokość maksymalna 3,34 mm, minimalna — 2,15 mm, grubość maksymalna — 2,95 mm, minimalna — 1,53 mm. Jest to prawdopodobnie jęczmień wielorzędowy, gdyż tylko taki występuje w znaleziskach na terenie Polski, lecz stopień uszkodzenia ziarn nie pozwala na dokładniejsze określenie odmiany.

Jęczmień jest jedną z najstarszych roślin uprawnych. Występuje w najwcześniejszych wykopaliskach Egiptu, Azji Mniejszej oraz w neolicie europejskim. W Polsce jęczmień znany jest z wielu znalezisk: z Biskupina³³, z Kamieńca k. Torunia³⁴, Jeziorka k. Giżycka³⁵, Bonikowa k. Koś-

²⁶ A. Kozłowska, Pochodzenie zbóż...

²⁷ J. Zabłocki, J. Żurowski, op. cit.

²⁸ B. Jaron, Szczątki roślinne...

²⁹ K. Wasylikowa, op. cit.

³⁰ H. Burchardówna, op. cit.

³¹ A. Kościak, op. cit.; B. Czeczuga, W. Kossacka, op. cit.

³² M. Matlakówna, Średniowieczne szczątki...; tejsze, Dalsze badania...

³³ B. Jaron, Szczątki roślinne...

³⁴ K. Wasylikowa, op. cit.

³⁵ J. Zabłocki, op. cit.

ciana i Czerмна k. Tomaszowa³⁶, Gniezna³⁷, z Piotrówki k. Radomia³⁸. Na terenach Suwalszczyzny jęczmień występuje w znalezisku z Osinek³⁹. Ze Żmudzi opisała jęczmień Matlakówna⁴⁰.

Secale cereale L. — żyto występuje w 40 próbkach. Ziarna silnie zwęglone, o czarnej barwie i gładkiej powierzchni, wydłużone, jeden koniec mają zaostroszony, drugi łagodnie owalny. Strona grzbietowa wypukła, z lekko zaznaczonym kantem. Bruzda przeważnie płytka, biegnąca przez całą długość ziarna. Wielkość średnia z 10 pomiarów wynosi: $6,18 \times 2,33 \times 2,15$ mm. Największa długość ziarn wynosi 7,15 mm, najmniejsza — 5,50 mm, największa szerokość — 2,64 mm, najmniejsza — 2,13 mm, największa grubość — 2,30 mm, najmniejsza — 2,00 mm. Żyto należy do najmłodszych zbóż. Pojawia się w uprawie stosunkowo późno. Początkowo występowało prawdopodobnie jako chwast pszenicy. Nie jest znane z neolitu, z wyjątkiem jednego znaleziska w Polsce⁴¹, dopiero w znaleziskach wczesnośredniowiecznych stało się dominującym gatunkiem.

W Polsce żyto występuje w znaleziskach z Lubonia k. Poznania⁴², Gniezna⁴³, Cieszyna⁴⁴. W znaleziskach pochodzących z sąsiadującej z Osową miejscowości Kościk⁴⁵ nie stwierdziła występowania żyta, natomiast badania późniejsze wykazały obecność ziarn tego zboża⁴⁶.

Avena sativa L. — owies siewny występuje w Osowej w niewielkich ilościach. Zaledwie kilkanaście ziarn nieuszkodzonych można było z całą pewnością zaliczyć do tego gatunku. Średnia wielkość ziarn z czterech pomiarów waha się w granicach $5,23 \times 2,10 \times 1,64$ mm. Długość waha się w granicach 5,84—4,47 mm, szerokość 2,13—2,08 mm, grubość 1,72—1,49 mm. Ziarna owsa siewnego notowane były w osiedlu obronnym kultury łużyckiej we Wrocławiu⁴⁷, w Wolinie-Młynówku, z epoki żelaza⁴⁸ oraz w Piwonicach, pow. Kalisz, z okresu rzymskiego⁴⁹. Jeśli

³⁶ H. Burchardówna, op. cit.

³⁷ B. Jaroń, Średniowieczne szczątki...

³⁸ A. Kozłowska, Pochodzenie zbóż...

³⁹ A. Kościk, op. cit.; B. Czeczuga, W. Kossacka, op. cit.

⁴⁰ M. Matlakówna, Średniowieczne szczątki...; te jż e, Dalsze badania...

⁴¹ A. Kozłowska, O zbożach kopalnych...; te jż e, Pochodzenie zbóż...

⁴² K. Moldenhawer, op. cit.

⁴³ B. Jaroń, Średniowieczne szczątki...

⁴⁴ H. Burchardówna, op. cit.

⁴⁵ A. Kościk, op. cit.

⁴⁶ B. Czeczuga, W. Kossacka, op. cit.

⁴⁷ M. Klichowska, Wyniki badań odcisków na polepie pochodzącej z osiedla obronnego kultury łużyckiej we Wrocławiu-Osobowicach, „Sprawozdanie Archeologiczne” 19, 1968, s. 453—455.

⁴⁸ M. Klichowska, Szczątki roślinne ze stanowiska archeologicznego Wolin-Młynówka, „Materiały Zachodniopomorskie” 11, 1967, s. 577—579.

⁴⁹ M. Klichowska, Możliwości konsumpcyjne zbóż i motylkowych w pół-

chodzi o okres średniowieczny, to Klichowska⁵⁰ podaje występowanie owsa siewnego dla całego szeregu miejscowości w północno-zachodniej Polsce. Według Rasinša⁵¹, owies siewny pojawił się na terytorium Łotwy dopiero około XI w.n.e.

Pisum sativum L. — groch z wycajny występuje dość licznie we wszystkich prawie próbkach. Całe nasiona zachowały się w niewielkich ilościach, przeważnie występują pojedyncze liścienie, nieraz znacznie uszkodzone. Nasiona mają barwę czarną, są zwęglone, powierzchnia jest matowa, kształt mniej więcej kulisty. Średnica nasion wynosi 4,7—2,0 mm, średnia wartość z 20 pomiarów 4,4 mm, długość znaczka 1,2—1,5 mm.

Groch występuje w licznych znaleziskach na terenie Polski, np. w Biskupinie⁵², Gnieźnie⁵³, Kamieńcu k. Torunia⁵⁴.

Vicia faba L. — bób występuje w 11 próbkach, nasiona są bardzo zniszczone, dlatego oznaczenia ich nie są pewne. Szczątki nasion mają kształt owalny, bocznie spłaszczony, barwę czarną, powierzchnię matową. W kilku próbkach występują małe, kuliste nasiona dość silnie uszkodzone, średnicy około 2,5 mm. Oznaczone zostały jako *Vicia* sp. Stwierdzono jedno ziarenko okrągłe, silnie spłaszczone, barwy czarnej. Prawdopodobnie *Lens culinaris* (soczewica). Z powodu silnego zniszczenia oznaczenie nie jest pewne.

Bromus secalinus L. — stokłosa żytnia występuje w znacznych ilościach łącznie z pszenicą i jęczmieniem. Ziarna długie, wąskie, jeden koniec mają nieco szerszy. Po stronie grzbietowej występuje wyraźny kant, bruzda głęboka o wałeczkowatych brzegach. Nasiona zwęglone, o barwie czarnej, powierzchnia gładka, przeważnie matowa. Średnia wielkość ziarn z 20 pomiarów: 5,84 × 2,14 × 1,88 mm. Długość waha się w granicach 7,16—5,04 mm, szerokość 2,44—1,98 mm, grubość 2,41—1,42 mm. Stokłosa żytnia jest chwastem stale towarzyszącym roślinom uprawnym. Niektórzy autorzy sądzą, że stokłosa początkowo należała do roślin uprawnych, a dopiero później stała się chwastem⁵⁵. Występowanie tego gatunku w większości jam zasobowych w Osowej, mogłoby być potwierdzeniem tej tezy.

nocno-zachodniej Polsce od neolitu do końca XII w., „Studia z Dziejów Gospodarstwa Wiejskiego” 9, 1967, s. 31—47.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ A. P. Rasinš, Materiały k historii kulturowych i sornych rastienij na terytorii Łatwijskoj SRR do XIII w.n.e., „Rastiteľnost’ Łatwijskoj SRR” t. II, 1958, s. 125—144.

⁵² B. Jaroń, Szczątki roślinne...

⁵³ B. Jaroń, Średniowieczne szczątki...

⁵⁴ K. Wasylikowa, op. cit.

⁵⁵ A. Maurizio, Pożywienie roślinne i rolnictwo w rozwoju dziejowym, Warszawa 1926.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
55	12B	1	8	—	1	1	—	3	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
56	12B	1	8	—	—	—	—	17	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
57	12B	1a	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
58	13A	9	7	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
59	13A	9	1	1	—	—	—	1	7	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
60	28/BC	46	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
61	28/BC	46a	9	—	—	—	—	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
62	28/BC	46a	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
63	28D	47	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
64	28A	48	13	1	—	—	—	4	—	—	—	1	1	2	—	—	—	—	—	—	—
65	28A	48	16	2	1	2	—	7	—	—	1	1	4	—	—	—	—	—	—	—	—
66	28A	48	8	—	—	—	—	4	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
67	28C	43	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
68	28C	43	8	1	1	4	—	11	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
69	28C	43	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
70	28C	44	34	1	2	5	—	38	1	—	6	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—
71	28D	45	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—
72	28D	45	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
73	28A	55	3	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
74	28A/B	57	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
75	29D	53	20	2	—	1	—	25	1	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—
76	29D	53	6	—	1	—	—	7	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
77	29D	54	17	—	—	2	—	29	—	—	8	2	8	2	—	—	—	—	—	—	—
78	29D	54	28	1	—	—	—	87	3	—	6	2	3	—	—	—	—	—	—	—	—
79	29D	54	23	—	2	—	—	56	2	—	15	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
80	28AB/ 28CD	51	6	—	3	—	—	3	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
81	28/29	51	—	—	11	—	—	7	—	—	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
82	29C/D	51	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
83	29C	52	24	1	—	1	—	58	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
84	29D/ 28A	50	20	1	—	2	—	22	1	—	3	6	2	—	2	—	—	—	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
114	56 dzB	94	6	2	—	—	—	27	2	—	2	4	4	—	—	—	—	—	—	—	—
115	32 dzB	97	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
116	56 dzD	90	6	3	1	—	—	20	4	2	—	10	5	—	1	—	—	—	—	—	—
117	55 dzB	89	4	—	—	—	—	14	—	1	—	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—
118	33 C	101	4	—	—	—	—	12	1	—	—	3	2	—	—	—	—	—	—	—	—
119	53 B	81	—	—	—	—	3	2	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
120	33 C	99	—	—	—	—	3	2	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
121	33 C	100	1	—	—	—	—	3	1	—	5	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
122	32 B	96	4	2	—	—	3	8	4	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	2?
123	56 D	90	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
124	33 B	102	2	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
125	33 B	102	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
126	70 C	89	4	—	1	—	8	15	2	—	4	6	10	—	2	—	—	—	—	—	2
127	53 B	81	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
128	55	89	6	1	—	—	2	1	—	1?	3	4	3	—	—	—	—	—	—	—	21
129	55 B	89	5	5	—	—	—	8	—	2	—	2	7	—	—	—	—	—	—	—	—
130	53 B	81	1	—	—	—	—	2	1	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
131	70 C	89	3	1	—	—	—	7	—	1	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
132	70 C	89	42	6	1	—	—	80	11	6?	8	16	17	—	—	—	1	—	—	—	—
133	70 C	89	11	—	—	—	—	19	—	4	1	—	1	—	2	—	—	—	—	—	—
134	70 C	82	5	1	—	—	—	9	—	—	5	6	4	—	—	—	—	—	—	—	—
135	53 B	78	5	2	—	—	—	—	—	2?	2	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—
136	54 C																				
brak ziarn																					
137	53 B	82	3	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
138	56 D	91	11	—	—	—	7	60	11	—	3	17	10	—	—	—	—	—	—	—	—
139	53 B	83	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
140	52 D	73	1	—	—	—	—	4	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
141	52 D	74	—	1	—	—	—	3	—	—	1	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—
142	52 B	75	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
143	52 D	74	—	—	—	—	—	10	1	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
144	52 D	74	4	—	1?	—	—	17	1	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
145	52 D	73	1	—	3	—	—	8	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
146	51 B	80	3	—	—	—	—	7	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
147	52 D	74	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Razem:			1148	103	89	74	49	1391	129	26	179	174	208	15	12	2	4	8	1	1	25

Bromus secalinus opisywana jest z Biskupina⁵⁶, z Lubonia k. Poznania⁵⁷, Osinek k. Suwałk⁵⁸, Gabryeliszek i Welony⁵⁹, z Garbarki Niesłuchowskiej, Kamionki Strumiłowej, Trembowli⁶⁰.

Lolium temulentum L. — życica roczna, pospolity chwast, występuje w Osowej w wielu próbkach. Ziarna wydłużone, silnie spłaszczone, grzbiet mają prawie płaski, końce zwężone, bruzda słabo widoczna. Nasiona są zwęglone, powierzchnię mają matową, barwę czarną lub ciemnoszarą. Średnia wielkość ziarn, obliczona z 5 pomiarów, wynosi: $4,77 \times 2,89 \times 2,35$ mm. Długość ziarn waha się w granicach 5,14—4,26 mm, szerokość 2,40—2,06 mm, grubość 1,83—1,68 mm. Życica roczna znana jest z Biskupina⁶¹, Lubonia⁶², z Gabryeliszek, Welony, Bubiów⁶³, z Trembowli i Garbarki Niesłuchowskiej⁶⁴, Osinek⁶⁵.

Polygonum convolvulus L. — rdest powojowy, inaczej wilec albo dzika hreczka, występuje w Osowej w trzech próbkach, co może być spowodowane tym, że pracownicy sortujący materiał w terenie nie zauważyli drobnych nasion. Owociki rdestu są zwęglone, trójkanciaste o tępych łukowatych krawędziach. Kształt na ogół symetryczny, górny koniec ostry, dolny tępy, powierzchnia matowa, drobno punktowana, barwa szara. Długość owoców wynosi około 2,7 mm. *Polygonum convolvulus* był do niedawna używany jako roślina jadalna, z nasion jego otrzymywano mąkę i kaszę⁶⁶.

Rdest powojowy jest rośliną rozpowszechnioną w Europie od neolitu. W Polsce znany jest z Biskupina⁶⁷, Jeziorka k. Giżycka⁶⁸, z Osinek k. Suwałk⁶⁹.

Polygonum persicaria L. — rdest plamisty. Jeden owoc stwierdzono w próbie 104. Owoc zwęglony, kształtu okrągłego z dziobkiem. Chwast ten w Osinkach k. Suwałk występował w dość dużych ilościach, prawie we wszystkich próbkach⁷⁰.

⁵⁶ B. Jaroń, Szczałki roślinne..

⁵⁷ K. Moldenhawer, op. cit.

⁵⁸ A. Kościk, op. cit.; B. Czeczuga, W. Kossacka, op. cit.

⁵⁹ M. Matlakówna, Dalsze badania..

⁶⁰ W. Swaderski, Chwasty z wykopalisk archeologicznych na Żmudzi i w Małopolsce, „Acta Societatis Botanicorum Poloniae” 3, 1925, s. 242—252.

⁶¹ B. Jaroń, Szczałki roślinne..

⁶² K. Moldenhawer, op. cit.

⁶³ M. Matlakówna, Dalsze badania..

⁶⁴ W. Swaderski, op. cit.

⁶⁵ A. Kościk, op. cit.; B. Czeczuga, W. Kossacka, op. cit.

⁶⁶ A. Maurizio, op. cit.; B. Hryniewiecki, Owoce i nasiona, Warszawa 1952.

⁶⁷ B. Jaroń, Szczałki roślinne..

⁶⁸ J. Zabłocki, op. cit.

⁶⁹ A. Kościk, op. cit.; B. Czeczuga, W. Kossacka, op. cit.

⁷⁰ Ibid.

Chenopodium album L. — komosa biała, jedno ziarenko występujące w próbce 69, barwy szaro-brunatnej, okrągłe, spłaszczone z jednej strony posiada wyraźny dziobek. Średnica około 1,3 mm.

Cenococcum geophilum — sklerotki grzybie, występowały w próbkach 12 i 23, drobnutkie ziarenka, barwy czarnej, kuliste, średnicy około 0,65 mm.

Coryllus avellana L. — orzech laskowy. W kilku próbkach występują kawałki łupiny orzecha, silnie zwęglone, czarne o matowej powierzchni.

Na podstawie opisanego materiału trudno jest wyciągnąć bardziej ogólne wnioski, jednak chyba stwierdzić, że podstawowymi roślinami uprawianymi przez ludność z osady na terenie Osowej w III—V w.n.e. był jęczmień oraz różne gatunki pszenicy z przewagą *Triticum vulgare*. Taki mniej więcej układ zbóż uprawnych obserwowano na obszarach sąsiadujących z Suwalszczyzną⁷¹. Żyto stanowiło prawdopodobnie niewielką domieszkę do innych zbóż. Znaczny udział w uprawach miały również rośliny motylkowe, a przede wszystkim groch.

Na podstawie badania pyłków zbóż i chwastów Stasiak⁷² stwierdza dominowanie na terenach Pojezierza Suwalskiego w późnym okresie rzymskim upraw pszenicy. Pod koniec tego okresu ilość pyłków *Triticum* zmniejsza się, natomiast pojawia się jęczmień i żyto. Być może wiąże się to w pewnym stopniu ze zmianami klimatycznymi zachodzącymi w tym okresie w północno-wschodniej części Polski⁷³. Wyniki analizy pyłkowej osadów dennych z Osowej⁷⁴ również przemawiałyby na korzyść tego przypuszczenia.

W tym miejscu pragniemy podziękować panu prof. dr. Janowi Zabcickiemu za pomoc udzieloną przy wykonywaniu niniejszej pracy.

⁷¹ A. P. Rašins, op. cit.

⁷² J. Stasiak, Badania nad starożytnym krajobrazem Pojezierza Suwalskiego w rejonie Szwajcarii, „Prace Białostockiego Towarzystwa Naukowego” 7, 1965, s. 5—42.

⁷³ B. Czeczuga, Zawartość chlorofilu w osadach dennych jezior Najgrodzkich w okresie polodowcowym, „Polskie Archiwum Hydrobiologii” 6, 1959, s. 155—172; B. Czeczuga, Quantitative changes in sedimentary chlorophyll in the bed sediment of the Mikolajki lake during the post-glacial period, „Schweizerische Zeitschrift für Hydrologie” 27, 1965, s. 88—98; B. Czeczuga, The application of the Blytt and Sernander classification to the post-glacial sediment stratification in the lakes of the north-eastern region of Poland, „Hydrobiologia” 26, (the Hague) 1965, s. 527—538; B. Czeczuga, Z. Gołębiowski, History of Kolno lake as revealed by the bed sediments, „Schweizerische Zeitschrift für Hydrologie” 28, 1966, s. 173—183.

⁷⁴ J. Stasiak, op. cit.

Г. В. Штыков

Минск

„КРАМОЛЬНИКИ БЕРЕСТЬЯНЕ“
(О ДРЕВНЕМ ВЕЧЕ В БЕРЕСТЬЕ)

Древняя история Берестья (Бреста) изучена недостаточно. Сведений о Берестье в летописях мало и они очень короткие. Между тем есть основания утверждать, что Брест один из трех древних центров на территории современной Белоруссии, кроме Полоцка и Друцка, в котором деятельность веча отражена в летописях.

В первой четверти XI века, когда Берестье впервые появляется в летописях, город находился в сфере политики великих киевских князей. С конца XI до середины XII века Берестье вместе с окружающими землями был в составе Турово-Пинского княжества. Во второй половине XII в. этот город на долгое время отходит к Волынскому княжеству. Пограничное расположение Берестья приводило к тому, что он временами попадал в зависимость от соседней Польши.

Несмотря на изменчивость исторической судьбы, территория западной части современной Брестской области с городами Каменец, Кобрин и другими, во главе со своим главным центром Берестьем, составляла в древности более или менее единую политическую область, так называемую Берестейскую землю. О важной роли Берестья в истории отмеченной территории свидетельствуют сведения, по которым можно судить о деятельности берестейского веча.

В начале XIII в. умер волынский князь Роман Мстиславич. Краковский князь Лешко (Лястько) стал временно распоряжаться волынскими волостями. В этой связи в летописи сообщается, что „приехали берестьяне“ к Лешку и просили „на княжение“ детей Романа. Лешко вынужден был исполнить просьбу и отпустил малолетнего Василька Романовича — „да владеет ими“¹.

¹ Ипатьевская летопись. ПСРЛ, М., 1962, стб. 720—721.

Под „берестьянами” здесь, по-видимому, следует понимать представителей веча, как в подобных случаях понимал это под словами „княне”, „полочане” „черниговцы” М. Н. Тихомиров². Можно думать, что речь идет о деятельности берестейского веча, и что Лешко вынужден был считаться с его силой. В итоге берестьяне получили того князя, которого сами пожелали, иными словами они выбрали себе князя.

В 1229 г. Ипатьевская летопись снова сообщает о самостоятельных действиях берестьян. Данилл и Василек Романовичи пошли на помощь Конраду в Польшу. Брест выполнял роль форпоста в обороне земли от воинственных ятвягов. Неожиданно под городом появился отряд литовцев. Берестьяне вместе с князем Владимиром пинским разгромили этот отряд. Из той же летописи под 1282 г. мы узнаем о самостоятельных действиях смелого берестейского воеводы Тита, который возглавлял военные силы города³.

Наиболее интересными и важными для нашей темы являются сообщения Ипатьевской летописи под 1287—1288 гг. Татарский хан Телебуга послал звать для участия в походе на поляков всех князей волынских и заднепровских. Пробыв 10 дней в Польше, Телебуга с татарами появился на Волыне. Волынский князь Владимир, сын Василька Романовича, тяжело заболел. Он завещал после себя землю и города брату Мстиславу. Второй двоюродный брат Владимира, Лев, имел уже три княжества — Галицкое, Премышльское и Бельское. У Льва был сын Юрий, которому отец ранее отдал Бельз, Червень и Холм, а затем отнял у него эти города и отдал ему Дрогичин и Мельшик. Обиженный Юрий обратился к больному дядьке Владимиру с просьбой дать ему Берестье, но получил решительный отказ. Берестья домогался также отец Юрия — князь Лев, но и ему не удалось выпросить города у Владимира.

Тогда Юрий решил действовать по-иному. Он начал вести тайные переговоры с берестьянами. Они, по словам летописца, еще во время болезни Владимира „учинили крамолу” и поклялись признать своим князем Юрия. Как только умрет Владимир” ..мы твои и город твой, а ты наш князь...” — такое было обещание берестьян. Обращает внимание не только этот случай, но и формула, в которой выражен „ряд” (договор). Именно так говорится в летописях о выборах князей в Новгороде, Полоцке и других вечевых городах. Не может быть сомнения в том, что здесь речь идет о представителях берестейского веча.

Сразу после смерти дядьки дружина Юрия явилась в Берестье,

² М. Н. Тихомиров, Древнерусские города, М., 1956, стр. 211.

³ ПСРД, т. II, стб. 890.

Каменце и Бельске. Сам Юрий „въехал в Берестий и начал княжить там по совету безумных своих бояр молодых и крамольников берестьян” — сообщает летописец.

Князь Мстислав подумал, что Юрий явился в Бресте по приказу своего отца Льва и обратился к последнему с угрозой, что если это действительно так, то он позовет татар, чтобы покарать за самовольство. Испуганный Лев пообещал воздействовать на сына, чтобы он выехал из Берестья. Князь Лев послал гонца сказать Юрию: „Уходи вон из города, не губи земли, брат послал за татарами; если не пойдешь, то я сам буду помогать брату и лишу тебя наследства”. Юрию ничего не оставалось делать, как покинуть Берестье. Он взял с собой главных „крамольников”, которых поклялся не выдавать дядьке⁴.

Чтобы лучше понять сущность этих событий нужно вспомнить, что слово „вече” в древней Руси имело несколько значений. Помимо других случаев, вечем называли всякое собрание недовольных горожан против князя или иного какого-либо лица. На такое вече смотрели как на заговор или восстание. Не случайно придворные летописцы в своих рассказах придавали им значение крамолы, волнения. В письменных источниках новгородцы часто называются вечниками — крамольниками. Подобный случай мы встречаем в Берестье. В чем истинная причина крамолы берестьян в летописи не сказано.

Во всяком случае наказание за „крамолу” понесли в первую очередь простые горожане и жители окрестных сел. Мстислав наказал горожан тем, что заставил их платить за содержание княжеских ловчих, а окрестные крестьяне выплачивали оброк натурой. Кроме этого, князь приказал записать сообщение о крамоле берестьян в летопись. Из всего этого можно заключить, что Юрий и его сторонники использовали в своих целях недовольство горожан.

Факт деятельности древнего веча в Берестье вполне закономерен и понятен, однако исследователи не обращали на него должного внимания.

⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 897—914.

А. Капуцж

Вильнюс

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЬСКОЙ ОРФОГРАФИИ В ВИЛЬНЕ
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Выдающийся польский историк Й. Лелевель известен также как автор статей по польской орфографии. В одной из них, вышедшей в 1829 г., он писал, что ранее других рассматривал ряд главных вопросов польского правописания („Wpzd, nim ktokolwiek z deputacji w gronie towarzystwa naznaczonej o podobnych w ortografii odmianach pomyślał, ledwie nie całe tego pole i wszertz i w poprzek myślą moja przeszedł...”) ¹

К тому времени современники могли ознакомиться с двумя его статьями, помещенными в журнале „Tygodnik Wileński”, которые, однако, посвящены в основном вопросу об употреблении буквы j и не дают оснований к приведенному выше утверждению Лелевеля ².

В печатных трудах Лелевель придерживался своей орфографии, которую, впрочем, изменял и перedelывал. В 1812 г. при издании в Варшаве дополнения к сочинению „Uwagi nad Mateuszem herbu Cholewa” он ввел в употребление j („Wywodził na jaw ogoniaste j”, J. L e l e w e l, „Przygody”, XIV) ³. В изданных в Варшаве в 1814 г. географическо-исторических сочинениях (J o a c h i m a L e l e w e l a p i s m a p o m n i e j s z e g e o g r a f i c z n o - h i s t o r y c z n e) он, как сам отмечает, придерживался

¹ J. Lelewel, O pisowni polskiej z powodu rozpraw Deputacji na publ. posiedzeniu Towarzystwa Król. Warszawskiego Przyjaciół Nauk czytanych, „Pamiętnik Warszawski Umiejętności Czystych Stosowanych” 1829, t. III, str. 37.

² J. Lelewel, Do redaktora tygodnika o głosce j podłużnem, „Tygodnik Wileński” 1816, t. I, str. 350—357; Do redaktora tygodnika o ogoniastym j i o różnych rzeczach, „Tygodnik Wileński” 1816, t. I, str. 382—383.

³ Цитирую по работе: H. Heł-Koszańska i M. Kotwiczówna, Bibliografia utworów J. Lelewela, Wrocław 1952, str. 4.

следующих орфографических правил: употреблял букву *j*, обозначал суженное *e'*, не обозначая *a'*; в неопределенной форме глагола писал на конце слова *s* и *s'*; старался руководствоваться этимологическим значением слова ⁴.

Друзья знали его как сторонника реформы правописания, и один из них даже просил не употреблять буквы *j* в конкурсном сочинении на замещение вакантной должности профессора Виленского университета, т.к. это может вызвать раздражение защитников традиционного правописания ⁵.

Ректор университета, знаменитый математик и астроном Ян Свидецки, ценя Лелевеля как ученого, не переставал огорчаться его орфографическим новостям, так в ноябре 1814 г. он писал Лелевелю: „Неприятно мне было видеть и читать введенные Вашей Милостью изменения в орфографии, а также ненужно и на слабых основаниях введенное *j* ⁶.

Даже в частных письмах к родителям Лелевель останавливался на вопросах орфографии ⁷. Однако, и эти факты не дают еще права к утверждению, что большинство вопросов правописания было им рассмотрено, как он писал, „вдоль и поперек“. Такое краткое, но систематическое (к сожалению, неоконченное) сочинение о правописании осталось в рукописи и никогда не было напечатано ⁸. Оно дает право сказать, что уже в 1809 г. Лелевель действительно раньше многих других — и в некоторых вопросах глубже других — изучал не только вопросы правописания, но и произношение польских звуков. Указанная рукопись Лелевеля хранится в Ягеллонской библиотеке в Кракове ⁹, написана она была в 1809 г., когда Лелевель работал учителем в Кременецком лицее. Статья содержит ряд очень радикальных орфографических предложений. Например, Лелевель пробовал ввести для обозначения польских аффрикат сложные знаки *d, d', ḍ*, от которых впоследствии сам отказался.

⁴ J. Lelewel, *O pisowni polskiej ...*, там же, str. 25.

⁵ См., например, письмо проф. И. Даниловича к Лелевелю 1820 г., Библиотека Польской академии наук в Кракове, машинописные копии документов, сделанные Л. Камыковским. „*Opisy dokumentów dotyczących dziejów oświaty z początku XIX wieku*, Nr 1266, k. 12: „O to jedynie prosić wypada, aby w rozprawie konkursowej *j* długie nie było...”

⁶ Там же, Nr 2817/1, k. 137.

⁷ J. Lelewel, *Listy do rodzeństwa*, Poznań 1878—1879, t. 1, str. 227, 262.

⁸ Нет его в библиографии печатных сочинений Лелевеля, Г. Глеб-Кошаньской и М. Котвичуны. Сошлюсь также на любезную справку директора Библиографического института в Варшаве доц. Г. Глеб-Кошаньской, за что приношу ей глубокую благодарность.

⁹ Biblioteka Jagiellońska, „*Uwagi nad prawopisem języka polskiego*”, Nr 3505.

Как эпизод в истории польской орфографической мысли, а также как один из первых примеров попытки анализа польских фонем рукопись Лелевеля представляет несомненный интерес.

Написание её связано с общей тенденцией к упорядочению польского правописания, наблюдавшейся в то время. К началу XIX века развитие культуры и школьного дела вызвали острую необходимость создания единой и усовершенствованной польской орфографии. Основой для изменений не могли уже послужить концепции О. Копчинского, отклоненные Варшавским обществом друзей наук, хотя в первом тридцатилетии XIX века и наблюдалось еще весьма сильное влияние авторитета автора „национальной грамматики”¹⁰. Как отмечает М. Коссовска, отношение к грамматике О. Копчинского со временем изменилось: после периода не критического преклонения перед автором и его трудом наступил период критицизма и даже острых нападок¹¹. Поэтому необходимо было по-новому устранить произвольность написания, начавшую господствовать в рукописных трудах и печатных изданиях¹².

Одним из центров развернувшейся полемики по вопросам правописания был Виленский университет, во главе которого стоял 1815 г. Лн Снядецкий, писавший также о языке и о литературе и известный как сторонник орфографической реформы О. Копчинского¹³.

В исследованиях, посвященных истории польского правописания¹⁴, не находим отдельного обзора фактов, относящихся к Вильно и Виленскому университету. Поэтому кажется целесообразным предпослать рассмотрению работы Лелевеля краткий хронологический перечень сочинений на эту тему, появившихся в Вильне или адресованных в Виленский университет.

Толчком к обсуждению в Виленском университете вопросов орфографии послужили устные высказывания профессора математики З. Немчевского. По свидетельству современников, его мысль

¹⁰ S. Urbańczyk, Językoznawstwo polskie I połowy XIX w., w „O języku Adama Mickiewicza”, Wrocław 1959, str. 490.

¹¹ M. Kossowska, Gen. Józef Mroziński przeciwko Gramatyce Narodowej, Sprawozdania Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, Nr 2, 3 czerwca 1957, str. 220.

¹² S. Szober, Zarys historii pisowni polskiej. Wybór pism, Warszawa 1959, str. 176.

¹³ W. Taszycki, Anonimowy dialog ortograficzny. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego 1960, Nr 24.

¹⁴ S. Szober, там же; J. Łoś, Pisownia polska w przeszłości i obecnie, Kraków 1917; S. Urbańczyk, Rozwój ortografii polskiej, „Język Polski”, 1955, XXXV.

продолжил уже в письменной форме проф. духовного красноречия Ф. Голянский¹⁵, изложивший свои взгляды в приложении к третьему изданию риторики, вышедшей в 1808 г.¹⁶

Голянский предлагал внести следующие изменения: упростить польскую графику путем замены лигатур типа sz, cz буквами с диакритическими знаками (вместо sz писать 's вместо cz — 'c вместо rz — 'r); заменить немецкое в латинском v; взамен буквы ch писать h; упразднить употребление буквы i в качестве знака смягчения. Он выдвинул два общих принципа: фонетическое письмо и употребление диакритических знаков. Требуя, чтобы каждый звук записывался в соответствии с его конкретным в данном случае произношением, Голянский тем самым полностью отвергал морфологический принцип правописания. Развитие же польской орфографии привело в XVIII веке к все большей ее фонологизации и морфологизации¹⁷. Естественно, что столь радикальные предложения Голянского, шедшие вразрез с установившейся традицией, не могли быть приняты¹⁸.

Год спустя Голянский вновь выступил в печати, повторяя свои мысли и развивая — по выражению Ю. Белинского — „орфографическую фантазию”, за что опять подвергся критике¹⁹.

В 1809 г. в Кременце Лелевель систематизировал и записал свои более ранние, виленские, размышления, возникшие в непосредственной связи с высказываниями Немчевского и предложениями Голянского. Интересующая нас рукопись будет рассмотрена ниже.

В вышедшей в Вильне в 1813 г. грамматике польского языка Яна Богдановича — Двожецкого по сравнению с соответствующим

¹⁵ „... rzucono tę myśl w Wilnie i tę zawieruchę zaczął Niemczewski prof. matematyki stosowanej, chwycił się tego Golański... — J. Lelewel, „Uwagi nad prawopisem języka polskiego”, там же, Из письма Ю. Завадского от 6.VIII.1808 г.: „Niemczewski poczynił ustne uwagi[...] Golański w nowej edycji „O wymowie i poezji” umieścił cały takowy projekt”; T. Turkowski, Materiały do dziejów literatury i oświaty na Litwie i Rusi... Wilno 1936, t. I, str. 6.

¹⁶ F. Golański, O wymowie i poezji, edycja trzecia przez [...] w Wilnie 1808.

¹⁷ I. Bajeroва, Kształtowanie się systemu polskiego języka literackiego w XVIII wieku, Wrocław—Warszawa—Kraków 1964, str. 25.

¹⁸ Как свидетельствуют материалы, опубликованные Турковским (т. I, стр. 13, 17, 30, 167; т. II, стр. 13), предложение Голянского вызвало ожесточенные споры в виленских кругах. В одном из писем к А. Чапторскому (от 12.X.1809) издатель Ю. Завадски сообщил: „Nałas filologiczny w sklepie kupieckim zastanowił wiele mimo przechodzących osób. O mało co dysputa uczona nie skończyła się na bitwie”.

¹⁹ F. N. Golański, Kopia autentyczna pewnej konferencji pomiędzy dwoma pierwszymi w Rzeczypospolitej literackiej kolegiami za potwierdzeniem całego koła alfabetycznego. Zgodna z oryginałem. Pisał i podpisał na miejscu sekretarz konferencji umocowany do tego Paragraf pierwszy. Druk XX Misjonarzy, Wilno 1809. J. Bieliński, Uniwersytet Wileński, t. II, Kraków 1890—1900, str. 785.

разделом грамматики Копчинского орфографических нововведений не находим²⁰.

Ян Снядеcki в статье, посвященной вопросам языка и напечатанной в 1815 г. в журнале „Виленский дневник”, затронул также и проблемы правописания, подчеркивая свою преданность давним польским традициям и указаниям О. Копчинского²¹.

В том же 1815 г. Голяньски в рецензии на словарь Л и н д е, напечатанной в „Виленском дневнике”, опять настаивал на введении диакритического письма и на изменении способа обозначения некоторых звуков²².

После появления в 1816 г. статьи А. Фелинского в обоснование употребляемой им графики и орфографии и его ответа Я. Снядецкому в 1817 г.²³ началась очень острая полемика, этапы и суть которой изучены и описаны²⁴. В качестве основного противника предложений А. Фелинского выступил Я. Снядеcki, напечатавший письмо к редактору варшавского журнала²⁵.

В 1817 г. с критикой правописания, применяемого виленскими изданиями: журналом „Виленский еженедельник” („Tygodnik Wileński”), и газетой „Литовский курьер” („Kurier Litewski”), выступил некий Ян Бобровски²⁶. Он солидаризовался со Снядецким, призывая вслед за ним придерживаться правил О. Копчинского.

В двадцатые годы профессора Виленского университета несколько раз давали отзывы на присланные грамматики, некоторые из них содержали предложения по усовершенствованию орфографии. Так Ян Багриновски, автор грамматики, одобренной школьным комитетом университета в 1820 г., поддерживал Фелинского в вопросе о j

²⁰ Gramatyka języka polskiego według prawideł X. Onufrego Kopczyńskiego przez Jana Bohdanowicza, Wilno 1813. Об авторе современники писали: Dworcecki przywiązany do ortografii Kopczyńskiego tak mocno, jak Turczyn do alkorenu” (Т. Turkowski, там же, стр. 18).

²¹ J. Śniadecki, O języku polskim, „Dziennik Wileński” 1815, t. I, str. 10: 16—18.

²² F. Golański, Słownik języka polskiego przez S. B. Linda. Rys tego dzieła, „Dziennik Wileński” 1815, t. II, str. 407, 410, 534, 564, 565.

²³ A. Feliński, Przyczyny używanej przeze mnie pisowni, Pisma i przekładania wierszem, Warszawa 1816, t. I, str. 20—25; Rozinowa w zaciszy z powodu listu pana Szczeropolskiego, „Pamiętnik Warszawski” 1817, t. VII, str. 381—399.

²⁴ W. Taśzucki, там же; S. Szober, там же; S. Urbańczyk, там же; J. Łoś, там же, str. 11, 36, 50, 56—65.

²⁵ Do redaktora „Pamiętnika Warszawskiego” z Kruszwicy 21.X. roku 1816. Zygmunt Szczeropolski, „Pamiętnik Warszawski” 1816, t. IV, str. 487—504.

²⁶ Uwagi nad pisownią polską przez Jana Bobrowskiego. W Wilnie 1817.

предлагая, правда, и знак 'i' считая полезным введение диакритических знаков для обозначения ch, cz, dz, sz, rz²⁷.

В протоколе заседания отделения литературы и изящных искусств за 1823 г. была отмечена как отличная работа студента Томаша Кургановича „Замечания по польской орфографии” („Uwagi nad pisownią polską”)²⁸, рукопись которой хранится в библиотеке Виленского университета (КС- № 381). В связи с тем, что Т. Курганович стал впоследствии популярным автором грамматик польского языка²⁹, известный интерес представляет его первый юношеский опыт. Работа была написана после полемики Я. Снядецкого с А. Фелинским, и поэтому автор высказывает свое отношение не только к грамматике Копчинского, но и к взглядам полемистов. В большинстве своих высказываний Курганович повторяет грамматику Копчинского или другую современную ему грамматику. Легко убедиться, что его фонетика — орфографические суждения не выходят за пределы „теоретической нормы” начала XIX века³⁰. Оригинальной частью работы является только своеобразная попытка ввести в употребление знак i для обозначения „гласного j”. Неубедительность своих выводов о „гласном j” Курганович признал после выхода в свет в 1830 г. „Статей и выводов депутации варшавского общества друзей наук”, о чем свидетельствует рукопись его „Правописания”, посланная как одна из работ на конкурс для замещения должности лектора польского языка в Киевском университете в 1836 г.³¹

С. Боролич, автор грамматики, изданной в Вильне в 1830 г., в отдельном сочинении („Rozprawa orthographiczna przeciwko przesadzonemu j na miejsce y przez St. Jaга Boroличa (...) w Wilnie”), следуя в основном за Копчинским, допускал, однако, в известных границах употребление буквы j³².

²⁷ Archiwum im. Czartoryskich, Nr. 5548, „b”, str. 186.

²⁸ ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. I, ед. хр. 1144, л. 90.

²⁹ М. Burdowicz-Nowicka, Tomasz Kurhanowicz — pedagog i językoznawca, „Problemy”, 1957, Nr 7, str. 516—518; М. Burdowicz-Nowicka, Działalność naukowa Tomasza Kurhanowicza, Studia i Materiały z Dziejów Nauki Polskiej, seria A, zeszyt 127—144.

³⁰ „Теоретической нормой” правописания И. Байерова считает правило, которое встречается в 2/3 грамматик того времени. I. Bajerowa, Współczesna Mickiewiczowi norma ortograficzna, „Pamiętnik literacki” LV, zeszyt I, Warszawa—Kraków 1964, str. 157—183.

³¹ ЦГИА Украинской ССР, ф. 710, оп. 3, ед. хр. 145. Авторство Т. Кургановича нам удалось установить путем сравнения рукописного и печатного текстов грамматики Т. Кургановича.

³² В рукописи, хранящейся в Виленском университете, Боролич перечисляет около двадцати вопросов по орфографии, на которые он уже подготовил или

Рукопись напечатанной работы Лелевеля — это небольшая статья на четырех страницах, в которой автор старался рассмотреть как общие принципы правописания, так и способы отражения отдельных звуков на письме. Краткое содержание ее заключается в следующем: во вступлении (первые шесть предложений на 1 стр.) Лелевель говорит о невозможности полностью осуществить фонетическое письмо, но считает желательным приблизить письменную речь к устной („przybliżyć się z pisanem do wymawiania”). Он отмечает, что мысль об исправлении польской графики и орфографии возникла в Вильне и что даже О. Копчински в Варшаве также выступил за реформу правописания. Лелевель считает, что предлагаемые им изменения являются не столько способом облегчить чтение, сколько средством для лучшего познания и изучения звуковой стороны языка („...laciejszą drogą doskonalej język poznawać...”).

После вступления следует раздел „Гласные”. Лелевель стремится привести в соответствие число знаков алфавита числу польских звуков, а также приспособить свой алфавит к отражению на письме региональных вариантов польского произношения и диалектных различий в произношении носовых и суженных гласных. Он рекомендует писать не *ą*, а согласно произношению *o* (*moż*). Сохранение букв *a*, *e*, *o*, в его алфавите — не механическое следование за Копчинским, а желание воспроизвести фонетические особенности отдельных диалектов („Szapowny pisarz gram(atyki) narod(owej) Kopczyński w wyrazie każdy a za otwarte bierze, kiedy u Mazurów powszechnie wymawia się każdy”, „...wo'jna, wo'jsko, bo'j są trzy o coraz więcej ścięnione, w trzecim zaś wygazie prawie równa się głosowi u”).

Букву *i* он считал нужным употреблять только для обозначения гласного звука, упразднив ее в функции знака мягкости предшествующего согласного.

Изложение материала в разделе „Согласные” определено тем же основным принципом: одному знаку должен соответствовать один звук. Как следствие — требования: 1) отказа от лигатур и введения букв с диакритическими знаками (не *cz* [= *č*] а *ć*, не *sz* [= *š*] а *ś*); 2) отказа от *i* как знака мягкости (писать не *ziemia* а *z'em'a*); 3) увеличения числа букв в алфавите и создания новых сложных графических знаков (*đ, đ', đ̇*).

При анализе согласных звуков польского языка Лелевель делит их по двум принципам; по твердости и мягкости (называя их *proste* и *miękkie*); готовит ответы, в том числе: *Niektóre uwagi nad ortografią polską Królewsko warszawskiemu Towarzystwu Przyjaciół Nauk Przesłana*, „Czyli użyteczne jest á kreskowane w języku polskim”, „O dyftongach” и др. (Отдел рукописей Виленского университета, ДС-177).

kie), по звонкости и глухости (называя глухой словом *twardy* или *stwardniały* „*k jest to twardy glos g*”, „*t jest to d stwardniałe*”).

Вводя новые буквы, Лелевель стремится, как он пишет, упростить другим славянским народам понимание польского письма и польской лексики. („*kiedy napiszemy d'eń, káżdý Słowiański dialekt przeczytá go po swojemu i pozná, co znaczy*”, „*gzeka po rusku r'eka*”). В увлечении Лелевель не заметил, что, обозначая аффрикаты *z*, *z'*, *z'* знаками *d*, *d'*, *d'* он облегчает славянам понимание только относительно небольшой группы слов (таких, как *d'eń* — *dzień* — день; *d'elić* — *dzielić* — делить; *d'wigać* — *dźwigać* — двигать), и что такое написание не помогает при различных исторических рефлексам общеславянских звуков (*dad* — дед; *dałać* — делать; *hodę* — хожу), а также при разном лексическом значении слов (*dzierżawa* — *derżawa* — аренда и держава — государство).

В конце статьи Лелевель перечисляет выгоды от введения новой графики и орфографии: 1) управление лигатур и буквы *i* как знака мягкости даст возможность экономить бумагу при издании книг, 2) полякам облегчено будет познание звуков и грамматики родного языка, 3) иностранцы легче изучат польский язык, 4) облегчено будет сопоставление польского языка с родственными славянскими языками („*...współz'omek utoruje sob'e drogę do łacne'go pozná'na polratimbiłih Sławansk'ih języków*”), 5) славянские народы, увидев преимущества понятной всем графики, возможно, изменят также и свою, что впоследствии может привести к общеславянскому письменному языку. Рисуя эти перспективы, Лелевель считает необходимым для начала осуществить хотя бы только следующее: 1) ввести в употребление *j*, 2) отказаться от *i* как знака мягкости согласного, 3) упразднить букву *x*. (Статья не вполне окончена, далее следуют зачеркнутые замечания о *ch*, *y*).

При оценке работы Лелевеля следует выяснить прежде всего, в какой мере он выполнил поставленную им перед собой задачу познания звуков польского языка. До появления труда Ю. Мрозинского („*Pierwsze zasady gramatyki języka polskiego*”, 1822) в польской науке не было систематически изложенного учения о звуках польского языка и четко и последовательно проведенного разграничения между понятиями звука и буквы. О. Копчински знал разницу между звуком и буквой (см. М. К о s s o w s k a, там же, стр. 227), но в своих трудах часто их смешивал³²). Лелевель сделал ряд наблюдений над гласными и согласными польского языка: 1) стремясь к отражению на письме особенностей

³² Р. К о р к о, *Krytyczny rozbiór gramatyki narodowej O. Kopczyńskiego*, *Kraków* 1909, стр. 16; Z. С h á d z y ń s k a, *Pojęcia fonetyczne w świetle dawnych podręczników gramatyki języka polskiego*, „*Polonista*” 1962, Nr 22, стр. 20—24.

польской фонетики, он предлагал, как мы видели, ввести особые буквы для аффрикат, 2) он отмечал d' , t' , r' как присущие только иноязычным словам, 3) последовательно стремясь к соответствию числа букв и звуков, он возражал против обозначения сочетания звуков ks одной буквой x (*księga* а не *xięga*), 4) он подчеркивал различия в произношении носовых и суженных гласных.

При анализе фонетического строя языка Лелевель постоянно противопоставлял литературный язык и диалекты, причем прежде всего отмечал особенности близкого ему мазовецкого диалекта: 1) произношение суженных \acute{a} , \acute{e} , o , 2) носового ϵ как ą или an (*pieć* — *piąć*) появление этимологически неоправданных носовых или носовых на месте сочетания гласного с носовым согласным („*u Polaka c'enki, m'eszkan'ec, u Mazura c'ęki, m'ęszkan'ec*"), 3) свойственное части мазовецких говоров произношение y как i с твердостью предшествующего согласного. (Возможно, что частично поэтому Лелевель в своем проекте алфавита отказался от буквы y , предлагая писать mi [= my], $mis'l$ [= $myśl$] но $m'ila$ [= $mila$], 4) мазурение („*w mazowieckim dialekcie tego c' prawie nie ma*", „*s' u Mazurów bardzo rzadkie*").

Замечания Лелевеля интересны прежде всего потому, что наблюдения над польскими диалектами в 1809 г., когда он написал свою статью, были лишь в самой начальной стадии: в словарях отмечалась диалектная лексика, записывались отдельные, часто случайные, факты³⁴. Правда, уже в грамматике О. Копчинского („*Przypisy do gramatyki na klasę 2*", 1784 г.) говорится о диалектальных различиях, есть о них речь и в грамматике Т. Шумского (1809), в 1802 г. по-немецки была издана работа Е. С' Бандтке, содержащая данные о силезском диалекте³⁵, но большее число статей относится ко времени после 1820 г. (Е. С. Бандтке, Г. Гофмана, Р. Леберехта и др.). Лелевель противопоставляет общепольский литературный язык („*włas'ciwy polski z rozmaitych dialektów zlepiony język*") народным говорам на отдельных территориях, выделяя великопольское, мазовецкое и литовское наречия („*dialekt włas'ciwie polski, t.j. wielkopolski, dialekt Mazuro'w, Litwino'w*").

Тонкая наблюдательность Лелевеля позволила ему уже в 1809 г. сделать некоторые фонологические наблюдения. Так он исключил из проекта алфавита букву y (y — *Jest to i zgrubiałe i w te'm tylko miejscu dotąd klas'c' się było powinno, gdzie ten gruby głos raz'nie*

³⁴ М. Караś, *Z historii badań nad słownictwem gwarowym*, „*Język Polski*" 1961, Nr 41, str. 161—162.

³⁵ G. S. Bandtkie, *Ueber die polnische Sprache in Schlesien*, *Historisch-Critische Analecten zur Erläuterung der Geschichte des Ostens von Europa*, Breslau 1802, str. 270—278.

slyszec' się daje [...]. Można' by go poniekąd znakiem jakim nad i położonym wybornie zastąpić', a nawet i bez niego się obe'jdzie, bo to y dla tego jest włas'nie, aby go pisano wtedy, kiedy następuje po spo'ągłozce twardej głos i, kto're wo'wczas samo przez się przestaje być miękkiem, zamiast tedy my dobrze będzie mi, bo dzisiejsze mi będzie się pisać m' i..."). Впрочем, возможно, что не только собственная наблюдательность, но и знание орфографических рассуждений Яна Кохановского, записанных Яном Янушовским („Nowy charakter polski", Kraków 1594 или последующее издание 1597) помогли Лелевелю сформулировать мысль о фонологическом единстве у и i³⁶.

В отличие от метких, конкретных языковых замечаний окончание статьи является научно необоснованным мечтанием о будущем слиянии славянских алфавитов и о создании единого общеславянского письма. („...jeśli wsistk'e narodi Sław'an'sk'e ujrawsi prawdiwi swo'j powsehni požitek wsistk'e zgodą s'ę na prekstałce'n'e swih prawop'isow, ... a prez to ne nowo bliże'j spowinnowacajoc s'ę Sła'w'ansk'e'j mowi gałez'e, z odm'ana'm'i w'eko'w i posad od seb'e s'ę oddaliwsi, a pisown'i wspo'łne'j zupełne podob'en'stvo zaprowado, tak że z w'elu jęziko'w w p'isan'u, z w'elk'e'j czę'ci s'w'ata koris'c'o jedna utwori s'ę mow'a... a przez to zm'eni bliże'j zw'ozane Słow'ansk'e jęziki...").

Высказывания Голянского и рукопись Лелевеля были первыми письменными попытками внесения изменений в польскую графику и орфографию в XIX веке. Варшавское общество друзей наук, как говорит его историк А. Краушар, в 1809 г. только приступило к рассмотрению этих вопросов³⁷. Начиная с 1810 г., в течение четырех лет члены общества изучали возможности изменения орфографии. Однако, никаких положительных результатов по существу достигнуто не было³⁸. Принятые обществом предложения от 10.I.1814 г. были фактически составлены С. Сташицем, отражали его взгляды и практического распространения не получили³⁹.

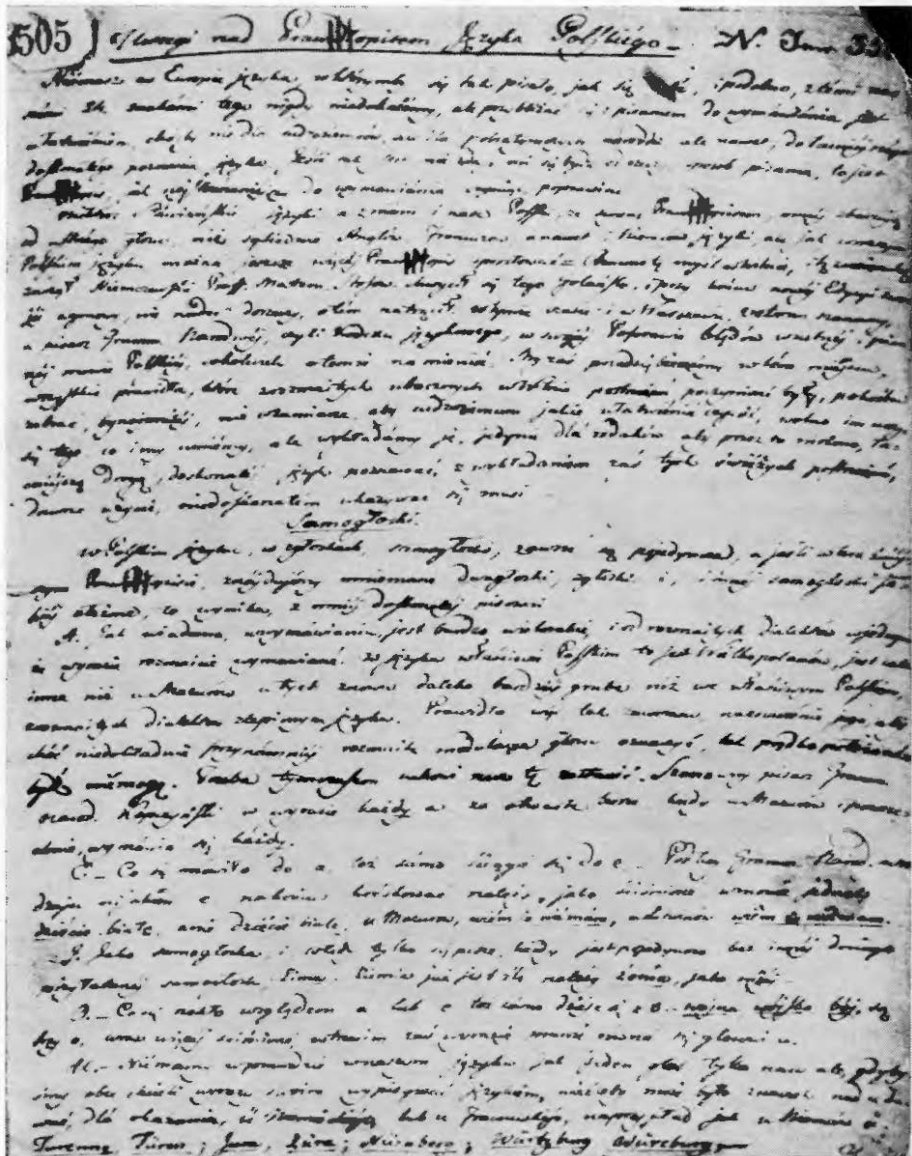
Таким образом в начале XIX века Вильно явилось центром, где началось изучение вопросов польского правописания, а рукописная статья Лелевеля, хотя и заключала нереальные в условиях установившегося уже правописания предложения коренного его изменения, свидетельствует о вдумчивом анализе фонетического состава польского языка того времени.

³⁶ Z. Stieber, *Rozwój fonologiczny języka polskiego*, Warszawa 1958, str. 50.

³⁷ A. Kraushar, *Towarzystwo Warszawskie Przyjaciół Nauk*, t. II, Kraków—Warszawa 1900, str. 186.

³⁸ J. Łoś, там же, str. 11; A. Kraushar, там же, t. II, str. 218, 260, 276.

³⁹ *Rozprawy i wnioski o ortografii polskiej przez deputacyą Król. Towarzystwa Warszawskiego Przyjaciół Nauk wyznaczoną. W Warszawie 1830*, str. V, 6.

Фрагмент рукописи И. Лелевеля „Uwagi nad prawopisem języka polskiego”

IV. RECENZJE — REVIEWS

HISTORIA

V. Ģinters, *Karogi senajā Latvijā*, „Daugava”, Sundbyberg (Stockholm) 1968, S. 80.

Es ist bekannt, dass Dr. Valdemārs Ģinters seit längerer Zeit mit den Vorbereitungen für eine Geschichte Altlettlands begonnen hat, wo er sowohl das archäologische wie auch das historische Material bis etwa zum Jahre 1500 behandeln wird. Vorläufig hat ein Detail aus diesem umfassenden Problemkomplex sein Interesse angeregt, dem er in der vorliegenden kleinen Abhandlung Ausdruck gegeben hat. Hier wendet er sich nämlich den Fahnen der alten Letten und einigen damit zusammenhängenden Fragen zu.

Die Quellengrundlage für eine solche Studie ist durchaus unzureichend. Als eine eigentliche Beschreibung kann nur jene vielbesprochene Stelle in der livländischen Reimchronik, 9223 ff, gelten, nach welcher die Letten von Wenden (= Cēsis) im 13. Jahrhundert ein rotes Banner trugen, das mit weiß „durchgeschnitten“ war. Diese Angabe läßt sich durch mittelbare Zeugnisse aus demselben Zeitalter vervollständigen. Wertvolle Hinweise enthält die livländische Chronik des Heinrich von Lettland; von Belang sind ferner auch Vergleiche mit deutschem, russischem und skandinavischem Material. Die Analyse führt zu

dem Ergebnis, daß die genannte lettische Fahne von Wenden keine lokale Eigenart aufweist, sondern in die allgemeine Tradition der europäischen Kriegsbanner des 13. Jahrhunderts einzureihen ist (S. 67).

In der livländischen Reimchronik wird die Fahne bald als *vane*, bald als *banier* und *zeichen* benannt. Die letztere Benennung kommt jedoch des öfteren in der Bedeutung „Schlachtruf“ vor, ein Umstand, den Ģinters mit ausgezeichnetem Scharfblick in einem besonderen Abschnitt des Buches hervorgehoben hat. Er stellt u.a. fest, daß in den bisherigen Übersetzungen der Reimchronik das Wort *herzeichen* (2639) falsch als „Fahne“ wiedergegeben ist, denn tatsächlich bezeichnet der Chronist damit „den aithergebrachten Schlachtruf der Kuren“ (S. 30).

Gegenüber der Streitfrage, ob die lettischen Volkslieder als Quelle für geschichtliche Forschung zu benutzen wären, nimmt Ģinters den Standpunkt ein, daß die von diesen Liedern hergeleiteten Hypothesen über die altlettischen Fahnen jedenfalls nicht auf das 13. Jahrhundert zu beziehen sind (S. 58f). Dessen ungeachtet wäre eine kurze Übersicht über die einschlägigen folkloristischen Angaben vielleicht nicht überflüssig gewesen. Die Ausführungen über die Benennungen der Fahne im Lettischen sind

ja gleichzeitig (S. 60 ff) nicht nur historisch, sondern zum Teil auch „volkstümlich“ begründet!

Das Buch zeichnet sich durch eine konzentrierte, nüchterne Darstellungsweise aus; es ist sehr gut illustriert. In der an sich reichen Bibliographie vermißt man jedoch z.B. eine so wichtige Arbeit wie Hans Woede: „Wimpel der Kurenkähne“ (1965).

Andrejs Johansons

Marzena Pollakówna, *Kronika Piotra z Dusburga*. Wrocław—Warszawa—Kraków 1968, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, ss. 230.

Poznańskie środowisko historyczne od kilkunastu lat przoduje w dziedzinie krytyki źródeł historiograficznych, a spośród wybitniejszych opracowań źródłoznawczych należy wymienić chociażby prace B. Kürbisówny, które zapoczątkowały nowy nurt badawczy w tej dziedzinie¹. W tym środowisku powstał także artykuł G. Labudy poświęcony annalistyce pomorsko-krzyżackiej XIII—XV wieku; zapowiedziano tam także dalsze studia nad średniowieczną historiografią Pomorza, wskazując na potrzebę przeprowadzenia badań nad kroniką Dusburga². Zabytek ten rzeczywiście zasługuje na uwagę, jest to bowiem najstarsza z zachowanych wielkich kronik krzyżackich, dostarczająca obfitego materiału informacyjnego nie tylko o wczesnym okresie powstania i rozwoju państwa krzyżackiego, lecz także o jego polskich sąsiadach (przede wszystkim Pomorze Gdańskie) i o tubylczej ludności Prus.

¹ B. Kürbisówna, *Studia nad kroniką wielkopolską*, Poznań 1952; teźże, *Dziejopisarstwo wielkopolskie XIII i XIV wieku*, Warszawa 1959.

² G. Labuda, *Studia nad annalistyką pomorską z XIII—XV w.*, „Zapiski TNT” 1954, t. 20, z. 1—4, s. 101—138.

Omawiana kronika znalazła należne jej miejsce w historiografii niemieckiej, głównie jednak dziewiętnastowiecznej, bo od 1935 roku nikt się nią już dokładniej nie zajął. Natomiast z polskich historyków bliżej interesował się nią jedynie W. Kętrzyński, i to tylko z punktu widzenia jej stosunku do „Kroniki oliwskiej”, a właściwie do obszernego jej fragmentu, mówiącego o początkach Zakonu Krzyżackiego i podboju Prus³. Na niewątpliwą natomiast potrzebę źródłoznawczej analizy „Kroniki Dusburga” wskazuje fakt, że jest ona jednym z podstawowych źródeł wielu prac naszych historyków. Niechęć polskiej historiografii do Dusburga i jego dzieła jest chociaż częściowo usprawiedliwiona tym, że stanowiło ono ogniwo w rozwoju obcej i wrogiej Polsce historiografii krzyżackiej, i to ogniwo bardzo tendencyjne. Aby jednak wykryć w każdym konkretnym przypadku tendencje kronikarza, tym bardziej należy uprzednio znać jego źródła; dzięki temu można odróżnić jego własne interpretacje czy przeinaczenia, pozostawiając oczyszczony, bardzo cenny materiał informacyjny.

Zadania tego podjęła się M. Pollakówna, która już od dłuższego czasu zajmowała się problematyką dziejów Prusów i Zakonu Krzyżackiego, zwłaszcza od strony osadnictwa i zagadnień ludnościowych⁴. Wynikiem jej studiów jest prezentowana tu obszerna monografia. Składają się na nią, poza wprowadzeniem, omawiającym krótko historiografię przedmiotu i samą kronikę

³ Por. zwłaszcza: M. Pollakówna, *Osadnictwo Warmii w okresie krzyżackim*, Poznań 1953; teźże, *Zanik ludności pruskiej*, w: *Szkice z dziejów Pomorza*; G. Labuda (red.), t. 1: *Pomorze Średniowieczne*, Warszawa 1958; teźże, *O nowe spojrzenie na dzieje Zakonu Niemieckiego*, w: *Wiek średni — Medium aevum*, prace ofiarowane T. Mantufflowi, Warszawa 1962. Na marginesie studiów nad Dusburgiem napisała ona także artykuł pt. *Zantyr*, „Komunikaty Mazursko-Warmińskie” 1967, nr 98.

⁴ Literaturę przedmiotu omówiono w recenzowanej pracy, s. 7—10 i 84—92.

(s. 6—12), następujące rozdziały: Źródła najstarsze o powstaniu Zakonu Niemieckiego (s. 13—24), Relacja Henryka z Hohenlohe (s. 25—54), Relacja Hartmanna z Heldrungen (s. 55—67), Translacja świętej Barbary (s. 68—83), Historia Zakonu Niemieckiego zawarta w „Kronice oliwskiej” (s. 84—105), Roczniki pruskie (s. 106—131), Problem wykazów mistrzów (s. 132—142), Dokumenty (s. 143—150), Tradycja ustna i autopsja Dusburga (s. 151—171), Wystrój teologiczny „Kroniki” (s. 172—182), Wątki nie związane z główną treścią „Kroniki” (s. 183—187), Kontekst polityczny (s. 188—198), Adres „Kroniki” (s. 199—202), Osoba autora (s. 203—208), Zamknięcie (s. 209—211). Do pracy dołączone jest tłumaczenie francuskie (wydaje się, że przy tej pracy pożyteczne byłoby także tłumaczenie niemieckie) oraz indeksy. Brak natomiast bibliografii, którą tylko częściowo zastępuje indeks autorów.

Już ten wykaz tytułów rozdziałów wskazuje, że praca *Pollakówny* to nie tylko studium nad „Kroniką Dusburga”, ale także w miarę pełne opracowanie całej najstarszej historiografii krzyżackiej. Potwierdza to treść pracy, w której znajdujemy wiele cennych ustaleń, dotyczących innych źródeł krzyżackich, wśród nich „Relacji Henryka z Hohenlohe”, uznanej przez autorkę za najstarsze z zachowanych krzyżackich źródeł historiograficznych z terenu Prus. Poświęcony tej „Relacji” rozdział drugi należy uznać za jeden z najcenniejszych i najciekawszych w całej pracy. Wspomniane źródło zostało opublikowane w 1874 roku jako „Relacja Hermana von Salza o panowaniu Prus”. W historiografii przeważał pogląd, że jest to źródło powstałe później, chociaż oparte na innym, zaginionym, pochodzenia trzynastowiecznego (s. 25—28). Można tu dodać, że w polskiej literaturze przedmiotu „Relacji” nie doceniano i w zasadzie pomijano ją zupełnie jako źródło⁵. Na

ocenie tej zaważyło niesłuszne przypisanie jej autorstwa Hermanowi von Salza, nieżyjącemu już w latach czterdziestych XIII wieku, którym jest ona głównie poświęcona. *Pollakówna* słusznie wykazała, że treść „Relacji” w 4/5 dotyczy wojny Krzyżaków ze Świętopełkiem gdańskim; tekst jej nie jest zależny od „Kroniki Dusburga”, a różnice między obu źródłami można zweryfikować, głównie na podstawie współczesnych dokumentów, na korzyść „Relacji”, co najlepiej świadczy o jej starszeństwie. Za takim wnioskiem przemawiają także bardziej archaiczne niż w dziele Dusburga nazwy pruskich terenów zdobywanych przez Krzyżaków. Dodajmy, że są to głównie nazwy włości, co również jest w pełnej zgodzie z praktyką zdobywców krzyżackich, atakujących kolejno nie całe plemiona, lecz poszczególne ich części, w których następnie budowano twierdze, utrwalając w ten sposób władzę. Pomylenie autora źródła wynikało, zdaniem *Pollakówny*, z błędnego rozwiązania przez kopistę („Relacja” nie zachowała się w oryginale) sigli *H*, w rzeczywistości oznaczającej imię mistrza Henryka von Hohenlohe (1244—1249). Autorstwo, czas powstania i treść omawianego źródła wskazują, że powstało ono dla celów dyplomacji i propagandy krzyżackiej w okresie pertraktacji pomorsko-krzyżackich. Jest ono skierowane przeciw księciu Świętopełkowi. Powstało po kwietniu 1246 roku (zdaniem autorki około 1247 roku). Nie wykluczałbym możliwości, że powstanie „Relacji” można związać z zabiegami dyplomacji krzyżackiej o cofnięcie wyroku legata papieskiego Opizona z Mezzano, które zapoczątkowało wystosowanie apelacji w marcu 1246 roku, a których konsekwencją była ponowna interwencja papieska w spór pomorsko-krzyżacki w listopadzie 1247 roku.

Swego rodzaju kontynuację „Relacji” Henryka v. Hohenlohe (której głównym celem była odpowiedź na pytanie, jak

⁵ Np. H. Łowmiański (Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskie-

go, t. 2, Wilno 1932, s. 8—9) określa „Relację” jako źródło „apokryficzne”.

Krzyżacy uzyskali Prusy) była „Relacja Hartmana v. Heldrungen” z lat 1273—1283, odpowiadająca z kolei na pytanie o początek posiadania przez Zakon Inflant. Temu źródłu poświęciła Pollakówna a rozdział trzeci. Obie więc relacje są starsze od „Kroniki Dusburga” i są zarazem jej źródłami. Natomiast „Translacja Świętej Barbary” nie jest źródłem Dusburga, lecz sama opiera się na jego „Kronice” oraz na „Relacji Henryka v. Hohenlohe” i na zaginionym utworze Lutera z Brunszwiku, komtura dzierzgońskiego w latach 1314—1320 i 1327—1331, a wielkiego mistrza w latach 1331—1335. Wobec wykorzystania tego ostatniego, „Translacja” zachowuje swoją wartość źródłową (zob. rozdział IV).

Podobnie autorka wykluczyła ze źródeł „Kroniki Dusburga” zawartą w „Kronice oliwskiej” historię Zakonu Niemieckiego, określaną nazwą „Exerdium Ordinis Cruciferorum”⁶. Na temat określenia czasu jej powstania toczył się ożywiony spór; W. Kętrzyński np. uważa, że źródło to pochodzi z XIII wieku⁷. Pollakówna próbuje uzasadnić tu pogląd, że „Exordium” jest zależne od „Kroniki Dusburga” i jej niemieckiej, rymowanej przeróbki Jeroschina, których informacje uzupełniane były głównie przez dane „Relacji” Henryka. Argumentacja w tym rozdziale nie jest pozbawiona luk. Dużo wątpliwości nasuwają tu głównie stwierdzone zbieżności między Jeroschinem a „Kroniką oliwską”, które są nacechowane krytyką braci krzyżackich. Czyżby wymyślał je krzyżacki autor rymowanej kroniki? Wydaje się, że nie można wykluczyć możliwości korzystania z jeszcze

jednego źródła, napisanego przed ukończeniem dzieła przez Dusburga w 1326 roku, które ten ostatni pozbawiał elementów antykrzyżackiej krytyki. Takie rozwiązanie uwalniałoby zarazem od nie dość prawdopodobnej tezy o przejęciu przez klasztor w XIV wieku („Kroniki oliwska” powstała wkrótce po 1350 roku) tradycji Prusów z Pomezanii. Nie negując w pełni sugestii autorki, uważamy, że rozwiązań problemu stosunku „Exordium” i „Kroniki Dusburga” można szukać w dalszych analizach „Kroniki oliwskiej” i „Kroniki Jeroschina”, po uwzględnieniu w nich innych ustaleń Pollakówny.

Nie ulega wątpliwości — zostało to szeroko omówione przez Pollakównę — że kanwa chronologiczna i niektóre informacje Dusburga opierają się na najstarszych rocznikach pruskich. Autorka uzupełnia przy okazji ustalenia G. Labudy dotyczące tych roczników⁸, zwłaszcza przez uwzględnienie ich przeróbki sambijskiej. Wykaz mistrzów, zdaniem Pollakówny, zebrał Dusburg z luźnych not typu nekrologu lub kalendarza, przyczyniając się do formowania takiego wykazu, który kontynuowany był w wyodrębnionej formie przez jego następców. Bez wątpienia wykorzystał także krzyżacki kronikarz wiele innych dokumentów.

Mimo tak szerokiej bazy źródeł pisanych ukazanej przez autorkę, blisko 4/5 ogólnej liczby rozdziałów „Kroniki” nie opiera się na dochowanych do naszych czasów przekazach pisanych. Źródłem ich są ustne informacje braci krzyżackich z poszczególnych zamków, zlepione w kronice w znacznej części bez uwzględnienia kanwy chronologicznej, a także tradycja przekazana przez różnych poddanych Zakonu: Polaków, Prusów, a nawet pod koniec i Litwinów. Poszczególne wątki tradycji nie zawsze można rozróżnić. Do niej dołączył kronikarz swoją znajomość terenu Prus i wydarzeń w

⁶ Die ältere Chronik und die Schrifttafeln von Oliva, T. Hirsch (wyd.), Scriptorum Rerum Prussicarum, cz. I, 1861, cz. 5, 1874; Exordium Ordinis Cruciferorum, Chronica Olivensis, W. Kętrzyński (wyd.), w: Monumenta Poloniae Historica, t. 6, 1893.

⁷ W. Kętrzyński, O dwóch nieznanych historykach polskich. „Przewodnik Naukowy i Literacki” 1886, t. 14; tenże, Kronika oliwska i Exordium Ordinis Cruciferorum, „Przewodnik Naukowy i Literacki” 1886, t. 16.

⁸ G. Labuda, Studia nad annalistyką pomorską...

nich zachodzących, dość znaczną, jak wykazuje uważna lektura kroniki. Niesłusznie, naszym zdaniem, autorka bardzo ostrożnie potraktowała przekaz Dusburga (cz. II, rozdz. 7) o Hugonie Potyre. Moje badania potwierdzają słuszność identyfikacji tej osoby, dokonanej przez M. Perlbacha, z żyjącym w I połowie XII wieku Holendrem⁹. Wskazując w innym miejscu pracy (s. 205) na pochodzenie kronikarza z niderlandzkiego Doesburg, autorka mimo woli wskazała na motyw umieszczenia tego wątku w kronice, jako dotyczącego rodaka Dusburga. Natomiast trudno ustalić, czy informacja o Hugonie pochodzi ze źródeł niderlandzkich, czy też z tradycji pogranicza polsko-pruskiego.

W rozdziale X autorka wskazuje na tendencje moralizatorskie i założenia teologiczne „Kroniki Dusburga”, interpretowane zresztą na korzyść Zakonu. Celem „Kroniki”, jak wykazano w rozdziale XII, było ukazanie Zakonu jako instytucji walczącej przeciw poganom, której członkowie przeważnie żyli we wspólnocie, zgodnie z nadaną regułą. W parze z powstaniem „Kroniki” idą, reformy wielkiego mistrza Wernera v. Orseln, zmierzające do przywrócenia dawnej dyscypliny, a których celem było także podniesienie autorytetu Zakonu na zewnątrz. Z tymi uwagami zgadza się dalsze ustalenie autorki, że „Kronika” była adresowana głównie do wykształconych kół Europy (rozdz. XIII). Omawiając w następnym rozdziale osobę autora, a więc Piotra v. Doesburg, Pollakówna jeszcze raz podkreśla jego związek z osobą wielkiego mistrza Wernera.

Zgodnie z postawionym przez autorkę celem pracy (s. 10), jej wynikiem jest więc „ostateczne ustalenie źródeł «Kroniki Dusburga», wydobycie na jaw zało-

żeń, jakimi kierował się jej autor, oraz lepsze zrozumienie tego utworu”. Lektura pracy Pollakówny zarazem prowadzi do wniosku, że autorka musiała gros uwagi poświęcić problemowi źródeł Dusburga, spornemu w literaturze, co odbiło się niekorzystnie na innych problemach, chociaż winić jej o to nie można. Wydaje się więc, że dopiero dalsze studia, może nad całością historiograficznego dorobku okresu wczesnokrzyżackiego (do Dusburga włącznie), pozwolą bliżej spojrzeć na dzieło Dusburga jako na odbicie świadomości, ideologii i kultury (w tym także kultury literackiej) członków Zakonu Krzyżackiego.

Z tym jedynym zastrzeżeniem, będącym raczej postulatem na przyszłość, a nie elementem negatywnej krytyki, należy stwierdzić, że praca M. Pollakówny w sposób możliwie pełny i nie budzący poważnych wątpliwości zapełnia istotną lukę w naszym źródłoznawstwie, zasługuje więc na pełne uznanie, zwłaszcza ze strony historyków Prus, Pomorza i Litwy. Musi ona stanowić bodziec do podjęcia na nowo badań nad faktografią dziejów Zakonu Krzyżackiego w XIII i początkach XIV wieku¹⁰.

Jan Powierski

I. Lukšaitė, *Reformacijos veikėjai Lietuvoje ir lietuvių kalba XVII a.*, „Lietuvos TSR Mokslu Akademijos Darbai” 1971, seria A, 1(35), s. 111—125.

Reformacja religijna odegrała znaczną rolę w wewnętrznych dziejach Wielkiego Księstwa Litewskiego. Wszelkie stronne nad nią badania stanowią tym bardziej cenny element w odtwarzaniu przeszłości ziem położonych nad Niemnem i Wilią, ponieważ ruch reformacyj-

⁹ M. Perlbach, *Preussisch-polnische Studien*, t. 2, Halle 1886, s. 110—111; J. Powierski, Hugo Potyr. Fragment stosunków polsko-niderlandzkich w XII w., artykuł oddany do druku w „Zapiskach Historycznych”.

¹⁰ Autor recenzji uważał za wskazane zmodyfikować niektóre swoje poglądy po zapoznaniu się z recenzowaną pracą; por. J. Powierski, *Chronologia stosunków pomorsko-krzyżackich w latach 1236—1242*, „Komunikaty Mazursko-Warmińskie” 1970, nr 108.

ny na Litwie, podobnie jak w innych krajach, objął wszystkie niemal dziedziny życia publicznego, wywierając przez to wpływ na kształtowanie się języków narodowych.

I. Lukšaitė konsekwentnie zajmuje się problematyką wyznaniową Litwy i byłoby pożądane, by możliwie szybko przystąpiła do całościowego jej ujęcia. Coraz pewniej bowiem posługuje się ona zasadami metodologii historycznej, wykazując równocześnie wysoką umiejętność interpretowania materiałów źródłowych i szeroką znajomość kilkujęzycznej literatury przedmiotu. Dodajmy nawiasem, że uzupełnienie pozycji polskich 14 tomami „Ateneum Wileńskiego”, wydawanego w latach międzywojennych w Wilnie przez tamtejsze Towarzystwo Przyjaciół Nauk, byłoby niewątpliwym pożytkiem dla omawianego tu artykułu.

Rozpatrzona w nim została działalność wybitnych przedstawicieli wyznania ewangelicko-reformowanego na Litwie XVII wieku, ze szczególnym uwzględnieniem ich stosunku do posługiwania się językiem litewskim zarówno w nauce religii, jak też w ogóle w życiu codziennym. Podstawę źródłową stanowiły tu materiały archiwalne Synodu ewangelicko-reformowanego Litwy. Obecnie ich zasadniczą część znajduje się w zbiorach wileńskich i dzięki ich skrupulatnej analizie Lukšaitė mogła też niejednokrotnie skorygować dawniejsze ustalenia faktograficzne². Wydaje się, iż ograni-

czenie treści krótkiego artykułu właśnie do strony faktograficznej, przy niezbędnym tylko wprowadzeniu ogólniejszych i bardziej złożonych wątków, dałoby w konsekwencji konstrukcję jasną i przejrzystą z wyeliminowaniem zbędnych (na szczególne rzadkich) ustępów, odpowiednich w ramach obszerniejszego studium. Skądinąd należy stwierdzić wyraźnie, że w trudnej sytuacji poszukiwania najlepszego zrównoważenia obfitości treści i szczupłości objętości autorka znalazła słuszne chyba rozwiązanie. Mianowicie wyodrębniła wśród duchownych kalwińskich działających w Wielkim Księstwie dwie grupy: 1) osoby pochodzące z Polski; 2) osoby wywodzące się z miejscowego bojarstwa lub mieszczaństwa — i następnie zajęła się każdą z nich. Jakkolwiek Lukšaitė ma rację, podkreślając wielokrotnie, że przedstawiciele drugiej grupy zmierzali ku wyższemu celom, wynikającym z lepszego rozumienia psychiki swych rodaków i ich potrzeb, to przecie i Polacy reprezentowali duże wartości. Osiedli na Litwie Borzymowscy. Bythnerowie czy Krośniewiecy zapisali się dodatnio w pamięci współwyznawców, a dzięki zniesieniu celibatu mogli z pokolenia na pokolenie przekazywać wiele cech niezbędnych dla głosicieli wiary.

Jan Borzymowski (1610—1673), superintendent zborów żmudzkich (od 1653 roku) i wileńskich (od 1665 roku), występował jako gorący zwolennik języka litewskiego w nabożeństwach i księgach liturgicznych. Sam opanował na tyle biegle ten język, że mógł tłumaczyć Pismo św. we fragmentach oraz wypowiadać się jako znawca w sprawie innych przekładów, jak to miało miejsce przy tłumaczeniu Nowego Testamentu dokonany przez Samuela Bogusława Chylińskiego³. Jan Borzymowski syn (1645—1687), długoletni rektor

² Por. np.: I. Lukšaitė. A Volano paziuros ir visuomenės kieme, struktura ir teišios funkcijas, „Lietuvos TSR Mokslu Akademijos Darbai“ 1968, serija A, 2(27), s. 57—73 (a także recenzję tej książki: P. de Laval, „Acta Baltico-Slavica“ 1970, t. VII, s. 299—301); tejsze, Lietuviškos S. B. Chilinskio biblijos spausdinimo aplinkybės, „Lietuvos TSR Mokslu Akademijos Darbai“ 1971, 1(35), s. 87—109.

³ Przykładowo tylko: na podstawie materiałów archiwalnych Centralnej Biblioteki Litewskiej Akademii Nauk w Wilnie Lukšaitė ustala, że Borzymowski ojciec został superintendentem w Wilnie w 1665 roku, podczas gdy W. Gizbert Studnicki (Polski

słownik biograficzny, t. 3, Kraków 1938, s. 369) przyjmuje rok 1663.

⁴ Dokładniej o tym por. w artykule: I. Lukšaitė, Lietuviškos S. B. Chilinskio...

gimnazjum kalwińskiego w Słucku, potem kaznodzieja i konsenior zboru w Wilnie, kontynuował prace ojca nad przyswajaniem Pisma św. językowi litewskiemu. Samuel Bythner (1632—1710), kaznodzieja gminy ewangelicko-reformowanej w Nowym Dworze (pow. Taurogi), od 1698 roku senior zborów żmudzkich z siedzibą w Kiejdanach, dał pełny — o sporych zaletach — litewski przekład Nowego Testamentu, który się ukazał w 1701 roku. Oto parę tylko, przykładowo wymienionych nazwisk z grupy polskiej.

Oczywiście litewscy duchowni kalwińscy, jak Gierdwiłowie, Lipsy, Skominowie czy członkowie rodziny Monwidów, jeszcze bacniejszą uwagę zwracali na problem niacierzystego języka w użyciu religijnym Jednoty Litewskiej. Na przykład Samuel Monwid, jeden z siedmiu Monwidów pełniących w XVII wieku ważne funkcje w społeczności ewangelicko-reformowanej, współpracował z Janem Borzymowskim (ojcem) i konfratrami Litwinami przy przekładzie z polskiego na litewski drukowanej w 1653 roku „Kniży nabażnistes krikščioniškos”.

Centrum kalwinizmu w Wielkim Księstwie były Kiejdany nad Niewiażą, własność birżańskiej linii Radziwiłłów, w których dłużej lub krócej przebywali niemal wszyscy duchowni litewskiego pochodzenia. Dlatego też pełniejsza charakterystyka tego miasta byłaby na pewno umotywowana, i szkoda, że autorka zadowoliliła się wzmianką o składzie ludności i paru dodatkowymi drobiazgami. Wszak w Kiejdanach mieszkali Litwini, Polacy, Żydzi, Niemcy i Szkoci. Ci ostatni przybyli na Litwę w początkach XVII wieku, uchodząc tam z dalekiej ojczyzny przed prześladowaniami katolickiego króla Jakóba I Stuarta. Ta szkocka imigracja do kraju rządzonego również przez katolika (i to skrajnego) jest wydarzeniem o tyle charakterystycznym, że wskazanie nań dobrze by uwypukliło

wewnętrzną atmosferę międzyludzkich stosunków w Rzeczypospolitej.

Artykuł J. Lukšaitė, jakkolwiek budzi pewne zastrzeżenia i skłania do formułowania tych czy innych sugestii, jako całość zasługuje na skrupulatną lekturę badaczy dziejów Litwy.

Paweł de Laval

Stanisław Kościałkowski, *Antoni Tyzenhauz, podskarbi nadworny litewski*, t. 1, Londyn 1970, Wydawnictwo Społeczności Uniwersytetu Stefana Batorego w Londynie, ss. 686, 3 ryciny.

Wybuch drugiej wojny światowej w 1939 roku przerwał druk monografii Stanisława Kościałkowskiego o Antonim Tyzenhauzie (1733—1785), podskarbin nadwornym litewskim za panowania Stanisława Augusta Poniatowskiego. Dopiero w 1970 roku, w dziesięć lat po śmierci autora na emigracji w Anglii, ukazał się jej pierwszy tom. Wydany został bardzo starannie (minimalna liczba błędów korektorskich) i poprzedzony zapowiedzią tomu drugiego (i ostatniego) oraz życiorysem Kościałkowskiego (1881—1960) pióra Bohdana Podolskiego.

Jakkolwiek omawiany tutaj tom został wydrukowany w wersji z 1939 roku i tym samym nie została w nim wykorzystana obfita literatura przedmiotu z okresu powojennego, naukowa wartość pracy jest bezsprzeczna. Cechująca Kościałkowskiego rzetelność badawcza i posunięta niekiedy do przesady drobniawości skrupulatność sprawiły, że gromadzona w ciągu lat kilkudziesięciu (od 1904 roku) podstawa źródłowa monografii została przygotowana bez zarzutu w oparciu o materiały archiwalne 21 zbiorów. Niektóre z nich (m.in. z archiwum Chreptowiczów w Szczorsach k. Nowogródka lub z archiwum ekonomicznego Zubowa w Szawlach na Żmudzi — ważne dla odtworzenia poli-

tycznej i gospodarczej działalności Tyzenhauza) zaginęły bezpowrotnie w czasie zawieruchy obu światowych wojen i dlatego ich fragmenty pomieszczone w przypisach nabierają szczególnego znaczenia. Jeśli zaś chodzi o opracowania dotyczące problematyki Wielkiego Księstwa Litewskiego w drugiej połowie XVIII wieku, to Kościałkowski sięgnął nawet do niedrukowanych prac magisterskich swoich słuchaczy z Uniwersytetu Stefana Batoiego w Wilnie (J. Fedorowicz, Z. Kosiński, O. Lubowski i inni), wydobywając stamtąd niemało pożytecznych ustaleń i danych.

Na pokazną objętość tomu składają się: przedmowa, 7 rozdziałów (z przypisami umieszczanymi bezpośrednio po rozdziałach) oraz indeks osobowy. Poza tekstem znajdują się wizerunki króla i podskarbiego oraz faksymile Gazety Grodzieńskiej z 22 maja 1777 roku. Dwa rozdziały początkowe przedstawiają główne momenty politycznej kariery Tyzenhauza, w dalszych natomiast wszechstronnie została rozpatrzona jego działalność gospodarcza i kulturalna — w zasadzie po 1780 roku, kiedy to nastąpił nieoczekiwany upadek podskarbiego.

Naukowe zainteresowania Kościałkowskiego szły przede wszystkim w kierunku zagadnień politycznych i kulturalnych, w mniejszej mierze — ku społeczno-gospodarczym. Toteż początek lektury zdaje się zapowiadać, że wnikliwe śledzenie świetnej drogi urzędowej przedstawiciela tak skromnego rodu, jakim na Litwie byli Tyzenhauzowie, na tyle pochłonie badacza, iż wątek ekonomiczny zostanie zepchnięty na dalszy plan. Tak jednak nie stało się, ponieważ autor odpowiednio wyważył proporcje tematycznych odcinków.

Moralna sylwetka Tyzenhauza nie wypadła w ujęciu Kościałkowskiego zbyt pochlebnie. Obciążały ją zwłaszcza dwuznaczne sposoby i metody, jakimi sobie zapewnił i długo utrzymywał przychylność królewską oraz abso-

lutną uległość w stosunku do ambasadatorów Katarzyny II: „...nie odznaczał się nigdy poczuciem godności państwowej Rzeczypospolitej i nie wstrzymywał się od współdziałania z Rosją” (s. 80). Współpraca z nią najdobitniej ujawniła się w latach konfederacji barskiej (1768—1772), której wpływy — wprawdzie słabe i nieregularne — sięgnęły przecie i ziem litewskich. Konsekwentnie antykonfederacka postawa Tyzenhauza i usługi wyświadczone królowi na tzw. sejmie delegacyjnym (1773—1775), mającym zatwierdzić pierwszy rozbiór Polski, ostatecznie umocniły rolę podskarbiego jako niekwestionowanego przywódcy stronników Stanisława Augusta na Litwie. Nieprzeciętna zaś zęćność w grze politycznej zaważyła na tym, iż piastowane przezeń (od 1765 roku) podskarbiostwo zostało na mocy uchwały sejmowej z 20 października 1774 roku podniesione do rangi ministerialnej, zapewniającej Tyzenhauzowi nowe, cenne prerogatywy.

Różnorakie dziedziny gospodarczej działalności podskarbiego omówione zostały kolejno w rozdziałach: III — „Przemysł, manufaktury, rzemiosła”, IV — „Handel”, V — „Zakłady naukowe i kulturalne” i VII — „Administracja rolna”; króciutki rozdział VI („Dalsze losy zakładów Tyzenhauza”) odpowiada raczej, jak wynika z przypisów, treści tomu drugiego i tam chyba wypadłoby go umieścić. Jest przy tym rzeczą charakterystyczną, że wnioski dotyczące poprawy sytuacji gospodarczej Rzeczypospolitej w przededniu jej upadku jako państwa wypadają prawie identycznie w monografii z 1939 roku i w pracach dzisiejszych badaczy¹. Przemawia to niewątpliwie na korzyść warsztatu Kościałkowskiego, który nie rozporządzał

¹ Porównaj np.: W. I. Mieleczko, Handel i stosunki handlowe Białorusi wschodniej z miastami nadbałtyckimi w końcu XVII i w XVIII wieku, „Zapiski historyczne” 1963, t. XXXIII, z. 4; L. S. Truska, R. W. Jasas, Wnieśliąją torgowla Wielikogo Kniażestwa Litowskogo w poslednie gody jego suszczestwowanija (1785—92), „Lituvos TSR Moksliu Akademijos” 1970, seria A, 1(32).

jeszcze metodycznymi osiągnięciami obecnych znawców problematyki gospodarczej.

Antoni Tyzenhauz posiadał dużo inicjatywy, rzutkości i właściwego wycucia potrzeb powierzonego mu terenu. Jednocześnie przecie brakło mu umiejętności skupienia się na najważniejszych kwestiach danej chwili, jak też trzeźwego rachunku ekonomicznego. Dodając do tych mankamentów częste zacieranie różnicy pomiędzy interesem posiadłości królewskich i własnych, łatwo zrozumieć, że imponująca w ówczesnych warunkach liczba gospodarczych poczynań podskarbiego litewskiego raczej rzadko przechodziła w jakość².

W samym Grodnie, mieście sejmowym i stałej siedzibie Tyzenhauza, powstały 22 manufaktury zatrudniające (wraz z chałupnikami pracującymi poza miastem) do 1300 osób. Wśród nich znalazły się zakłady prawidłowo prowadzone, jak założona około 1768 roku fabryka sukienna, dzieląca się na przadkarkę, warsztaty tkackie, postrzygalnię, szlifiernię i folusz, fabryka płótna czy „woskownia” (fabryka świec woskowych). Lecz większość manufaktur okazała się deficytowa wskutek braku zbytu, trudności z zapewnieniem odpowiedniego surowca i niepokojąco częstej nieuczciwości personelu kierowniczego, sprowadzanego niemal wyłącznie z zagranicy. Niedociągnięcia te najjaskrawiej wystąpiły w fabryce jedwabniczej położonej na przedmieściu Horodnica.

Stopniowo pogłębiający się rozdźwięk między planami i ich wykonaniem uzewnętrznił się także w decyzjach zmierzających do poprawy warunków handlu litewskiego przez odpowiednią organizację aparatu rozdzielczego i rozbudowę szlaków komunikacyjnych. Pomimo to kierowana przez Tyzenhauza Komisja

Skarbowa Litewska miała i tutaj pewne osiągnięcia. Tak więc w 1767 roku zapoczątkowane zostały prace nad połączeniem rzek Piny i Muchawca, przez nie zaś — Dniepru z Wisłą, co w końcowym wyniku doprowadziło — już po śmierci podskarbiego — do powstania tzw. kanału królewskiego. Roboty prowadzone były jednak wadliwie pod względem fachowym, a ponadto ściągnęły na Tyzenhauza liczne zarzuty z powodu wytyczenia trasy kanału poprzez podległe mu ekonomie królewskie i własne bez dostatecznego uwzględnienia potrzeb okolicznej szlachty.

W ogólnym przekroju działalności podskarbiego najtrwalsze i wysoko cenione — nawet w obozie przeciwników politycznych — okazały się jego inicjatywy na polu oświaty i kultury. On sam zresztą wyróżniał się dużym zamiłowaniem i znawstwem muzyki, jakkolwiek „Haydnowskie symfonie” (s. 433) raczej mu nie odpowiadały.

Z wielu szkół — rozmaitego naturalnie stopnia i poziomu — organizowanych w Grodnie oraz w miasteczkach i wsiach ekonomicznych, wymienić trzeba przede wszystkim: Akademię Królewską Lekarską z ogrodem botanicznym, gabinetem przyrodniczym, biblioteką i innymi zakładami oraz Korpus Kadetów. Z pierwszą z nich związane jest nazwisko Emanuela Giliberta, „zasłużonego profesora medycyny w Królewskim Kolegium Lyońskim i doktora wydziału tejsze medycyny w Akademii w Montpellier” (s. 383), autora „Flora Lithuanica” i innych prac botanicznych, po 1780 roku — profesora w katedrze botaniki w Szkole Głównej (dawnej Akademii jezuickiej) w Wilnie. Korpusem Kadetów dowodził major — inżynier Franciszek Ksawery Froelich i postawił go na wysokim poziomie naukowo-wychowawczym, co na pewno nie należało do rzeczy łatwych we współzawodnictwie z innymi zakładami tego typu, fundowanymi przez Sułkowskich w wielkopolskiej Rydzynie, przez Radziwiłłów w Nieświeżu (nb.

² Porównaj zwłaszcza W. Kuli, Szkice o manufakturach w Polsce XVIII wieku, t. 1, Warszawa 1956, s. 309—448. Porównanie opinii Kościelkowskiego i Kuli o Antonim Tyzenhauzie przewidziane jest w recenzji z 2. tomu omawianej tu monografii.

Froelich przyszedł do Grodna z Nieświeża) czy przez Potockich w Niemirowie na Podolu. Ale też program zajęć lekcyjnych był drobiazgowo ustalony, starannie wykonywany i kontrolowany, zajęcia zaś trwały od godziny siódmej rano do szóstej popołudniu z dwugodzinną zaledwie przerwą: „11—1 czas do obiadu i przygotowanie się lekcji poobiednich” (s. 411).

I wreszcie — rola Tyzenhauza jako zarządcy królewskich ekonomii w Wielkim Księstwie Litewskim. Wprowadził on tam niemało radykalnych zmian, jak przekształcenie systemu czynszowo-dzierżawnego na gospodarowanie kluczami, komasacja drobnych parceli, przywrócenie ścisłej egzekucji lekceważonych podówczas powinności pańszczyżnianych itd. Wywoływały one niezadowolone wśród włościan, a w sporadycznych wypadkach poważnych nadużyć ze strony tyzenhauzowskiej administracji dochodziło w ekonomiach do otwartych wystąpień przeciwko krzywdzie czy wyzyskowi. Najgłośniejszym takim wystąpieniem był bunt w ekonomii szawelskiej w 1769 r.

Wspomniany uprzednio rozdział VII, „Administracja rolna”, został przez autora potraktowany z wyjątkową skrupulatnością, wyposażony w rozmaite zestawienia, tabele i wykazy. Dlatego wymaga wnikliwszej analizy, którą wypada odłożyć do 2 tomu, jako że przypisy (np. s. 172, przypis 78) zapowiadają tam dalsze uzupełnienia. Oby więc ten tom ukazał się jak najrychlej z druku! Dla słuchaczy (i ja do nich należałem) zaś Stanisława Kościółkowskiego z lat jego wileńskich wykładów uniwersyteckich będzie to szczególnie moment, kiedy w ich rękę znajdzie się całość dzieła stanowiącego prawdziwe *opus vitae* uczonego, który ich nie tylko wprowadzał w istotę nauki historycznej, ale również wychowywał osobistą prawością i ujmującą skromnością.

Paweł de Laval

A. Šidlauskas, *Tomas Husaževskis, Vilniaus Universiteto Istorijos Profesorius*, „Lietuvos TSR Aukštųjų Mokyklų Mosklo Darbai, Istorija” 1969, t. X, s. 143—158.

Rola i znaczenie Uniwersytetu Wileńskiego w dziejach kultury i oświaty polsko-litewskiej były już tematem wielu wartościowych opracowań naukowych. Mimo to dużo jeszcze brakuje do pełnego i syntetycznego przedstawienia historii tej uczelni, która — jak żadna inna na świecie — potrafiła przywiązywać do siebie serca i umysły słuchaczy bez względu na ich światopogląd czy przynależność narodową. I dlatego każda nowa pozycja poświęcona drobnemu nawet wycinkowi przeszłości Uniwersytetu, zwłaszcza jeśli odpowiada metodologicznym wymogom, wywołuje zrozumiałe zainteresowanie.

Rozprawa A. Szidlauskasa, oparta na umiejętnie wyzyskanym materiale źródłowym i wykorzystująca starannie dobraną (jakkolwiek niepełną) literaturę przedmiotu, zajęła się postacią pierwszego profesora historii powszechnej na Uniwersytecie Wileńskim w latach 1783—1805, ks. Tomasza Hussarzewskiego¹. Choć objętościowo nadmiernie skromna, praca wileńskiego historyka została zbudowana przejrzyście i konsekwentnie, dając nie tylko stereotypowy zarys biograficzny, ale również analizę naukowych poglądów Hussarzewskiego i jego wpływu na słuchaczy, m.in. na Joachima Lelewela².

¹ Por. m.in.: Ł. Kurdybacha, Wpływ kultury wileńskiej na Lwów w początkach XIX w., „Ateneum Wileńskie” R. XI, 1936, s. 185—217.

² Pisownię nazwiska „Hussarzewski” przyjmuje za Polskim Słownikiem Biograficznym, t. 10, Wrocław—Warszawa—Kraków 1962, s. 120—121 (podobnie zresztą w innych opracowaniach polskich).

³ Por. np.: W. Nowodworski, Koleżcy i przyjaciele Joachima Lelewela z lat uniwersyteckich (1804—1806), Księga Pamiątkowa Koła Historyków-Słuchaczy USB w Wileńsku, Wilno 1933, s. 205—230.

Te podstawowe wątki rozwinięte zostały na wyrazistym tle kulturalnego i naukowego życia Wielkiego Księstwa Litewskiego w tragicznym okresie utraty niepodległości przez Rzeczpospolitą Obojga Narodów.

Tomasz Hussarzewski urodził się w Warszawie 13 grudnia 1732 roku i tamże jako dwudziestodwuletni młodzieniec złożył śluby zakonne w Zgromadzeniu Księżych Misjonarzy; w 1756 roku został wyświęcony na księdza. Niezwłocznie potem rozpoczął pracę wychowawczo-nauczycielską, jako wykładowca filozofii — najpierw w prymasowskim seminarium w Łowiczu, następnie zaś w seminarium św. Krzyża w Warszawie. Stąd w 1769 roku skierowany został do Wilna, gdzie objął stanowisko regensa tamtejszego seminarium diecezjalnego pozostającego pod opieką Zgromadzenia. Urząd regensa Hussarzewski piastował aż do 1791 roku, kiedy zgłosił dobrowolną rezygnację. Zmarł w Wilnie 13 grudnia (w dzień swoich urodzin) 1807 roku i pochowany został na cmentarzu Rossa.

Już pierwsze wyniki pracy Hussarzewskiego w Łowiczu i Warszawie (Szidlauskas pobyt w Łowiczu włącza w okres warszawski) wypadły na tyle pozytywnie, że w 1760 roku na prośbę arcybiskupa Wiednia, kardynała A. Migazziego, wyjechał on z dwoma zakonnikami współbraćmi do naddunańskiej stolicy w celu reorganizacji tamtejszego seminarium diecezjalnego. Przebywał tam do 1765 roku, kontynuując swoje warszawskie wykłady z filozofii. Przedmiotowi temu pozostał wierny także w Wilnie, gdzie jednak znacznie rozszerzył zakres nauczanych dyscyplin. Z alumnami seminarium przerabiał historię Kościoła i literaturę polską oraz uczył języka francuskiego. W 1776 roku za zachętą biskupa Massalskiego wydał „Książkę jubileuszową na diecezję wileńską”.

Wszechstronna działalność Komisji Edukacji Narodowej w zakresie szkol-

nictwa na Litwie nie ominęła Akademii Jezuickiej w Wilnie. Jej reorganizacja była kwestią tym pilniejszą, że w 1773 roku papież Klemens XIV zniósł zakon jezuitów, i dalsze prowadzenie jezuickich szkół rozmaitego stopnia stało się zagadnieniem nie cierpiącym zwłoki (seminarium Hussarzewskiego, mieszczące się przy ul. Subocz, też odczuło zamknięcie seminarium przy kościele św. Kazimierza).

Eks-jezuita Marcin Poczobutt-Odlanicki, który z polecenia Komisji Edukacji Narodowej przekształcał dawną Akademię w Szkołę Główną Litewską, zaproponował Hussarzewskiemu objęcie w niej katedry historii powszechnej. Kandydat (od 1782 roku doktor nauk teologicznych) odpowiedział pozytywnie i w 1783 roku zasiadł na uniwersyteckiej katedrze, zajmując ją do 1805 roku, jakkolwiek ostatnie dwa lata formalnie był już w stanie spoczynku.

Ocena naukowego dorobku Hussarzewskiego nie jest rzeczą łatwą, gdyż nie pozostawił on po sobie żadnych dzieł z zakresu historii, a kilka drobniejszych studiów teologicznych powstałych w latach nauczania seminaryjnego nie może stanowić odpowiedniego uzupełnienia. Tym bardziej więc wartościowy jest ten fragment wywodów Szidlauskasa, w którym, mając tylko do dyspozycji roczne programy profesorskich wykładów, ustalił ich tematykę i ramy chronologiczne, następnie zaś, sięgając do wspomnień współczesnych, postarał się również przedstawić system nauczania Hussarzewskiego.

Metoda powtarzania materiału w miarę rotacji kolejnych roczników uczniowskich, wypróbowana w seminariach warszawskim i wileńskim, towarzyszyła Hussarzewskiemu także w Szkole Głównej Litewskiej. Ogromny chronologicznie i terytorialnie cykl, obejmujący historię starożytnego świata (Grecji i Rzymu), dzieje Włoch, Francji, Hiszpanii, Rosji, Chin i krajów arabskich, regularnie co kilka lat powracał do punktu

wyjściowego. Ale za to sposób przedstawiania tego nieznacznie tylko zmieniającego i uzupełnianego materiału nieustannie podlegał ewolucji, jako że wykładowca, odszedłszy zdecydowanie od manieri scholastycznej, stał się głosicielem zasad filozofii oświecenia i z jej punktu widzenia starał się interpretować omawiane problemy. Francuscy filozofowie: Voltaire, Condillac i Lenglot-Dufresnoy szczególnie często byli wymieniani przez ich wileńskiego zwolennika.

Ksiądz Tomasz Hussarzewski nie należał do najsłynniejszych nazwisk Uniwersytetu Wileńskiego, ale jego działalność profesorska została pozytywnie oceniona w wypowiedziach i wspomnieniach jego uczniów. Dobrze więc stało się, iż A. Szidlauskas tak umiejętnie i bezstronnie zarysował tę postać.

Paweł de Laval

M. A. Juczas, *Popytki osvobodienija krest'jan v Litvie v konce XVIII v. i nacziale XIX v.*, „Lietuvos TSR Mokslu Akademijos Daktai” 1970. serija A, 3(34). s. 85—97.

Autor artykułu zajął się próbami poprawy losu włościan, podjętymi na przełomie XVIII i XIX wieku przez niektórych właścicieli ziemskich w Wielkim Księstwie Litewskim. Słusznie podkreśliwszy, że ogólnopañstwowe postanowienia Konstytucji z 3 maja 1791 roku i Uniwersału Połanieckiego z 7 kwietnia 1794 roku w kwestii chłopskiej nie mogły być wprowadzone w życie wskutek upadku Rzeczypospolitej, Juczas zatrzymał się nad jednym wycinkiem rozpatrywanego problemu: nad sprawą uwłaszczania zbiorowego, tzn. wszystkich poddanych jednego dziedzica. Dobrze przy tym uwypuklił takie ważne momenty, jak jednostronność aktów prawnych sporządzanych tylko przez szlachcica-posiadacza, trudności chłopów z tytułami własności, z opłatami za wydzier-

żawaną ziemię itp. Wprawdzie Ustawa rosyjska z 20 lutego 1803 roku (tzw. „Zakon o wolnych chlebobaszczach”) uznawała oswobodzenie włościan jedynie z równoczesnym nadziałem im ziemi, to przecie praktyka na Litwie, niedawno zagarniętej przez Moskwę, przeważnie nie stosowała się do nowej rzeczywistości. Powodowało to oczywiście dodatkowe komplikacje i powikłania.

Autor omówił — miejscami zbyt skrótowo — nie tylko wypadki uwłaszczania chłopów w majątkach szlacheckich (Brzostowskiego, Nagurskiego, Pusłowskiego, Karpia, Wilczyńskiego i innych), ale także w dobrach duchownych (np. w Werkach pod Wilnem, należących do biskupstwa wileńskiego). Nie pominął także projektów odnoszących się do zmiany sytuacji włościan w posiadłościach Uniwersytetu Wileńskiego i Kościoła ewangelicko-reformowanego. Autorami pierwszego (realizowanego powoli i z licznymi zmianami) byli w 1808 roku Konstanty Radziwiłł i Jan Śniadecki, drugiego — w 1820 roku — Bogusław Kopycki.

Szeroko znaną inicjatywą uwolnienia chłopów z poddaństwa — jeszcze na niepodległej Litwie — było utworzenie w 1767 roku przez kanonika wileńskiego i referendarza litewskiego, Pawła Ksawerego Brzostowskiego, tzw. Rzeczypospolitej Pawłowskiej. Brzostowski w 1767 roku nabył niedaleko Wilna dobra Merez i nazwawszy je od swego imienia Pawłowem, ogłosił „Ustawy stosujące się do dobrego porządku i powinności osiadłych ludzi w dobrach Pawłowie, czyli Merezcu, przepisane 1769 r.” Zgodnie z ich postanowieniami, chłopci pawłowscy uzyskali wolność osobistą, prawo do ziemi za ustaloną opłatą czynszową oraz możliwość swobodnego obrotu wytwarzanymi przez siebie płodami rolnymi. Ten system stopniowego przechodzenia od dotychczasowej gospodarki folwarcznej do włościańskiej typu czynszowego okazał się wielce korzystny dla właściciela, którego dochody

wydatnie rosły, szczególnie w końcowych latach (1786—1791) prowadzonych przez niego zmian. Dlatego zgodzić się wypada z wnioskiem Juczasa, że podstawą reform Brzostowskiego było zrozumienie przez niego konieczności maksymalnego intensyfikowania uprawy ziemi oraz podporządkowywania gospodarki wiejskiej prawom popytu i podaży rynkowej. Tym samym zaś koncepcja „Rzeczypospolitej Pawłowskiej” z dwuizbowym parlamentem, własnym wojskiem, monetą, szkołą i lekarzem, podziwana przez współczesnych i przypominana w licznych opracowaniach historycznych, musiałaby zająć o wiele skromniejsze miejsce. W każdym razie określenie jej jako „pomysłu ekscentrycznego” (s. 88) brzmi rzeczywistość nieco... ekscentrycznie.

Spomiędzy innych wypadków uwłaszczenia poddanych — już w okresie zaborów — wymienić trzeba testamenty Kajetana Nagurskiego, chorążego szawelskiego i podkomorzego żmudzkiego, oraz Ignacego Karpią, chorążego upickiego.

W ostatniej swojej woli, sporządzonej 28 września 1800 roku, Nagurski uwolnił z poddaństwa wszystkich chłopów (z rodzinami i posiadaniem majątkiem), którzy w liczbie ok. 2700 osób żyli w jego majątnościach położonych na terenie kilku powiatów. Lecz dziedzicząca po nim od 1802 roku siostra, Jadwiga Żukowska, interpretowała postanowienia testamentu brata inaczej, niż je rozumieli oswobodzeni przez niego włościanie. Ci ostatni przeto, uzyskawszy kopię tego testamentu, wystąpili w 1805 roku do generał-gubernatora z prośbą o wiążącą wykładnię ostatniej woli zmarłego. Sprawa ciągnęła się kilka lat, trafiając m.in. w 1807 roku aż do Senatu i wywołując w 1808 roku otwarte bunty chłopskie w Korcianach (pow. telszewski).

Testament Karpią z 29 lutego 1809 roku, spisany na kilka zaledwie miesięcy przed jego zgonem, nadawał wolność blisko 7000 poddanych oraz fundował

szkołę rolniczą i szpital w dziedzicznych Johaniszkielach (pow. upicki). Jednak i w tym wypadku główny spadkobierca, Eustachy Karp (bliski krewny zmarłego), zaczął postępować podobnie jak Żukowska i posunięciami swymi podobne wywołał skutki. W 1816 roku F. Montwiłł wystąpił do sądu grodzkiego w Upicie jako pełnomocnik pokrzywdzonych włościan. Wyjątkowo ostry charakter miała walka prawna mieszkańców dóbr (miasteczka i majątku) Nowe Miasto (pow. upicki), przedstawiona w pewnym momencie nawet carowi Aleksandrowi I. Zamknęto ją dopiero postanowieniem Senatu z 30 kwietnia 1832 roku, które obie strony przyjęły jako możliwy kompromis.

Interesujące studium Juczasa zyskałoby niewątpliwie, gdyby rozszerzyć jego ramy m.in. przez dokładniejsze uwidocznienie wzajemnej zależności między problemami społeczno-politycznymi i gospodarczymi. W obecnej bowiem formie pracy zbyt jednostronny nacisk na stronę gospodarczą rozpatrywanych zagadnień niepotrzebnie osłabia ogólne dodatnie wrażenie wyniesione z lektury.

Paweł de Laval

Powstanie styczniowe. Materiały i dokumenty.

Wielotomowe polsko-radzieckie wydawnictwo *Źródeł do dziejów powstania styczniowego*¹, którego poszczególne tomy ukazują się od 1961 roku, ma ogromne znaczenie dla badaczy dziejów 1863 roku. Od czasów opublikowania 5-tomowego, z natury rzeczy bardzo ograniczonego „Wydawnictwa materiałów do historii powstania 1863—1864 roku” (Lwów 1888—1894), jest to pierwszy na taką skalę zakrojony zbiór *Źródeł do dziejów lat 1861—1864*².

¹ Powstanie styczniowe. Materiały i dokumenty, Wrocław-Moskwa.

² Poprzedziły go wydawnictwa o węższym zakresie, takie jak: Polska działalność dyplomo-

Ogromne straty, jakie podczas ostatniej wojny poniosły m.in. źródła do dziejów powstania styczniowego, uczyniły aktualną sprawę — z jednej strony — zabezpieczenia ocalałej ich reszty, bardzo rozproszonej po różnych archiwach i bibliotekach w kraju, z drugiej zaś — uprzystępnienia historykom tych materiałów, które znajdują się za granicą, głównie w Związku Radzieckim i są trudniej dostępne.

Wydawnictwo doszło do skutku w rezultacie umowy zawartej w roku 1959 między Polską Akademią Nauk a Akademią Nauk ZSRR³. Prace przygotowane rozpoczęto już jednak wcześniej, bo w 1957 roku. Wykonanie umowy powierzono, po stronie polskiej, Instytutowi Historii PAN, z którym współpracowała Naczelna Dyrekcja Archiwów Państwowych, po stronie radzieckiej, Instytutowi Słowianoznawstwa AN ZSRR przy współudziale Głównego Zarządu Archiwalnego Związku Radzieckiego. Zebranie w drodze szerokiej kwerendy w polskich, radzieckich i innych zagranicznych archiwach i zbiorach rękopiśmiennych bibliotek tak ogromnego materiału oraz opracowanie i przygotowanie go do druku jest rezultatem trudu licznego zespołu historyków i archiwistów działających pod kierunkiem komitetu redakcyjnego w następującym składzie: ze strony polskiej — E. Halicz, S. Kieniewicz,

F. Ramotowska; ze strony radzieckiej — L. Jakowlew, W. Koroluk, I. Miller. Poszczególne tomy przygotowywali do druku również inni historycy, nie wchodzący w skład ścisłego komitetu redakcyjnego.

Podjęta kwerenda doprowadziła do odnalezienia licznych cennych i ważnych materiałów, których uprzystępnienie, właśnie ze względu na bogactwo ilościowe, mogło być dokonane tylko w wyborze. Mimo to jednak po raz pierwszy badacze mają możliwość w takim zakresie skorzystać m.in. z radzieckich źródeł do dziejów 1863 roku, przechowywanych w archiwach i zbiorach rękopiśmiennych bibliotek Moskwy, Leningradu, Wilna, Lwowa i Kijowa. Podnosi to ogromnie wartość omawianego wydawnictwa.

Dokonując wyboru najistotniejszych materiałów źródłowych, wydawcy przyjęli zasadę poświęcenia poszczególnych tomów odrębnym zagadnieniom, ważnym dla historii politycznej i społecznej powstania lub terenów, na których się ono rozgrywało. Zasadę tę zrealizowano we wszystkich niemal dotychczas wydanych tomach. Zapewnia to układowi materiałów dużą przejrzystość i w konsekwencji ułatwia korzystanie z nich badaczom poszukującym materiałów do określonych z góry zagadnień związanych z 1863 rokiem. Wyłom stanowią jedynie niektóre tomy, jak np. „Zapiski Awejdego” lub „Zbiór zeznań śledczych”⁴, dotyczące różnych zagadnień, różnych okresów i terenów. Było to jednak nieuniknione koniecznością podyktowaną charakterem źródeł. Wydawcy starali się w miarę możliwości grupować w obrębie poszczególnych tomów źródła podobnego rodzaju, wyczerpując to, co najistotniejsze w uzyskanych dla danego tomu zespołach archiwalnych. Oprócz ineditów wy-

³ matyczna w 1863—1864 r., zbiór dokumentów, A. Lewak (red.), t. 1, Warszawa 1937, t. 2, Warszawa 1963; Proces Romualda Traugutta i członków Rządu Narodowego. Akta Audytariatu Polowego z lat 1863—1864, E. Halicz (red.), t. 1—4, Wrocław 1960—1961, oraz kilka innych jednotomowych wydawnictw źródłowych.

⁴ O założeniach wydawnictwa oraz metodach jego realizacji informuje szczegółowo nota „Od Redakcji”, zamieszczona w pierwszym wydanym w Polsce tomie zatytułowanym: Chłopi i sprawa chłopska w powstaniu styczniowym. Materiały z terenu guberni radomskiej, S. Kieniewicz, I. Kostiuszko (red.), Wrocław 1962, oraz artykuł S. Kieniewicza: Powstanie styczniowe. Materiały i dokumenty, „Studia Źródłoznawcze” 1960, t. 13, s. 161—166.

⁵ Pokazania i zapiski o polskim wosstaniu 1863 goda Oskara Awejda, S. Kieniewicz, I. Miller (red.), Moskwa 1961; Zbiór zeznań śledczych o przebiegu powstania styczniowego, S. Kieniewicz, T. Kopriewewa, I. Miller (red.), Wrocław 1965.

dawnictwo objęło również druki ulotne oraz przedruki z różnych rzadkich, dawnych i trudno dziś dostępnych publikacji.

Ze względów technicznych, jak np. równoczesne przygotowywanie do druku tomów w Polsce i Związku Radzieckim, trudność ścisłego określenia kolejności ich ukazywania się, wydawcy zrezygnowali z numeracji tomów. Nie ma to jednak większego znaczenia, ponieważ są one poświęcone osobnym zagadnieniom. Wszystkie tomy otrzymały natomiast wspólny tytuł („Powstanie styczniowe. Materiały i dokumenty”) oraz jednolita szatę graficzną. Każdy zaopatrzone jest w dwujęzyczne przedmowy oraz spis dokumentów (w przypadku tomów poświęconych Litwie i Białorusi oraz Ukrainie — nawet trój- lub czterojęzyczne), natomiast aparat edytorski — w języku kraju, który dany tom przygotował. Dokumenty publikowane są w języku oryginału. W tomach radzieckich zamieszczone są tłumaczenia dokumentów sporządzonych w języku polskim. Każdy tom zaopatrzone jest w indeks osobowy, a większość posiada też indeks nazw geograficznych. Indeksy osobowe zawierają krótsze lub dłuższe, bardzo zawsze użyteczne biogramy poszczególnych osób. W przedmowach do tomów omówione są zwykle wydarzenia, które znajdują odzwierciedlenie w zebranych dokumentach, a także zasady doboru materiałów i ich układ.

Przechodząc do omówienia poszczególnych tomów, wypada podkreślić, iż ze specjalną uwagą potraktujemy problematykę lat 1861—1864 na ziemiach północno-wschodnich. W pierwszej kolejności omówione zostaną tomy opublikowane w Polsce, następnie tomy radzieckie.

Pierwszy z wydanych w Polsce tomów dotyczy sprawy chłopskiej w powstaniu⁵. Materiały źródłowe do tego zagadnienia dobrane zostały spośród stosunkowo najliczniej zachowanych archiwaliów doty-

czących gub. radomskiej, która — jak stwierdzają wydawcy — stanowi w tym przedmiocie szczególnie interesujący przedmiot badań ze względu na mocno zróżnicowane społecznie tereny wchodzące w jej obręb. Publikację źródeł poprzedza obszerna przedmowa S. Kieniewicza, poświęcona omówieniu tytułowego zagadnienia, ze szczególnym uwzględnieniem ewolucji, jaką można było zaobserwować w postawie chłopów wobec powstania w różnych okresach jego trwania. W przedmowie omówiono również zasady doboru źródeł i ich publikacji.

Kolejny tom dotyczy manifestacji religijno-patriotycznych na prowincji⁶. Jak zaznaczają wydawcy, ze względu na obfitość materiałów źródłowych wyłączone z tomu dokumenty obrazujące przebieg wydarzeń warszawskich, koncentrując się na zobrazowaniu przebiegu manifestacji w miastach i miasteczkach Królestwa. Tom zawiera wyłącznie nie drukowane materiały ze zbiorów polskich, głównie raporty i korespondencję władz terenowych z władzami centralnymi Królestwa. Wśród doniesień o poruszeniach na prowincji znajdują się również informacje o manifestacjach ludności oraz represjach władz w Łomży, Białymstoku, Sejnach, w szczególności o wydarzeniach w stolicy gub. augustowskiej — Suwałkach.

Zagadnienia rozwijającego się ruchu narodowego znalazły również szerokie odbicie w tomie zawierającym korespondencję namiestników Królestwa: M. Gorczakowa, M. Suchozaneta, i K. Lamberta z carem Aleksandrem II i kanclerzem A. Gorczakowem⁷. W przedmowie do tomu S. Kieniewicz podkreśla, że publikowane materiały, pochodzące

⁵ Ruch rewolucyjny w 1861 roku w Królestwie Polskim. Manifestacje na prowincji, S. Kieniewicz, I. Miller (red.), Wrocław 1963.

⁷ Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego z 1861 roku, S. Kieniewicz, I. Miller (red.), Wrocław 1964.

⁵ Chłopi i sprawa chłopska w powstaniu styczniowym.

z archiwów radzieckich, pozwalają przede wszystkim bliżej poznać reakcję władz carskich tak na pierwsze przejawy, jak też dalszy rozwój manifestacji w Warszawie i w całym kraju. Terenów północno-wschodnich dotyczą w nim jedynie nieliczne wzmianki, jak np. doniesienia o demonstracji w Suwałkach lub uwagi o konieczności zastosowania silnej ręki w guberniach płockiej i augustowskiej, na czele których stali słabsi, skłonni do ustępstw gubernatorzy. Tom jest pierwszym z trzech poświęconych publikacji korespondencji namiestników (dwa dalsze, w przygotowaniu, obejmować będą korespondencję aż do 1864 roku).

Nieco odmienny charakter ma cytowany już tom „Zbiór zeznań śledczych o powstaniu styczniowym”. Zawiera on zeznania wybitnych działaczy powstania (O. Awejdęgo, W. Daniłowskiego, Z. Janczewskiego, K. Majewskiego, W. Rudnickiego i in.) wybrane z papierów członka Tymczasowej Komisji Wojennej Śledczej w Warszawie, P. Cugałowskiego, przechowywanych obecnie w Państwowej Bibliotece Publicznej im. Sałtykowa-Szczedryna w Leningradzie. Wobec zniszczenia w czasie wojny akt Komisji Śledczej materiały te mają wartość szczególną.

Publikowane zeznania śledcze zgrupowano wokół różnych zagadnień. Znalazło się wśród tych zeznań nieco wzmianek dotyczących ziem północno-wschodnich (jak np. w informacji O. Awejdęgo o prasie powstańczej, krótkie dane o pismach ukazujących się na Litwie i Białorusi). Dwie pozycje w tomie dotyczą w całości tych ziem. W pierwszej, pt. „Organizacja rewolucyjna na Litwie”, O. Awejda omawia krótko i w tonie bardzo krytycznym rozwój i działalność organizacji białych i czerwonych na Litwie przed powstaniem, ich kontakty i pertraktacje z władzami spiskowymi w Warszawie. Znalazły się tu także wzmianki o przebiegu podobnych wydarzeń na Białostocczyźnie. Awejda

zastęczał się jednak, że o wielu sprawach nie miał dokładnych danych. Druga pozycja — „Zapiska o organizacji rewolucyjnej w województwie augustowskim”, sporządzona przez prowincjonalnego działacza powstańczego S. Wojczyńskiego — zawiera charakterystykę wyjątkowo trudnej sytuacji powstania w okręgu biebzańskim pow. augustowskiego. Ludność tej części powiatu niemal w całości odniosła się do powstania wrogo lub w najlepszym razie obojętnie. Autor „Zapiski” omawia, na tle specyficznych stosunków wewnętrznych, mało skuteczne wysiłki miejscowej organizacji, oceniając bardzo krytycznie przebieg wydarzeń 1863 roku na tym terenie⁵.

Niezwykle cenne są trzy tomy „Prasy tajnej”⁶. Dla badaczy powstania styczniowego korzystanie z niej było najczęściej nieodzowne, a zarazem w praktyce bardzo utrudnione. Prasa ta bowiem jest bardzo rozproszona, a niektórych jej numerów w ogóle w kraju brak. Jeżeli dodać do tego — co podkreślają wydawcy — że liczne egzemplarze pism znajdują się w stanie dużego zużycia, że niejedyn numer tego czy innego pisma odnaleziono dopiero w zbiorach zagranicznych, stanie się jasne, że zebranie prasy w jednym wydawnictwie stanowi ogromną usługę wydawców. Pierwszy tom opatrzony został obszerną przedmową S. Kieniewicza, omawiającą dzieje prasy powstańczej oraz dobór i zasady jej publikacji. Przedruk każdego pisma poprzedza krótki wstęp, zawierający dane o miejscu i czasie ukazywania się pisma oraz jego kierunku ideowym.

Wątpliwości budzi jedynie pominięcie w omawianym zbiorze dwóch efemerycznych pism: „Jedności” i „Odrodzenia”, które opublikowane zostały wcześniej w

⁵ Por. S. Chankowski, Okręg biebrzański w powstaniu styczniowym, „Przegląd Historyczny” 1971, nr 3, s. 437—444.

⁶ Prasa tajna z lat 1861—1864, S. Kieniewicz, I. Miller (red.), cz. 1, Wrocław 1966; cz. 2, Wrocław 1969; cz. 3, Wrocław 1970.

tomach „litewskich” i „ukraińskich” serii radzieckiej. Wydawcy zdecydowali się przecież na przedrukowanie w 1. tomie „Prasy tajnej” 6 numerów „Muzyckiej Prawdy” w tłumaczeniu polskim, opublikowanej uprzednio w serii radzieckiej w języku białoruskim. Należało więc, dla zachowania kompletności z trudem przecież zgromadzonego zbioru, uczynić niewielkie odstępstwo od przyjętej zasady niepublikowania dwukrotnie tych samych tekstów (zwłaszcza, że uczyniono już takie odstępstwo dla 1. numeru „Chorągwi Swobody”) i przedrukować również owe dwa wspomniane pisma, tym bardziej, że zamieszczono ich krótkie charakterystyki.

We wszystkich tomach znajdujemy m.in. parę tytułów pism ukazujących się na Litwie, Białorusi i w Białostockiem¹³. W 1. tomie znalazła się więc wydawana w języku białoruskim „Hutorka dwóch sąsiadów”, którą zapoczątkował w Białymstoku B. Szwarce, wspomniana już „Muzycka Prawda”, redagowana m.in. przez K. Kalinowskiego i W. Wróblewskiego, oraz „Chorągiew Swobody”, organ Prowincjonalnego Komitetu Litewskiego, a następnie Wydziału Zarządzającego Prowincjami Litwy. W tomie 2. opublikowano „Wiadomości o powstaniu na Litwie” — również organ tego Wydziału — zamieszczające głównie doniesienia o walkach zbrojnych. Bardziej wszechstronne informacje, dotyczące m.in. położenia i nastrojów ludności ziem północno-wschodnich, represji władz carskich itp., zawierają dość liczne korespondencje z terenu zamieszczane w pismach ukazujących się w Warszawie, przede wszystkim w „Niepodległości”. Tom 3. zawiera m.in. oprócz odnalezionego numeru 2. „Hutorki dwóch sąsiadów”, którego brakowało w tomie 1., dwa pisma ukazujące się na interesujących nas terenach, a pochodzące ze

schyłkowego okresu powstania. Pierwsze z nich to „Wiadomości o naszej wojnie z Moskalami”, miesięcznik ukazujący się w woj. agustowskim w dwóch mutacjach językowych: polskiej (redagowanej przez komisarza pełnomocnego tegoż województwa, Bronisława Radziszewskiego — pseudonim Ignacy Czyński) i litewskiej (pod redakcją Mikołaja Akielawicza — Akielajtis). Wydało się jedynie dwa numery, z których nie udało się odnaleźć żadnego egzemplarza. Wydawcy dysponowali tylko fotokopią litewskiej mutacji numeru 1. z 1 II 1864 roku, zamieszczonej w pracy A. Janułaajtisa¹⁴. Drugie pismo — „Głos z Litwy”, drukowany w języku polskim w Królewcu (choć formalnym miejscem wydania było Wilno) — było nieurzędowym organem Wydziału Wykonawczego na Litwie, redagowanym przez Piotra Drzewieckiego, byłego naczelnika Agentury Prus Wschodnich. Zachował się komplet złożony z 5 numerów z okresu I II — 1 IV 1864 roku.

Omawiany tom zaopatrzony jest w chronologiczny wykaz numerów wszystkich pism tajnych. Zawiera on też aneks, w którym zamieszczono 24 dokumenty władz centralnych powstania, odnalezione już po opublikowaniu tomu „Dokumenty Komitetu Centralnego Narodowego i Rządu Narodowego”. Wśród nich dwie pozycje dotyczą spraw finansowych powstania litewskiego.

Trzy tomy prasy tajnej, będąc nieodzownym źródłem do dziejów powstania styczniowego, stanowią pierwszorzędny materiał również do dziejów prasy polskiej i publicystyki tego okresu; zawierają także wiele okolicznościowych utworów literackich, zwłaszcza poezji powstańczej publikowanej na jej łamach.

Najważniejszym tomem omawianej serii są „Dokumenty Komitetu Centralnego Narodowego i Rządu Narodowego”¹⁵.

¹³ Obszerne ich omówienie znajduje się w artykule: D. Fajnhauz, Prasa powstania styczniowego na Litwie i Białorusi, „Rocznik Białostocki”, 1963, t. IV.

¹⁴ A. Janułajtis, Spausdinti iz nepausdinti 1863 sukliuno rasta, „Karo Archyvas” (Kaunas) 1925, t. I.

¹⁵ Dokumenty Komitetu Centralnego Naro-

Zebrano tu te wszystkie wydane przez Rząd Narodowy dokumenty, które udało się odnaleźć. Dość powiedzieć, że znajdują się one nie tylko w Polsce i Związku Radzieckim, ale także w Anglii, Francji, Czechosłowacji, Austrii, a nawet USA. Ze względu na to ogromne rozproszenie po świecie przygotowanie omawianego tomu trwało dłużej niż innych. Ma on też szczególne znaczenie dla badaczy, od dawna dotkliwie odczuwających brak zbioru aktów normatywnych Rządu Narodowego. W tomie obok korespondencji wychodzącej od Rządu Narodowego zamieszczono wszelkie odezwy, manifesty, dekryty, okólniki, instrukcje itp. Pominęto jedynie dokumenty Wydziału Spraw Zagranicznych zamieszczone w tomie „Polska działalność dyplomatyczna”, oraz dokumenty Wydziału Wojny, które ukażą się w odrębnym tomie serii. Tom podzielony został na 3 zasadnicze części. Pierwsza obejmuje dokumenty władz centralnych powstania (jako podział znalazły się tu także „Rozporządzenia Wydziału Policji” i „Rozporządzenia i Wiadomości Policji Narodowej” oraz rozkazy, odezwy i korespondencja naczelnika miasta Warszawy i naczelnika policji miasta Warszawy); druga część zawiera dokumenty władz naczelnych na Litwie i Białorusi, trzecia — dokumenty władz naczelnych na Rusi. W obrębie działów materiały ułożono w porządku chronologicznym. Tom poprzedza obszerny wstęp S. Kieniewicza, omawiający dzieje Komitetu Centralnego Narodowego i Rządu Narodowego w jego kolejnych wcieleniach i orientacjach.

W części obejmującej dokumenty władz centralnych powstania jedynie niektóre pozycje odnoszą się w całości lub w części do terenów północno-wschodnich. Tak więc znajdujemy tu pismo Rządu Narodowego do J. Piotrowskiego, komisarza woj. augustowskiego, w sprawie przygotowania

przez władze cywilne wszelkiego zaopatrzenia dla powstania oraz polecenia informowania o rozmieszczeniu sił rosyjskich. Do władz woj. augustowskiego adresowany jest też okólnik w sprawie wejścia w życie regulaminu administracyjnego, datowany po 28 III 1863 roku. Znajdujemy tu też dwie odezwy wzywające mieszkańców Litwy do powstania: jedną, wydaną jeszcze przez Komitet Centralny Narodowy 29 I 1863 roku (s. 43) oraz ogłoszoną przez Rząd Narodowy odezwą wydaną przez Wydział Zarządzający Prowincjami Litwy z 8 IV 1863 roku. W niektórych dokumentach znajdują odbicie doniesienia o represjach, jakim podlegała ludność tych terenów pod rządami Murawiewa. Interesujące i ważne jest też pochodzące z lutego 1864 roku pismo Traugutta do komisarza pełnomocnego Rządu Narodowego w woj. augustowskim, I. Czynskiego, zawierające wskazówki postępowania oraz zachętę do kontynuowania walki. Do ziem północno-wschodnich w tej części tomu odnosi się jeszcze parę rozporządzeń mniejszej wagi. Dotyczą ich natomiast w całości dokumenty władz naczelnych powstania na Litwie i Białorusi. Wiązą się one w dużym stopniu z dwoma tomami radzieckimi poświęconymi ruchowi lat 1861—1862 i powstaniu na Litwie i Białorusi¹⁹, w których m.in. ogłoszono 17 dokumentów władz naczelnych powstania na tych ziemiach; w omawianym tomie zamieszczono je więc tylko w postaci regestów. Niemniej opublikowane tutaj dokumenty pozwalają prześledzić główne wydarzenia powstania na Litwie i Białorusi. Wraz ze

¹⁹ *Револуцыйны пад'ём у Літве і Беларусі ў 1861—1862 гг.*, kolegium redakcyjne: W. A. Dżakow, S. Kieniewicz, S. Łazutka, I. Miller, E. Rozauskas, K. Szabunia, W. Zygałow, J. Ziugzda, Moskwa 1964; *Восстание в Литве и Беларуси в 1862—1864 гг.*, kolegium redakcyjne: W. A. Dżakow, S. Kieniewicz, I. Miller, W. Nieupokojew, E. Rozauskas, K. Szabunia, W. Zygałow, J. Ziugzda, Moskwa 1965.

dowego i Rządu Narodowego 1861—1864, E. Halicz, S. Kieniewicz, I. Miller (red.), Wrocław 1968.

wspomnianymi tomami serii radzieckiej stanowią one podstawowy materiał źródłowy do dziejów powstania styczniowego na tych ziemiach.

Jednym z ostatnich tomów wydanych dotychczas w Polsce jest „Zabór Pruski w powstaniu styczniowym”¹⁴. Zrealizowany on został głównie przez historyków poznańskich przy udziale historyka z NRD, F. H. Gentzena. Tom opatrzony został obszerną przedmową pióra Z. Grota i F. Paprockiego, w której omówiono tytułowe zagadnienie. W tomie wykorzystano zbiory archiwów krajowych, głównie poznańskich i bydgoskich, zbiory rękopiśmienne Biblioteki Kórnickiej PAN, a także archiwaia niemieckie z Merseburga i Dreżna oraz archiwaia ze Związku Radzieckiego. Tom zawiera głównie korespondencję władz pruskich różnego szczebla, a także sporo materiałów powstańczych (listy, odezwy, instrukcje, zarządzenia, raporty, korespondencję). W publikowanych źródłach znajduje się m.in. sporo wzmianek dotyczących starń władz powstańczych zaboru pruskiego o zaopatrzenie w broń i amunicję m.in. terenów woj. augustowskiego, Litwy i Żmudzi.

Jako pierwszy z serii radzieckiej i pierwszy w ogóle tom omawianego wydawnictwa ukazały się zeznania śledcze i zapiski Oskara Awejde¹⁵. Poprzedza je obszerny wstęp I. S. Millera, w którym autor charakteryzuje osobę Awejdego oraz jego „Zapiski”. Pierwsza część tomu zawiera materiały śledztwa Awejdego oraz jego memoriał o systemie rządów w Królestwie Polskim. Dalszą część — to przedruk „Zapisek”, które opublikowane w 1866 roku w bardzo niewielkiej liczbie egzemplarzy, są dziś zupełną rzadkością bibliograficzną. Ze względu na osobę autora, który przez wiele miesięcy należał do kierowniczych kół spisku, a następnie Rządu Narodo-

wego, jego obszerny memoriał jest bardzo ważnym źródłem do poznania dziejów powstania styczniowego.

Dalsze dwa tomy obrazują współpracę polskich i rosyjskich rewolucjonistów¹⁶. Poprzedza je również obszerny wstęp I. S. Millera, który w sposób syntetyczny omawia tytułowe zagadnienie w przekroju historycznym na przestrzeni XIX wieku. Tomy dzielą się na rozdziały poświęcone zagadnieniom szczegółowym. Każdy rozdział poprzedzony jest krótkim wstępem wydawcy odnośnej grupy dokumentów. W tomie jest dwujęzyczny chronologiczny spis dokumentów. Wspólny dla obu tomów indeks osobowy znajduje się w tomie 2.

Zebraane materiały to korespondencja i raporty urzędowe, enuncjacje polskich i rosyjskich spiskowców i organizacji rewolucyjnych, wyjątki z prasy emigracyjnej, odezwy, druki ulotne, raporty dowódców rosyjskich o zbiegostwie w szeregi powstańcze, zeznania śledcze itp. O ziemiach północno-wschodnich znaleźć tu można sporo rozproszonych wzmianek. Najistotniejsze, stanowiące pewną całość ujęcia, to zeznania śledcze O. Awejdego i J. Ohryzki w wileńskiej Komisji śledczej, dotyczące głównie spraw organizacyjnych, oraz zeznanie zbiegłego do powstania oficera rosyjskiego, Kijańskiego, który walczył w Augustowskiem.

Ruchowi społeczno-politycznemu na Ukrainie w latach 1856—1864¹⁷ poświęcony jest dwutomowy zbiór dokumentów. Charakterystykę tego ruchu zawarto

¹⁶ Russko-polskije riwolucyionnye swiazi, kolegium redakcyjne: W. A. Bjakow, S. Kieniewicz, I. Miller, T. Snytko, t. 1—2, Moskwa 1963.

¹⁷ Obszczestwiennno-politczeskoje dwizenije na Ukrainie w 1856—1862 gg., kolegium redakcyjne: E. Halicz, W. Koroluk, G. I. Marachow, S. Filkiewicz, F. Szewczenko, Kijów 1963; Obszczestwiennno-politczeskoje dwizenije na Ukrainie w 1863—1864 gg., kolegium redakcyjne: E. Halicz, W. Koroluk, M. Leszczenko, G. Marachow, S. Filkiewicz, Kijów 1964.

¹⁴ Zabór Pruski w powstaniu styczniowym, S. Kieniewicz, I. Miller (red.), Wrocław 1968.

¹⁵ Pokazanija i zapiski...

w obszernych wstępach W. Koroluka i G. Marachowa w t. 1., G. Marachowa w t. 2. Oba tomy zawierają — według autorów wstępu — jedynie część znajdujących się w archiwach licznych materiałów, dotyczących omawianych zagadnień. Przy doborze źródeł wydawcy starali się poświęcić więcej miejsca tym kwestiom, które dotychczas słabiej uwzględniono w historiografii, a więc przede wszystkim działalności rewolucyjno-demokratycznych organizacji spiskowych polskich, rosyjskich i ukraińskich oraz ich wzajemnej współpracy. W tomie 2. zamieszczono niektóre dokumenty dotyczące wystąpień chłopów w latach 1863—1864 i stosunku ich do powstania oraz polityki agrarnej caratu w tym okresie. Obok dokumentów zaczerpniętych z archiwów radzieckich opublikowano również kilka dokumentów ze zbiorów polskich. Zebrane materiały to głównie korespondencja, zarządzenia raporty władz, enuncjacje spiskowe polskie i rosyjskie oraz miejscowych władz powstańczych, doniesienia o walkach, zeznania śledcze itp. Zamieszczono tu także jeden numer polskiej gazety tajnej, „Odrodzenie”, którą jednak raczej należało włączyć do jednego z tomów „Prasy Tajnej”.

Kolejny, obszerny, bo liczący ponad 700 stron, tom poświęcono ruchowi rewolucyjnemu na Litwie i Białorusi w latach 1861—1862¹⁸. Wydawcy, omawiając w przedmowie ówczesne wydarzenia, podkreślają, że prezentowany tom zawiera materiały dotyczące przede wszystkim szczytowego okresu sytuacji rewolucyjnej na Litwie i Białorusi. W istocie, jakkolwiek znajdują się w nim dokumenty wykraczające poza ramy chronologiczne określone w tytule, to jednak (oprócz jednego dokumentu z 1859 roku i kilku z 1860) gros materiału dotyczy lat 1861—1862.

Tom zawiera rozdział ogólny dotyczący całej Litwy i Białorusi oraz 6 roz-

działów poświęconych poszczególnym guberniom wchodzącym w skład general-gubernatorstwa wileńskiego. Znaczną większość stanowią dokumenty władz carskich, jak korespondencja urzędowa, okólniki, raporty polityczne itp. Doskonałe odbicie znajduje w nich przyspieszony rytm życia politycznego i społecznego omawianych ziem w przededniu powstania styczniowego. Spotykamy tu więc doniesienia o przypadkach niepokojów wśród chłopów, manifestacjach patriotycznych i antyrządowych, o przejawach solidarności miejscowego społeczeństwa z poczynaniami kół spiskowych w Warszawie, a także echa wydarzeń warszawskich. Sporo jest doniesień o wykryciu nielegalnych druków, zarówno napływających z zagranicy, jak i miejscowych, oraz przemycaniu do Rosji broni. Niemało miejsca poświęcono charakterystyce nastrojów wśród ludności, agitacji rewolucyjnej i fermentowi wśród studentów. W tomie opublikowano również kilka zeznań śledczych z lat 1863 i 1864, a nawet późniejszych, składanych przez działaczy powstańczych z tych terenów (Sylwestrowicza, Koziełł-Poklewskiego i innych), a także dotyczące tych ziem zeznanie Oskara Awejde. Jakkolwiek zeznania te omawiają wydarzenia powstania styczniowego, to jednak początkowe ich partie dotyczą okresu objętego zakresem omawianego tomu, stanowią więc istotne, choć wymagające szczególnie ostrożnego podejścia, uzupełnienie materiału zawartego w dekretach władz carskich. Zamieszczenie ich w omawianym tomie było w pełni usprawiedliwione. Nie wydaje się natomiast uzasadnione opublikowanie w nim niektórych nielegalnych gazet („Jedność”, „Chorągiew Swobody”, „Prasa Prawda”), zwłaszcza że dwa ostatnie tytuły weszły później do zbioru „Prasa Tajna”. Pominiecie ich przyczyniłoby się do nadania tomowi bardziej jednolitego charakteru.

Kontynuacją chronologiczną omówionego tomu jest tom poświęcony powsta-

¹⁸ Rewolucyjny podjom w Litwie i Białorusi...

niu na Litwie i Białorusi¹⁸. W przedmowie J. Żiugżda i W. Nieupokojew poruszają zasadnicze zagadnienia przebiegu powstania na terenach sześciu północno-zachodnich guberni Rosji. Podobnie jak poprzedni, tom dzieli się na rozdziały dotyczące poszczególnych guberni, przy czym dodano tu jeszcze rozdział poświęcony gub. augustowskiej Królestwa Polskiego, do której wydawcy zebrali sporą grupę dokumentów, m.in. z tzw. papierów K. Ruprecht'a, przechowywanych w Bibliotece Uniwersytetu w Wilnie. Na początku zamieszczono rozdział ogólny. Materiały, zebrane z archiwów i bibliotek Moskwy, Leningu, Wilna, Mińska i Grodna, pochodzą zarówno z kancelarii władz carskich różnego szczebla (korespondencja urzędowa i raporty wojskowe, zeznania śledcze itp.), jak i z obozu powstańczego, skąd przechwycone zostały przez władze (odezwy, instrukcje, rozkazy, korespondencja).

Wydaje się, iż opublikowane w omawianych tu tomach „litewsko-białoruskich” dokumenty, które charakterem wiązały się z tomem „Dokumenty Komitetu Centralnego Narodowego i Rządu Narodowego” (a więc enuncjacje władz naczelnych powstania na Litwie), należało włączyć do tomu dokumentów Rządu Narodowego. Pozwoliłoby to zebrać w jednym zbiorze zachowaną i dostępną dokumentację władz naczelnych powstania na całym obszarze, na którym się ono rozgrywało.

Oba omówione tomy stanowią bardzo ważny materiał źródłowy do dziejów lat 1861—1864 na Litwie i Białorusi.

W chwili złożenia do druku niniejszego omówienia wydawnictwo źródeł do dziejów powstania styczniowego obejmuje 16 tomów: 6 dalszych znajduje się w różnych stadiach opracowania. Tak więc ukazać się mają jeszcze dalsze dwie

części „Korespondencji namiestników”, tom dokumentów wojskowych Rządu Narodowego (który zawierać będzie w aneksie dalszą odnalezioną grupę dokumentów Rządu Narodowego, dotyczących spraw cywilnych), „Akta Zjednoczenia Emigracji Polskiej z lat 1866—1870”, „Zarys dziejów powstania 1863 r.” pióra Z. Janczewskiego, a wreszcie „Galicja w powstaniu styczniowym”.

Jak stwierdza S. Kieniewicz¹⁹, mimo tak dużej liczby wydanych już i zaplanowanych tomów, wiele jeszcze materiału pozostanie w archiwach i bibliotekach, nie mieszcząc się w publikowanej serii i pozostawiając otwarte pole przyszłym wydawcom.

Mimo to wartość i znaczenie zbioru, który otrzymujemy, jest ogromna. Uważa on bowiem — jak już wielokrotnie na tym miejscu podkreślano — korzystanie z rozproszonego, trudno dostępnego, a przecież kapitalnego materiału dla badaczy roku 1863.

Stanisław Chankowski

Naučnyje sviazi Pribaltiki v XVIII—XX vekach. Materialy VII Pribaltijskoj konferenciji po istorii nauki, Riga 1963, Izd. „Zinatne”, s. 265 + ilustr.

Książka ta wyszła pod egidą trzech instytucji łotewskich: Radzieckiego Narodowościowego Stowarzyszenia Historyków Nauk Przyrodniczych i Techniki, Akademii Nauk Łotewskiej SRR i Muzeum Historii Medycyny im. P. Stradyna. Zawiera streszczenia lub tezy referatów wygłoszonych na VII Konferencji Historyków Nauki Republik Bałtyckich, odbytej w Rydze w 1968 roku. W sumie streszczeń tych jest 97: z zakresu zagadnień ogólnych 13, historii nauk matematyczno-fizycznych i technicznych 22, chemicznych 19, geologicznych i geograficznych 10, biologicznych i medycznych 33.

¹⁸ S. Kieniewicz, Powstanie styczniowe. Materiały i dokumenty, s. 165.

¹⁹ Wosstanie w Litwie i Białorusi...

Osiemnaście referatów wygłoszonych na konferencji wydrukowano w całości w wydawnictwie Akademii Nauk Łotewskiej SRR „Iz istorii jestiestvoznaniija i techniki Pribaltiki” (t. 1); w obecnie referowanym zbiorze referaty te zasignalizowane są tylko kilku- czy kilkunastowierszowymi informacjami.

Głównym celem VII Konferencji Historyków Nauki Republik Bałtyckich było ukazanie kontaktów Estonii, Łotwy i Litwy z naukowymi centrami Rosji, Polski, Niemiec i krajów skandynawskich w zakresie nauk przyrodniczych, techniki i medycyny oraz roli krajów bałtyckich jako pośredników w kulturalnych i naukowych kontaktach rosyjsko-polskich, rosyjsko-niemieckich, rosyjsko-szwedzkich i w ogóle Rosji z Europą zachodnią od XVIII wieku. Szereg referatów zajmuje się jednak sprawami już ściślej lokalnymi. Kilka z nich sięga czasów dawniejszych, mianowicie XVII, a nawet XVI wieku.

O Polsce i Polakach mowa jest w wielu referatach, a nadto kilka prac poświęconych jest specjalnie nauce polskiej. Wśród nich jest referat B. Chmielewskiego o kontaktach Petersburskiej Akademii Nauk z Uniwersytetem Wileńskim i P. V. Slavenasa o rozwoju nauk matematycznych na tej uczelni w okresie od XVI do XIX wieku oraz pięć referatów poświęconych poszczególnym uczonym: referat J. Ch. Kopelewiča i V. L. Čenakala o Janie Śniadeckim, J. P. Stradyna o Janie Borchu (1751—1818), jego wszechstronnych zainteresowaniach przyrodniczych, następnie referat K. Maśiankiewicza o pracach Borcha w zakresie geologii i mineralogii, N. A. Oborina o XV-wiecznym lekarzu-humaniście Piotrze Umiaostowskim, autorze „Nauki o morowym powietrzu” (Kraków 1591), i S. G. Magilnickiego o oftalmologu Kazimierzu Noiszewskim (1859—1931), ostatnio profesorze Uniwersytetu Warszawskiego, który szereg lat pracował w Dyneburgu.

Zygmunt Brocki

JĘZYKOZNAWSTWO

„Slavia Orientalis” R. 17, 1968, nr 3, s. 289—478.

Recenzowany zeszyt poświęcony jest prof. dr Antoninie Obrębskiej-Jabłońskiej w 40-lecie jej pracy naukowej. Krótki rys działalności naukowej jubilatki napisał prof. W. Kuraszkiewicz. W 1950 roku uczona zorganizowała studium rusycystyki na Uniwersytecie Warszawskim, zaś w latach 1953—1956 zajęła się organizacją studiów i badań w Pracowni Filologii Białoruskiej Polskiej Akademii Nauk i w Katedrze Filologii Białoruskiej Uniwersytetu Warszawskiego. Kierując pracami dialektologicznymi na terenie gwar białoruskich Białostoczczyzny¹, nawiązała ścisłą współpracę z Pracownią Atlasu Białoruskiego w Mińsku, organizowała też zbieranie nazw miejscowych polskich i białoruskich z tego terenu. Pierwsza jej publikacja ukazała się w 1925 roku; od 1951 roku wśród jej publikacji naukowych najwięcej prac jest z zakresu języków wschodniosłowiańskich. Zebrana w omawianym zeszycie bibliografia prac prof. Obrębskiej-Jabłońskiej do 1968 roku włącznie zawiera 95 pozycji.

Wyrazem osobistego hołdu i wdzięczności dla jubilatki są studia i rozprawy zamieszczone w wymienionym zeszycie kwartalnika „Slavia Orientalis”. Jest tutaj 38 prac napisanych przez 40 autorów, Polaków (z czterech ośrodków naukowych) i obcokrajowców. Językoznawcy białoruscy nadesłali pięć prac, ukraińscy trzy, po dwie prace pochodzą ze Stanów Zjednoczonych, z Jugosławii i od lingwistów rosyjskich, jedna praca nadesłana została z Sofii i jedna z Ołomuńca. Prace te dotyczą języka polskiego, każdego z trzech języków wschodniosłowiańskich

¹ W związku z tym por. jego referat Dialektologiczna problematyka badań slawistycznych na Białostoczczyźnie, „Acta Baltico-Slavica” 1964, t. I, s. 197—205.

oraz języka bułgarskiego, serbskochorwackiego i słoweńskiego; jedna praca jest ogólnosiawistyczna i jedna ogólnojęzykoznawcza. Szereg z nich zajmuje się stosunkami językowymi na pograniczu polsko-białoruskim.

S. Urbańczyk w artykule o początkach dialektu polskiego na Wileńszczyźnie postuluje podjęcie badań nad polonizmami w tekstach ruskich Wielkiego Księstwa Litewskiego, co by pomogło do nakleśnienia dokładniejszego obrazu początków dialektu polskiego na ziemiach Księstwa (w artykule autor daje tylko zarys tego obrazu), a może dorzuciłoby niejedną szczegół do historii języka polskiego w ogóle, zwłaszcza jego słownictwa. Badania te potrzebne są również do lepszego poznania dziejów języka białoruskiego.

Badacz polskich terminów dotyczących stopni pokrewieństwa i powinowactwa, M. Szymczak, w omawianym zeszycie zajmuje się wpływami wschodniosłowiańskimi na to słownictwo w gwarach ludności polskiej mieszkającej kiedyś na tzw. Kresach Wschodnich, a po 1945 roku w większości przesiedlonej na Ziemię Zachodnie. W. Wiareńcz z Mińska pisze o akcentuacji w gwarach polskich na Polesiu. Szkic systemów fonologicznych ruskich gwar Białostocki wschodniej dała E. Smułkowa. O rzeczownikach zdrobniałych w gwarze starowierców na Mazurach pisze I. Grek-Pabisowa i I. Maryniak. Lingwistki mińskie, A. Araszonkawa i J. Mackiewicz, piszą o pewnych rysach gwar białoruskich na styku z gwarami polskimi i litewskimi, a N. Wałtowicz, również z Mińska, pisze o akaniu w gwarach białoruskich.

Dwie prace zajmują się pewnymi faktami językowymi w tekstach: F. Jan-koński pisze o frazeologizmach w 4. tomie „Ludu białoruskiego” Michała Federowskiego², a A. Żurański dał

kilka uwag o pewnych osobliwościach języka „Dziennika” Teodora Jewłaszewskiego, podśądka nowogrodzkiego, z 1603-1604 roku³.

Osobną grupę tworzą prace onomastyczne. Tak więc M. Kondratiuk rozpatruje w nazewnictwie miejscowym Białostocki wschodniej kilka miejscowości mających po dwie różne nazwy, z których jedna jest nazwą gwarową używaną przez okoliczną ludność, druga zaś jest nazwą urzędową. M. Lesiów pisze o nazwach terenowych typu *Zarudecze*, notowanych tylko w pasie wschodnim województwa lubelskiego, na terenie oddziaływania gwar ukraińskich (autor przypuszcza, że nazwy tego typu są też we wschodnim pasie województwa białostockiego i rzeszowskiego, lecz materiał z tych obszarów nie jest mu znany). W. Kuraszkiewicz pisze o nazwie rzeki *Prypeć* (brus. *Prupiac*, ros. *Pripat'*). Antroponimie reprezentuje artykuł P. Smoczyńskiego o nazwach *Czuryło*, *Kuryło*, *Kiryło*.

Wreszcie wymienimy artykuł P. Zwołińskiego o najstarszym świeckim druku białoruskim. Idzie tutaj o legendę w języku białoruskim na mapie państwa moskiewskiego sporządzonej przez gdańszczanina Antoniego Wieda w Wilnie między 1537 a 1552 rokiem, a opublikowanej przez niego w Antwerpii w 1542 roku⁴.

Zygmunt Brocki

„Prace Filologiczne” 1963—1970,
t. XVIII—XX

Tom XVIII „Prac Filologicznych”,
rocznika założonego w 1884 roku przez

wojnie z inicjatywy i pod redakcją prof. A. Obrębskiej-Jabłońskiej wydano następujące tomy.

² Dziennik ten wydano drukiem w Warszawie w 1860 roku.

⁴ Zob. również tego autora artykuł: Pierwsza drukowana transkrypcja ruskiej cyrylicy na łacinę, „Slavia Orientalis” R. 16. 1967, s. 449—453.

² Pierwsze trzy tomy ukazały się w Krakowie w 1897, 1902 i 1903 roku. Tom 4. wydany został w Warszawie w 1935 roku. Po

A. A. Kryńskiego, został przygotowany w 1939 roku, jednak w czasie działań wojennych materiały uległy zniszczeniu; ocalały tylko odbitki dwóch artykułów prof. J. Safarewicza. Po raz drugi tom ten przygotowano przed kilku laty, wiążąc jego wydanie z jubileuszem 30-lecia pracy profesorskiej prof. W. Doroszewskiego. Ze względu na obfitość materiałów, nadesłanych przez uczonych polskich i zagranicznych jako wyraz hołdu dla jubilata, tom ten podzielono na cztery części: część 1. wyszła w 1963 roku, części 2. i 3. ukazały się w 1964, część 4. — w 1965 roku. Tom XIX wydany został w 1969, a tom XX w 1970 roku i poświęcony jest pamięci prof. Haliny Konecznej (1899—1961).

Jedną z prac prof. Safarewicza, które w odbitce ocalały z wojny i zamieszczone zostały w tomie XVIII „Prac Filologicznych” (w cz. 1. tego tomu), jest krótka informacja w języku francuskim (napisana w 1938 roku) o tym, że wierszowana przedmowa Martinasa Mažvydasa do jego katechizmu wydanego w 1547 roku (stanowiącego pierwszy druk w języku litewskim) jest akrostychem zawierającym imię i nazwisko autora, w postaci *Martinus Masuidius*. Jest to przy tym unikatowy wypadek użycia zlatynizowanego nazwiska Mažvydasa z *a* w sylabie nagłosowej; nazwisko to występuje zwykle w formie *Moswidius*, *Mossuidius*, *Mosuid*, *Mossuid*.

W części 4. tomu XVIII znajduje się m.in. artykuł prof. J. Otrębskiego, „Uwagi o polszczyźnie litewskiej”. Autor na wstępie podkreśla, że polszczyzna litewska interesować powinna z jednej strony filologię polską, z drugiej zaś litewską i białoruską, a także w pewnej mierze językoznawstwo ogólne. Polszczyznę tę już badano (przed wszystkim K. Nitsch, H. Szweykowska, J. Trypućko, H. Turcka), „ale to wszystko, co dotąd zrobiono, stanowi dopiero początek” — pisze autor (s. 299). Polszczyzna ta jest zjawiskiem skomplikowanym, w każdym razie nie

stanowi tylko jednego z dialektów polskich: jest to „staropolski język literacki, przesadzony na grunt rusko-litewski czy litewsko-ruski” (s. 301). Potrzebna jest gramatyka opisowa tej polszczyzny, niezbędny jest też zarys jej gramatyki historycznej, oparty na danych historii języka białoruskiego i litewszczyzny, pierwszy z tych języków potrzebny jest do zrozumienia fonetyki i fleksji polszczyzny litewskiej, język litewski zaś rzuci światło — jak pisze dalej prof. Otrębski — na składnię, frazeologię i słownictwo, zresztą nie tylko języka polskiego, ale także białoruskiego.

Drugi artykuł prof. Otrębskiego, „Badania etymologiczne nad słownictwem słowiańskim”, zamieszczony jest w tomie XIX. Autor pisze tutaj, że w badaniach nad poszczególnymi wyrazami należy używać metody porównawczo-histerycznej. Jeśli idzie o wyrazy polskie, to porównywać je należy najpierw z wyrazami innosłowiańskimi, a „wychodząc poza obszar słowiański, sięgniemy nade wszystko do genetycznie najbliższych nam języków bałtyckich, w drugiej dopiero kolej do pozostałych języków indoeuropejskich” (s. 199). Tu autor zwraca uwagę, że potrzeby tej, sformułowanej po raz pierwszy przez A. Brücknera, nie rozumiał jeszcze m.in. E. Berneker, który w swym słowniku etymologicznym języków słowiańskich wyrazy słowiańskie często zestawia najpierw z sanskryckimi itd., a dopiero na ostatku z bałtyckimi. W końcowych partiach artykułu J. Otrębski zatrzymuje się nad sprawą kałk z języka litewskiego w języku polskim i wyrazów przejętych przez polszczyznę wprost z litewskiego (z reguły dotyczą one kultury materialnej wsi).

● pożyczkach słowiańskich w „Biblii” litewskiej Chylińskiego pisze C. Kuzdźinowski, w cz. 2. tomu XVIII; praca ta jest — według autora — „pierwszym przyczynkiem do rozszerzenia naszych wiadomości o wpływach słowiańskich na język litewski” (s. 37). W zba-

danym przez autora materiale jest ogółem 52 284 wyrazów, w tym 4659 wyrazów to pożyczki (7,49%). Oprócz zapożyczeń są tu liczne kalki, przeważnie z języka polskiego (np. *geravalnas* ≤ ≤ *dobrowolny*, *pervertnas* ≤ ≤ *przewrotny* itd.).

W cz. 2. tomu XVIII T. Buch w artykule „Uwagi o zaniku samogłosek nosowych w języku litewskim” śledzi zanik nosówek w litewszczyźnie wschodniopruskiej XVII—XVIII wieku.

W tymże tomie (cz. 2) znajduje się artykuł M. Biryły z Mińska, przedstawiający skutki przejścia w języku białoruskim *e* (< *e*, *o*) w *o* i zjawiska z tym związane.

W omawianych tomach „Prac Filologicznych” cztery artykuły zajmują się dialektami polskimi na interesującym nas tu terenie. W tomie XIX i XX zamieszczone są dwa artykuły A. A. Zdaniukiewicza o pewnych faktach w gwarze trzech wsi byłego powiatu wileńsko-trockiego: Hołowacze, Bogusze i Łopatowszczyzna, położonych na pograniczu północno-wschodnich i południowo-zachodnich narzeczy języka białoruskiego. Przodkom mieszkańców tych wsi znany był także język litewski. A więc gwara owych wsi rozwijała się w pewnym związku z białoruskimi gwarami północno-wschodnimi i południowo-zachodnimi, oraz z językiem litewskim i rosyjskim. Pierwszy artykuł Zdaniukiewicza (w t. XIX) omawia formy czasownikowe w gwarze Łopatowszczyzny, drugi (w t. XX) — wpływ akcentu na zmiany jakościowe samogłosek w gwarze wymienionych trzech wsi.

Dwie prace A. Basary dotyczą języka wsi Sławęcín w powiecie choszczeńskim województwa szczecińskiego, w której prawie 70% mieszkańców stanowią przesiedleńcy z Wileńszczyzny. Pozostała ludność wsi pochodzi z Białostockiego, Bieszczad, Kielecczyny i Kujaw. W pierwszym artykule, w t. XIX, A. Basara omawia terminologię z za-

kresu stopni pokrewieństwa¹ (m.in. omówiona jest tu grupa desygnatów określanych nazwami polskimi, ukraińskimi lub białoruskimi), a w artykule drugim, w t. XX, omawia nazwy nowe w mieszanym środowisku gwarowym tej wsi. W odniesieniu do nazw zapisanych u repatriantów ze wschodu autorka wyzyskała porównawczo kartotekę leksykalną Działu Językoznawstwa Ogólnego i Słowiańskiego Instytutu Językoznawstwa im. J. Kołasa w Mińsku.

Z prac ogólnojęzykoznawczych tomu XX wymienimy artykuł V. Kiparsky'ego „Czy istnieje substrat ugrofiński w językach słowiańskich?” Według autora, jedynym językiem słowiańskim, w którym teoretycznie istnieje możliwość substratu któregoś z języków ugrofińskich, jest język rosyjski i może niektóre bardziej na północ wysunięte gwary białoruskie. Autor daje krytyczny przegląd wszystkich tych cech językowych, które próbowano tłumaczyć wpływem substratu ugrofińskiego: pełnogłos rosyjski, cokanie, akanie, pewne zjawiska syntaktyczne, m.in. np. brak w języku rosyjskim czasownika znaczącego 'mieć, habere' itd. Wyciąga z tego taki wniosek: „Za zjawiska, które na pewno powstały pod wpływem substratu ugrofińskiego, należy uważać brak czasownika *habere* w języku ogólnorosyjskim oraz północnorosyjskie cokanie. Dość pewne jest ugrofińskie pochodzenie akania, zjawiska występującego w ogólnym języku rosyjskim i dialektach środkowo- i południoworosyjskich, a także w języku białoruskim. To jest substrat mordwiński. [...] W zakresie słownictwa substrat ugrofiński ledwie jest zauważalny, w morfologii zaś nie istnieje zupełnie” (s. 35).

Czasownik o znaczeniu 'habere' w ję-

¹ Z zagadnień integracji językowej na Ziemiach Zachodnich. Tom XIX, oprócz pracy A. Basary omawiającej tę terminologię we wsi Sławęcín, zawiera też pracę H. Zdunskiej, przedstawiającą ten sam dział słownictwa w gwarze pewnej wsi śląskiej, gdzie prawie połowę mieszkańców stanowią przesiedleńcy z okolic Lwowa.

zyku rosyjskim zastępuje konstrukcja typu *u tiebia dom*. Odpowiednik tej konstrukcji znajduje się tylko w języku łotewskim: *tav ir nams* (natomiast np. po polsku będzie to: *masz dom*, po białorusku: *majesz dom*), podczas gdy w litewszczyźnie jest całkowicie nieznaną (lit. *tu turi [nuósavus] namùs*). Z faktu tego także P. Ravila wyciągał wniosek, że wzoru tej konstrukcji należy szukać w przybaltyckich językach fińskich, w których jest ona odziedziczona z praugrofińskiego².

Zygmunt Brocki

A. P. Nepokupnyj, *Degidronimišeske nazvanija posel'enij v baltijskich i slavjanskich jazykach* (balt. *pa-/slav. po-*), w: Artura Ozola diena. Vārddarināšanas problēmas mūsdienā valodniecībā. Zinātniskas konferences materiāli, Rīgā 1969, s. 38—43.

W opublikowanej w tomie VII (1970) „Acta Baltico-Slavica” recenzji pracy J. Nalepy „Połeksianie (Pollexiani) — plemię jaćwieskie u północno-wschodnich granic Polski” za tym autorem podałem (s. 285, przyp. 4), że w pruskich nazwach terytoriów plemiennych występuje prefiks (w cyt. przypisie mylnie: sufiks) *pa-*, któremu odpowiada słowiańskie *po-*, np. **Pamedian* (≅ *Pomezania*). Już po przesłaniu tej recenzji do druku ukazał się wymieniony wyżej zeszyt z materiałami na zorganizowaną w marcu 1969 roku w Rydze konferencję poświęconą zagadnieniom słowotwórstwa w językoznawstwie współczesnym, zeszyt zawierający m.in. pracę A. P. Nepokupnego, zajmującą się tymże przedrostkiem balt. *pa-/słow. po-* w nazwach geograficznych utworzonych od nazw wodnych.

W referacie tym A. P. Nepokup-

nyj wskazuje najpierw, że w toponomastyce pruskiej nazwy miejscowe z prefiksem *pa-* są dobrze znane, zwłaszcza w zachodniej części terytorium pruskiego, np. *Panargen* (zapis z 1337 roku) — od nazwy rzeki *Narge*, *Panauperin* (1325 rok — od nazwy rzeki *Naupen* itd., w okolicy Morąga i Lubawy).

W litewskich nazwach miejscowych, pochodzących od nazw rzek i jezior, wśród tworów prefiksalnych (jest ich 192) najwięcej ma właśnie przedrostek *pa-* (162 nazwy). Toponimy takie znajdują się na całym terytorium Litwy, z wyjątkiem tylko północno-zachodniej części Żmudzi.

Natomiast na Łotwie odwodne nazwy miejscowe z przedrostkiem *pa-* są nieliczne: *Pasusēja* (: *Susēja*), *Pamuša* (: *Mūša*) i jeszcze kilka.

O lit. *pa-* pisał przed kilku laty językoznawca czeski V. Machek, w pracy „Lituanien *pa-* et *pō*”. opublikowanej w tomie XVI (1966) „Kalbotyra”. Wskazywał on tam m.in. takie nazwy jak lit. *Panemunė* (: *Nemunėtis*) — dorzecze Niemna, czes. *Polabí* (: *Labe*) — dorzecze Łaby. A. P. Nepokupnyj pisze, że ten typ nie ogranicza się tylko do oznaczania dorzeczy, obszarów wokół rzek: *Panemunė* jest nazwą nie tylko dorzecza Niemna, ale także szeregu obiektów geograficznych położonych nad brzegami tej rzeki.

Tak samo jest na obszarach słowiańskich: prefiks *po-* tworzy nazwy miejscowe od nazw tych rzek czy jezior, nad którymi leżą dane osady. Na przykład na obszarze języka serbskochorwackiego znane są nazwy miejscowe: *Pokuplje* (druga połowa XVI wieku), *Polonje* (dwie wsie w okręgu Zagrzebia) — od *Kupa*, *Lonja*. Także *Podravlje* jest nie tylko nazwą dorzecza Drawy, *Podunavlje* — dorzecza Dunaju: są one również nazwami osiedli. Tak samo w Polsce: *Powiśle* to nie tylko nazwa obszarów (położonych nad Wisłą, w Warszawie i w woj. gdańskim), ale i folwarku, w powiecie garwolińskim.

² Zob. P. Ravila, *Sentence, Structure*, w: B. Collinder, *An Introduction to the Uralic Languages*, Berkeley—Los Angeles 1965, s. 61—64, co cytuję V. Kiparsky.

Następnie autor referowanej pracy zajmuje się identycznymi słowotwórczo toponimami białoruskimi, np. *По́лі́жа* (: rzeka *Żiżma*), *Посна́дэ* (: jez. *Snudy*), też *Падрэ́йсе* (: jez. *Rejse*), *Падму́жэ* (: jez. *Mujsa*) itd., gdzie bałtyckiemu odpowiada prefiks *pod-*.

Zygmunt Brocki

A. Vanagas, *Lietuvos TSR hidronimų daryba*, Leidykla „Mintis”. Vilnius 1970, ss. 428. Lietuvos TSR Mokslų Akademija. Lietuvių Kalbos ir Literatūros Institutas.

Recenzowana praca oparta jest na materiałach onomastycznych znajdujących się w Instytucie Języka i Literatury Litewskiej Akademii Nauk LSRR. Bezpośrednim źródłem, z którego autor czerpał materiał nazewniczy, jest wydany w 1963 roku w Wilnie „Słownik nazw rzek i jezior Litewskiej SRR” (*Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas*), zestawiony z materiałami kartoteki toponomastycznej tegoż Instytutu. W słowniku tym jest około 9350 hydronimów (nie licząc nazw powtarzających się). Analizę słowotwórczą większości z nich — około 7700 hydronimów — przynosi właśnie książka A. Vanagasa.

W rozdziale wstępnym autor przedstawia stan badań nad litewskimi nazwami wodnymi (s. 6—21) i zajmuje się zagadnieniem klasyfikacji tych nazw (s. 21—27); omawia też klasyfikację P. Labela podaną w jego książce „Principes et méthodes d'hydronymie française” (Paris 1956) i S. Rosponda „Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna słowiańskich nazw geograficznych” (Wrocław 1957). Następnie w formie tabelarycznej przedstawił klasyfikację strukturalno-gramatyczną (słowotwórczą) hydronimów litewskich (s. 26).

Główną część książki stanowią rozdziały analityczno-materiałowe (s. 28—275). Zgodnie z przedstawioną w tabeli klasyfikacją, kolejno omówione są litew-

skie nazwy wodne prymarne i nazwy wodne sekundarne (wtórne).

Nazwy prymarne są albo rzeczownikowe, albo przymiotnikowe. W grupie hydronimów prymarnych rzeczownikowych są nazwy od nazw roślin (np. *Bėržas* < *bėržas* 'Birke'), od nazw zwierząt (np. *Gėrvė* < *gėrvė* 'Kranich'), od terminów fizjograficznych (np. *Liūnas* < *liūnas* 'Moor'), od nazw rzeczowników oznaczających miejsca i miejscowości (np. *Eglėnas* < *eglynas* 'Tannenwald'), od innych nazw pospolitych (np. *Blauzdà* < *blauzdà* 'Wade'), od nazw osobowych (np. *Asomaitis* < nazwisko *Adomaitis*) i od nazw geograficznych (np. *Amėrika*). Nazwy przymiotnikowe to np. *Baltà* < *baltà* 'weisse'.

Wśród litewskich hydronimów sekundarnych są nazwy derywatywne, nazwy złożone, reduplikacje i zestawienia. Nazwy derywatywne są fleksyjne (z końcówkami: *-a*, *-as*, *-ė*, *-is*, *-ys* i *-us*), sufiksalne (w hydronimach litewskich występuje w sumie 490 sufiksów, najczęściej sufiks *-elis*), prefiksalne (w sumie 17 prefiksów; najczęściej występującym jest *pa-*).

Nazwy złożone bywają: 1) złożone z dwóch rzeczowników, gdzie pierwszym członem jest nazwa rośliny (np. *Air-ūpė* : *ašras* 'Teichcalmus'), nazwa zwierzęcia (np. *Briedž-ūpis* : *briedis* 'Elch'), inny wyraz pospolity (np. *Kap-ūpė* : *kapa* 'Friedhof'), nazwa własna osobowa (np. *Norėik-ūpė* : nazwisko *Noreikà*) lub geograficzna (np. *Kliš-ūpė* : wieś *Klišiai*); 2) złożone z przymiotnika i rzeczownika (np. *Šalt-ūpė* : *šaltas* 'kalt'); 3) czasownika i rzeczownika (np. *Kriok-upys* : *kriokti* 'rauschen'); 4) liczebnika i rzeczownika (np. *Dri-ragis* : *dū* 'zwei', *rāgas* 'Horn'); 5) rzeczownika i czasownika (np. *Nak-tekė* : *naktis* 'Nacht', *tekėti* 'fliessen'); są też inne nazwy złożone (np. *Pusiū-lieknis* : *pusiū* 'zur Hälfte', *liėknas* 'sumpfiges').

Tworów z reduplikacją jest bardzo mało; tylko dziewięć (np. *Bebirva*, *Zezebra*).

W hydronimach będących zestawie-

niami syntaktycznymi pierwszym członem jest albo rzeczownik w genetiwie, albo przymiotnik (np. *Saūšas ežerēlis* : *saūšas* 'dürr, getrocknet'). Pierwszy człon rzeczownikowy jest albo nazwą miejscową (np. *Akmēnių ežeras* : wieś *Akmēnīa*), innym toponimem (np. *Kirminų upelis* : łąka *Kirminųnė*), antoponimem (np. *Narbuto ežeras* : nazwisko *Narbutas*), albo wyrazem pospolitym (np. *Balų ūpė* : *balū* 'Sump').

We wnioskach (s. 276—284) autor podaje m.in., że wśród zanalizowanych hydronimów najwięcej jest tworów sufiksalnych (52,1%), a następne są: nazwy złożone (16,7%), zestawienia z pierwszym członem rzeczownikowym (11,1%), nazwy prymarne rzeczownikowe (8,7%), derywaty fleksyjne (5,6%), derywaty prefiksalne (3,5%), nazwy prymarne przymiotnikowe (1,3%), zestawienia z pierwszym członem przymiotnikowym (1%). W celu porównawczym autor podaje także zestawienie dla litewskich nazw górskich.

Na końcu książki (s. 292—377) zamieszczono indeks (stanowiący jednocześnie słownik) zanalizowanych hydronimów oraz 35 map przedstawiających rozmieszczenie niektórych hydronimów sufiksalnych na terenie Litewskiej SRR i przyległych terenach Białoruskiej SRR, Polski i obwodu Kaliningradzkiego.

Zygmunt Brocki

Stanisław Rospond, *Podlasie czy Podlasze?*, „Poradnik Językowy” 1970, s. 290—296.

Od XVI wieku znana jest forma *Podlasze* dla obszaru, który się obecnie nazywa *Podlasie*, a który był też określany nazwą *Polesie*. Która z tych form jest pierwotna, a która wtórna? W recenzowanym artykule prof. S. Rospond wywodzi, że pierwotnie było *Polesie*, *Podlesie*, a wtórnie *Podlasze*, wreszcie *Podlasie*. Najdawniejsza forma *Polesie* : *polesie* (≡ **po* + *lės-ŭje*) 'teren ciągną-

cy się wzdłuż lasów' należała do bardzo często używanych. Obok niej było *Podlesie* z bardziej wyrazistym przedrostkiem *pod-*, spełniającym funkcję podobną do *po-*: *podlesie* (≡ **pod-ŭ-lės-ŭje*) 'teren pod lasami, przy lasach'. Dwujęzyczna ludność tego obszaru — pisze dalej prof. Rospond — przyjęła tę nazwę na sposób białoruski, mianowicie poprzez wymianę *š* ≡ *s* i akanie (nieakcentowane *e* jak *a*) powstało *Podlas^e*, to zaś z kolei skojarzone z *Lachami* 'Polakami' i stąd objaśnienie tego choronimu jako 'kraj pod Lachami, przy Lachach' (tak twierdzi już np. M. Bielski, choć kronikarz ten daje również wywód od *las*: „Podlasze albo od lasów gęstych, albo ~~to~~ stąd nazwane, iż jest Lachom abo Polakom przyległe”). Natomiast gdyby przyjąć jako pierwotną postać *Podlasze*, to wówczas jak wytłumaczyć powstanie wtórnej formy *Polesie*, *Podlesie*? — pyta autor.

Sporo miejsca prof. Rospond poświęca tutaj również XIII-wiecznemu zapisowi *Poleria*, *Pollexiani*, *Polesitae*. Jednym zdaniem przypomina, że identyfikację *Poleria*, *Pollexiani* z późniejszym *Podlasiem* przeprowadził już L. Niederle w 1924 roku, następnie zaś wskazuje, że J. Nalepa w książce „Jaćwiegie. Nazwa i lokalizacja” (Białystok 1964) dał etymologię **Po-lek-sia* : *-lek-* ≡ prasłow. **lěkъ*, a więc przeprowadził formę „trudną do przyjęcia i zlokalizowania”, jak określa prof. Rospond. Dla J. Nalepy jest to nazwa kraju leżącego nad *Łkiem* (dzis. *Łkiem*). Prof. Rospond powiada zaś, że choć niewątpliwie „siedziby Jaćwieży sięgały w głąb Mazowsza i Podlasia, ale nie można identyfikować Jaćwieży z Podlasianami (dok. *Pollexianami*)”. Zaznacza dalej, że Nalepa w cytowanej książce zapowiedział przeprowadzenie kompletniejszej lingwistycznej i historycznej analizy nazwy *Poleria* i *Pollexiani* — w odrębnym artykule.

Artykułem tym się jednak prof. Rospond nie zajmuje (ani go nie cy-

tuje)¹. W tym fragmencie swego artykułu, gdzie pisze o nazwie *Polexia* koncentruje się tylko na objaśnieniu funkcji łacińskiego znaku *x* w dokumentach, kronikach i tekstach staropolskich.

Zygmunt Brocki

Józef Reczek, *Pochodzenie imienia Witold*, „*Onomastica*” 1969, t. XIV, s. 144—161.

Recenzowana praca zajmuje się genezą polskiej postaci imienia wielkiego księcia litewskiego, Aleksandra, syna Kiejstutowego (ok. 1350—1430), zwanego w Polsce zwykle *Witoldem*. Według ustalenia K. Bügi, starolitewską postacią tego imienia jest *Vytautas*, *Vytautas*.

O imieniu tym oprócz Bügi pisali: J. Safarewicz i Ł. Humecka. J. Reczek nie całkowicie się zgadza z wywodami tych trzech uczonych. Po przedstawieniu swoich obiekcji daje przegląd źródeł wymieniających Witolda, wielkiego księcia Litwy: 1) zapisów powstałych w otoczeniu (kancelarii) Witolda — w języku ruskim, niemieckim i łacińskim (w tym ostatnim wypadku Reczek podaje też napisy na pieczęciach Witoldowych) oraz 2) zapisów, które pochodzą nie z otoczenia Witolda — też w tych trzech językach. Opierając się na swoich wywodach i na cytowanym materiale źródłowym, Reczek odrzuca hipotezę o wschodniosłowiańskiej genezie *l* w imieniu *Witold*. Ale wobec tego powstaje pytanie: gdzie należy i można szukać źródła dla *l* w tym imieniu?

I teraz Reczek zwraca uwagę, że imię *Witold*, *Witolt* znane było na gruncie germańskim, przede wszystkim niemieckim, na wiele lat przed księciem, którego nazywamy *Witoldem*. W XIII

i XIV wieku podczas kolonizacji niemieckiej pewna liczba imion niemieckich z zakończeniem *-old* (albo *-ald*) dostała się do Polski, gdzie je oczywiście przyswajano fonetycznie. Jak je wymawiano? Najprawdopodobniej z *l* — na miejsce niem. *l* — i *t* — na miejsce niem. *d*. Ostatecznie Reczek wyciąga wniosek, że imię stlit. *Vytautas*, które na gruncie ruskim przybrało postać *Вѣтаутъ*, „zostało na gruncie języka niemieckiego dzięki znacznemu podobieństwu utożsamione z niemieckim imieniem *Witold*. W tej postaci podlegało łatwej latynizacji na *Witoldus* (resp. *Vitoldus*), a z tej wzięło się w XIX w. polskie literalne *Witold* lub, nieco spolonizowane fonetycznie, *Witold*” (s. 160—161). Jeśli idzie o XV-wieczną wymowę polską, to najprawdopodobniej brzmiała ona *Witolt* lub *Witult*; można też przypuszczać, że nieobca była również postać *Witowt*, opierająca się na wymowie (czy może pisowni) ruskiej.

Zygmunt Brocki

Józef Trypućko: ● *języku „Wspomnienie dzieciństwa” Franciszka Mickiewicza*, „*Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia*” (Uppsala) 1969, t. 7, ss. 209.

Jednym z najważniejszych i najpilniejszych postulatów językoznawstwa polskiego jest gruntowne i wszechstronne poznanie wszystkich aspektów języka Adama Mickiewicza. Zrobiliśmy już w tej dziedzinie bardzo wiele, zważywszy jednak rolę, jaką twórca „Pana Tadeusza” odegrał i nadal odgrywa w kształtowaniu się i rozwoju polszczyzny literackiej, trzeba zrobić jeszcze wiele, „zanim się wypełni wszystkie luki w naszej wiedzy o Mickiewiczu i zanim można będzie pokusić się o jakies ogólne dzieło syntetyczne o jego języku” — pisze Józef Trypućko na wstępie.

Ważnym etapem programu badania języka największego naszego poety musi

¹ Jest to praca: Połeksanie [Pollexiani] — plemię jaćwieskie u północno-wschodnich granic Polski, „*Rocznik Białostocki*” 1966 (druk 1968), VII; zob. o niej: „*Acta Baltico-Slavica*”, t. VIII.

być zbadanie źródeł jego języka, przede wszystkim odtworzenie atmosfery językowej panującej w domu rodzinnym przyszłego autora „Dziadów” i w najbliższym jego otoczeniu. Trypućko pisze, że nie ulega wątpliwości, iż u podstaw języka Adama Mickiewicza leży właśnie ten język, którego się nauczył w dzieciństwie i który słyszał później w szkole w Nowogródku. Niektórych właściwości dialektycznych nie wyzył się przez całe życie i nawet miał żal do swoich urodzonych i wychowanych w Paryżu dzieci za to, że w ich języku polskim nie słyszał kresowego, nowogródzkiego „akcentu”. Wiele elementów tego języka kresowego weszło też do utworów poety¹.

Aby odtworzyć język dzieciństwa Adama Mickiewicza, trzeba wyzyskać przede wszystkim dokumenty, w których są ślady ówczesnego dialektu nowogródzkiego. Jednym z nich są „Wspomnienia dzieciństwa” starszego brata poety, Franciszka, powstałe około 1835 roku (według ustalenia J. Kleinera). Dokument ten uzupełnia jednocześnie nasze wiadomości o życiu Adama Mickiewicza w domu rodzinnym w okresie dzieciństwa i o jego rodzinie. Dlatego Trypućko zajął się tymi wspomnieniami i w wymienionej książce dał drobiazgową analizę ich języka.

Analiza ta obejmuje kolejno: pisownię, fonetykę, słowotwórstwo, fleksję, części mowy nieodmienne (m.in. mamy tutaj zaskakujące użycie przyimka *u*, np. w zdaniu: „koniec powroza *u rąk* swych mocno trzymali”; J. Trypućko dopatruje się tu wpływu języka białoruskiego, por. brus. „trymać *u rukach*”, i sądzi, że nie jest to indywidualizm Franciszka Mickiewicza, lecz że przykład ten oddaje szeroko rozpowszechnioną właściwość dialektu północnokresowego; według autora jest to ciekawy, dotąd nieznan przykład symbiozy języka polskiego i białoruskiego na tym terenie),

następnie składnię i stylistykę, wreszcie słownictwo. Rozważania nad słownictwem autor rozpoczyna nie od działu polskiego, lecz od wyrazów obcych, przy czym zastosował tu zabieg przez nikogo jeszcze nie użyty: podał dokładną statystykę wszystkich apelatywów i priopriów, które na podstawie danych słownikowych i etymologicznych można uznać za obce. Kolejno przedstawione są tutaj wyrazy pochodzenia łacińskiego², greckiego, francuskiego, niemieckiego, pożyczki z innych języków słowiańskich (22 wyrazy użyte 53 razy), pożyczki orientalne, węgierskie i wyrazy pochodzenia litewskiego (jest ich 5, użytych 11 razy). Pożyczki z języków słowiańskich to głównie rusycyzmy, inne elementy wschodnioruskie są rzadkie. Zamaskowanym białorusyzmem jest tu *brzask*, w zdaniu: „na *brzask* dzwonka [...]”; nie ma on nic wspólnego z pol. *brzask* ‘świtanie’, należy go porównać z brus. *brazgać* ‘brzęczeć’.

Rękopis „Wspomnień dzieciństwa” Franciszka Mickiewicza znajduje się w Muzeum Adama Mickiewicza w Paryżu. W 1923 roku wydał je, pt. „Pamiętnik Franciszka Mickiewicza”, J. Kallenbach. Jak wykazuje J. Trypućko, wydanie to ma bardzo wiele słabych punktów, z autografem wydawca poczynił sobie często dowolnie (na s. 10—25 J. Trypućko skolacjował rękopis „Wspomnień” z wydaniem Kallenbachowym³). Między innymi dlatego w aneksie do swego studium (s. 167—202) J. Trypućko przedrukował ponownie z rękopisu ten tekst, oddając go tutaj jak najwierniej, także jeśli idzie o właściwości pisowni i przestankowania.

Zygmunt Brocki

² Zob. też artykuł autora: Pożyczki łacińskie w „Pamiętniku” Franciszka Mickiewicza, „Scando-Slavica” 1965, XI, s. 210—228.

³ Zob. też o tym artykule: J. Trypućko, Jakiego Mickiewicza znamy?, „Scando-Slavica” 1954, I, s. 106—114.

¹ Por. artykuł: J. Trypućko, Źródła języka Mickiewicza; w: Adam Mickiewicz 1855—1955, Londyn 1958, s. 316 i n.

PALEOPATOLOGIA

V. Derums, *Bolezni i wraczevanije w drevniej Pribaltikie*, Riga 1970, Izd. „Zinatne”, ss. 100.

W monografii tej przedstawiono schorzenia układu kostnego dawnych populacji zamieszkujących głównie tereny dzisiejszej republiki łotewskiej, litewskiej i estońskiej; prześledzono dynamikę tych schorzeń. Założeniem pracy było również wydzielenie jednostek chorobowych charakterystycznych dla poszczególnych okresów, a także ustalenie, czy i w jakim stopniu schorzenia te wpływały na strukturę fizyczną ludności. Poza tym przedstawiono rozwój medycyny ludowej i profesjonalnej na tych terenach.

W rozdziale I znajdujemy przegląd badań paleopatologicznych na świecie, przy czym pominięto tu zupełnie polskie badania. Być może przyczyną jest brak monografii poświęconej paleopatologii w naszej literaturze. Niemniej liczne wzmianki na temat schorzeń układu kostnego można znaleźć w większości antropologicznych prac dotyczących badań materiałów kostnych tak z grobów szkieletowych, jak ciałopalnych. Rozdział zamyka opis budowy fizycznej Bałtów, uwarunkowanej surowym środowiskiem.

Rozdział II poświęcono epoce mezolitu i neolitu. Autor omawia historię zaludniania się terenów wspomnianych wyżej republik. Tereny republiki litewskiej były zamieszkane już pod koniec IX tysiąclecia przed naszą erą, łotewskiej o jedno tysiąclecie później. Według danych archeologicznych, plemiona litewsko-łotewskie pojawiły się na terenach wschodniego Bałtyku na początku II tysiąclecia przed naszą erą. Autor przedstawia poglądy różnych autorów na tę kwestię.

Krótkie omówienie budowy fizycznej dawnych Bałtów poprzedza przegląd ówczesnych schorzeń układu kostnego.

Przeważnie są to zmiany zwyrodniające stawów i kręgosłupa, zmiany wywołane chorobą Bechterewa, przewlekłym zapaleniem kości (*osteomyelitis*) i krzywicą. Stwierdzono też próchnicę zębów, paradontozę oraz ropnie okołozębowe. Sporo uwagi poświęca Derums urazom u Bałtów, omawiając je na tle licznych opisów z literatury. Są to różnego rodzaju wgniecenia w obrębie czaszki czy kręgosłupa oraz złamania kości długich, które wraz ze wspomnianymi już schorzeniami często prowadziły do ciężkiego inwalidztwa. Stwierdzenie śladów zagojonych ran i złamań oraz dożywanie upośledzonych fizycznie osób do wieku dojrzałego świadczy o tym, że chorych otaczano opieką i leczono.

W rozdziale III omówiono kształtowanie się procesów chorobowych w epoce brązu, podkreślając rzadsze występowanie wspomnianych poprzednio schorzeń. Zapewne obraz ten jest zniekształcony małą liczbą szkieletów (55), na których przeprowadzono obserwacje. O stosowaniu w owych czasach leczniczych zabiegów świadczą wielokrotnie obserwowane dobrze zrosnięte złamania oraz znalezione przedmioty, które mogły być używane w praktyce lekarskiej.

Rozdział IV poświęcony jest wczesnemu i środkowemu okresowi epoki żelaza. Materiał składał się z 470 szkieletów. Poza wymienionymi już schorzeniami napotkano na zmiany wywołane prawdopodobnie nowotworami (łagodnymi) i gruźlicą. Znalezione też czaszkę świadczącą o wodogłowi. Próchnica zębów wzrosła do 14%. Zagojone rany oraz prawidłowo zrosnięte po złamaniu kości, a także coraz liczniejsze narzędzia, jak np. noże, są uważane za świadectwo rozwoju umiejętności lekarskich. Rozdział kończy kilka uwag demograficznych.

Derums podaje, że ludność mezolitu i neolitu przeciętnie umierała w wieku 27—28 lat; największa śmiertelność przypadała na lata najmłodsze (30%). Szkieletów osób w wieku powyżej 55 lat nie znaleziono.

Rozdział V obejmuje okres od X do XIII wieku. Poza charakterystyką stuleci i omówieniu patologii kości autor pisze na temat higieny i leczenia, na koniec zaś sporo miejsca poświęca trepanacji czaszki. Materiał obserwacyjny składał się z 550 szkieletów. *Arthrosis deformans* stwierdzono w 6°%, *spondylosis deformans* oraz *osteochondrosis* w 17°%. Podobnie jak na materiałach z poprzednich wieków, zmiany te zaobserwowano również na szkieletach osób młodych, co wskazuje na przedwczesne starzenie się układu kostno-więzadłowego. Rzadziej napotkano na zmiany wywołane gruźlicą i przewlekłym stanem zapalnym (*osteomyelitis*) oraz krzywicą. Próchnica zębów wzrosła do 16°%.

W omawianym okresie istniały łaźnie, znano mydło. Poza tym stwierdzono specjalne pomieszczenia, w których udzielano pomocy rannym. Z narzędzi uznanych jako „lekarskie” napotkano na łyżeczki z brązu, igły, noże oraz narzędzia używane przy upuszczaniu krwi.

Między licznymi cytowanymi pracami zajmującymi się opisem trepanacji znajdujemy też pracę Talko-Hrynecwicza. Derums podaje, że pierwsze trepanacje na terenie wschodnich wybrzeży Bałtyku wykonano w połowie III stulecia naszej ery. Według niego, istniały pewne centra, gdzie dokonywano tego zabiegu: w południowej Łotwie (IX—X wiek), południowo-wschodniej Estonii i na pograniczu Litwy (XI—XVII wiek) i na terenie Wilna (XV wiek).

Rozdział VI obejmuje okres od XIII do XVII wieku. Ciągłe wojny i niewola odbiły się ujemnie na warunkach bytu, a także na stanie zdrowia oraz budowie fizycznej dawnych mieszkańców wschodnich wybrzeży Bałtyku. Zbadano 710 szkieletów. Zmiany deformacyjne stawów wzrosły do 17°%, w obrębie kręgosłupa do 20°%. Wzrosła też liczba przypadków choroby Bechterewa (4 szkielety); wyrosła pochodzenia urazowego stwierdzono 12 razy. Zaobserwowano też zmiany wywołane stanem zapalnym mięśni (*miosi-*

tis). *osteomyelitis* stwierdzono dwunastokrotnie, natomiast zmian wywołanych nowotworem złośliwym nie stwierdzono ani razu. Kiła pojawiła się w XV wieku, przy czym na terenie ZSRR znane są przypadki tej choroby z drugiej połowy II tysiąclecia przed naszą erą. Krzywica występowała stosunkowo rzadko. Próchnica zębów wzrosła do 20°%. Urazów zaobserwowano znacznie więcej niż w wiekach poprzednich, podobnie wzrosła liczba złamań, jednak w większości kości były dobrze zrośnięte.

Epidemie omawia autor przede wszystkim na podstawie literatury. Na Litwie i Białorusi na przestrzeni dziewięciu wieków aż 120 lat było epidemicznymi. Były to głównie epidemie dżumy, śpy, cholery i chorób zakaźnych dzieci. Na przykład dżuma panowała w krajach nadbałtyckich z przerwami od XIII do XVIII wieku.

Sporo miejsca poświęca Derums historii medycyny, ze szczególnym uwzględnieniem jej rozwoju na ziemiach dawnych Bałtów. Mowa tu o pierwszych księgach lekarskich, aptekach, szpitalach, lekarzach, szkole akuserek, a także o znachorach i „babkach” pomagających przy porodzie.

W porównaniu z innymi krajami w wieku XVII i XVIII (rozdział VII) omówicze poprzednio choroby częściej występowały wśród ludności nadbałtyckiej wspomnianych republik. Próchnica wzrosła do 38°%. Zauważa się znaczny rozwój leczenia w ośrodkach miejskich; na wsi nadal leczeniem zajmują się znachorzy i „babki”. W 1635 roku powstaje w Wilnie pierwszy szpital psychiatryczny, w 1785 pierwszy w całym tego słowa znaczeniu szpital w Tallinie. Na koniec autor omawia leki, cytuje też kilka recept na niektóre dolegliwości.

Książka jest niewątpliwie cennym wkładem do badań w dziedzinie paleopatologii, uzupełnia bowiem dotychczasowe wiadomości o schorzeniach ludności zamieszkującej tereny trzech Republik ZSRR począwszy od czasów najdawniej-

szych do wieku XVIII włącznie. Bogate tło — 304 pozycje literatury — na którym autor rozpatruje kształtowanie się zmian chorobowych układu kostnego oraz leczenia, pozwala uchwycić rozwój zwłaszcza niektórych schorzeń i ich dynamikę oraz ustalić związek ich występowania z warunkami społeczno-polityczno-ekonomicznymi. Wartość książki

podnoszą dobre i liczne ilustracje, w tym mapy przedstawiające rozmieszczenie poszczególnych schorzeń w czasie i przestrzeni. Zbyt mała ilość materiału nie pozwala jednak na wysnucie bardziej konkretnych wniosków odnośnie paleopatologii.

Judyta Gładkowska-Rzeczycka

126060